

©“Адвокатская Палата”

**Официальное издание
Адвокатской палаты Московской области
№ 2, февраль 2016**

**Научно-практический журнал, выходит с
01.01.2003**

Издание зарегистрировано в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

**Свидетельство о регистрации
ПИ-77-14492 от 27.01.2003 г.**

Учредитель: Адвокатская палата Московской области

Издатель: Адвокатская палата Московской области

Главный редактор: Ю.М.Боровков

Выпускающий редактор: А.А.Горшенков

Компьютерная графика, верстка: А.В. Тихонова

Адрес редакции и издателя: 111020, город Москва, Госпитальный вал, 8/1, строение 2

Телефон редакции: (495) 360-3941, 360-8630

E-mail: apmo@bk.ru **Web:** www.apmo.ru

Подписной индекс: 82201

Отпечатано: ООО “Красногорская типография”

143000, Московская область, город Красногорск,

Коммунальный квартал, д.2

Объем: 6 п.л. **Тираж** 1000 экз. **Заказ**

**Редакционный Совет
журнала "Адвокатская палата"**

1. Председатель редакционного совета журнала **Галоганов Алексей Павлович**, адвокат, президент АПМО;
2. **Боровков Юрий Михайлович**, адвокат, первый вице-президент АПМО;
3. **Володина Светлана Игоревна**, адвокат, вице-президент ФПА РФ, член Квалификационной комиссии АПМО;
4. **Добровольская Светлана Игоревна**, адвокат, руководитель Экспертно-консультативного совета АПМО;
5. **Семенова Екатерина Юрьевна**, Уполномоченный по правам человека в Московской области;
6. **Ковалева Лидия Николаевна**, адвокат, советник президента АПМО;
7. **Никифоров Александр Владимирович**, адвокат, отв. секретарь Квалификационной комиссии АПМО;
8. **Новолодский Юрий Михайлович**, адвокат, президент Балтийской коллегии адвокатов;
9. **Пепеляев Сергей Геннадьевич**, адвокат, член Совета АПМО, член Совета ФПА РФ;
10. **Пилипенко Юрий Сергеевич**, адвокат, президент ФПА РФ;
11. **Юрьев Сергей Сергеевич**, адвокат, председатель президиума КА “Межрегион”.
12. **Яртых Игорь Семенович**, адвокат, председатель президиума КА “Яртых и коллеги”, член Совета АПМО;

Содержание

События

Калейдоскоп событий 2

Обмен опытом

О.Д. Ярошик. Что же происходит с российским правосудием? 4

И.Б. Бушманов. Мнение защитника из-за колючей проволоки. Или – УДО не для всех. 11

А.В. Чуркин. Адвокат как объект оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ). 13

Г.П. Поплавская. Некоторые вопросы по протоколам судебных заседаний (материал для начинающих адвокатов). 24

Т.М. Михайлова. Травма весом в четыре года. 27

Дискуссия

В.И. Сергеев. Взгляд на элиту как на заговор. 28

А.Б. Кавецкий. Сила Закона или Закон силы? 35

История адвокатуры

В.М. Зубарь. К 150-летию со дня рождения Е.В. Васьяковского (биографический очерк). 42

Н.А. Сафронов. Очередные волны накатившего правосудия 44

Н.А. Сафронов. Дело эмигранта Ю.С. Наумова 47

Дата выхода в свет: 15.02.2016

Цена свободная

КАЛЕЙДОСКОП СОБЫТИЙ

**Выдвижение делегатов в спорах
и предложениях**

В одном из конференц-залов гостиничного комплекса «Измайлово» 18 декабря с.г. состоялось общее собрание адвокатов, осуществляющих адвокатскую деятельность в адвокатских образованиях с численностью от 1 до 5 адвокатов и зарегистрированных на территории г. Москвы.

Мероприятие получилось на сей раз отнюдь не «протокольным», а живым и дискуссионным. «В отличие от Думы, у нас здесь место для дискуссий», – пошутил кто-то из коллег, которых пришло 202 человека. Особую значимость общему собранию по выдвижению делегатов придавал тот факт, что оно впервые согласно новым Регламенту и Порядку, принятых Решением №13/23-6 Совета АПМО от 18 ноября 2015 г. Дело в том, что прошлый выборный порядок, разработанный при создании палаты ещё в тринадцать лет назад, предполагал одного делегата на конференцию от 10 адвокатов, но с тех пор численность нашей палаты увеличилась более чем в два раза. В связи с этим и делегат теперь выдвигается теперь уже от двадцати коллег. Особая важность придаётся теперь согласно новым документам личному участию выборщиков в мероприятии и затем делегатов на конференции.

Уже перед официальным открытием собрания зазвучали предложения и о возврате к старой норме представительства, и о различных исключениях из новых правил, однако в результате все приняли разумных избирательных изменений в АПМО. Затем по Регламенту проведения общего собрания адвокатов, осуществляющих профессиональную деятельность в адвокатских образованиях, зарегистрированных на территории судебных районов Московской области и г. Москвы, по избранию делегатов на ежегодную конференцию адвокатов Московской области, мероприятие открыл первый вице-президент АПМО Ю.М. Боровков. Председателем собрания избрали вице-президента АПМО М.Н. Толчеева, а секретарём адвоката Е.Ю. Полотовскую.

Председательствующий ознакомил участников собрания с Решением Совета Адвокатской палаты Московской области о созыве 19 февраля 2016 г. XV ежегодной конференции адвокатов Московской области. Учитывая количество адвокатов, явившихся на собрание, необходимо было избрать десять делегатов на конференцию.

Собравшиеся забаллотировали четырёх коллег, выдвинувших себя делегатами, однако на мероприятии не присутствовавших – порядок есть порядок. А из 15 кандидатов, выдвинутых товарищами или выдвинувших сами себя, путём открытого голосования, получившегося отнюдь не единогласным, избрали необходимую «десятку» наиболее «рейтинговых». Это И.Г. Броневицкая (КАМО «ФБС-Коллегия»), Д.Е. Горлов (АК №1392), Л.П. Козлов (Московская городская арбитражная КА), Е.А. Котова (АБ «Вилкова, Котова и партнёры»), Е.Г. Крысанова (АК №2030), В.В. Набоков (АК №0848), А.А. Поляков (АК №1547), О.В. Потокина (АК №0316), И.В. Серебрякова (АК №0152) и Г.Е. Удальцов (АК №0084).

Таким образом, новый механизм избрания делегатов прошёл на общем собрании успешную обкатку.

Объединяться в интересах адвокатуры

В последнюю пятницу года, 25 декабря, в зале Совета АПМО состоялось расширенное заседание Научно-методического совета нашей палаты. В его работе приняли участие президент АПМО А.П. Галоганов, некоторые члены Совета палаты и кандидат юридических наук, сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, подмосковный адвокат Е.С. Ганичева.

Открывая мероприятие, председатель Научно-методического совета, вице-президент АПМО С.А. Багян предложил обсудить важный документ – «Концепцию регулирования рынка профессиональной юридической помощи». Которая разрабатывалась с мая прошлого года специальной рабочей группой и недавно была уже направлена на утверждение в Правительство страны, однако информации о ней и её прохождении имелось немного.

Правда, начиная выступления, президент А.П. Галоганов напомнил, что обсуждение такого регулирования началось гораздо раньше, однако сам предлагаемый вариант документа появился, действительно, недавно и требует ещё обсуждения широкой адвокатской общественности.

В ходе заинтересованной дискуссии определились представители как, в основном, contra, так и pro Концепции, с преобладанием первых. Е.С. Ганичева, отметив недоработанный уровень документа, отметила, что так называемый рынок, в том числе юридической помощи, не регулируется только правовыми методами, это более широкое понятие. К тому же предлагаемой реформой почему-то не охватываются некоторые юристы, например, патентные поверенные, аудиторы, арбитражные управляющие. В документе большие отсылки к зарубежному опыту, не всегда должным образом осмысленному. Член Совета АПМО П.В. Царьков усмотрел в Концепции и кнут – изменение Закона об адвокатуре; и пряник в виде адвокатской монополии на судебное представительство, однако не всеобщей. Вообще, в документе мало конкретики, не говорится о действительно нужном реформировании системы бесплатной юридической помощи, не раскрывается аспект ответственности адвоката.

Категорическим противником адвокатской монополии в том виде, в котором она предлагается на сегодняшний день, прямо обозначил себя член Совета АПМО, председатель президиума коллегии адвокатов «Яртых и партнёры» И.С. Яртых. Выступающий отметил, что Концепция отклоняется от декларируемых целей и задач известной госпрограммы «Юстиция», в ней наблюдается смешение понятий, в частности, юридической помощи и юридических услуг. Публичная функция адвокатуры, состоящая в защите прав граждан в уголовном процессе, а также в ряде гражданских дел, гарантированная государством и в случае неплатежеспособности гражданина, состав-

ляет основу профессии и не должна размываться. Якобы же неравенство адвоката в процессе в сравнении со «свободным» от многих адвокатских ограничений юристом отсутствует, это, на самом деле, его конкурентное преимущество – недаром большинство юристов всё же стремятся обзавестись адвокатским статусом.

Одинаково адвокатская монополия на судебное представительство является и чаянием широких адвокатских кругов, отметил вице-президент АПМО М.Н. Толчеев, много ездящий с лекциями по стране. Вдобавок выясняется, что на периферии порой не хватает людей, способных оказывать качественную юридическую помощь, а с появлением «большой» адвокатуры количество таковых увеличится. Член же Совета АПМО и ФПА С.Г. Пепеляев сказал, что не видит причин, чтобы не продолжать декларируемую юридическую реформу, поскольку в ней есть поле для различных компромиссов. Можно критиковать предлагаемый документ, но не назревшие реформы. А член Научно-методического совета АПМО, доктор юридических наук Е.А. Цуков нашёл положительное в адвокатской монополии в том, что с её воцарением исключённый по дисциплинарным проступкам из адвокатуры юрист больше уже не сможет заниматься юридической деятельностью и совершать следующие ошибки.

Подводя итоги представительному совещанию, президент А.П. Галоганов выразил схожесть своей позиции по «Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи» с позицией С.Г. Пепеляева. Объединение юристов в единую адвокатуру необходимо, но необходимо в интересах сохранения адвокатуры в меняющемся мире.

Мнения участников расширенного заседания Научно-методического совета АПМО поручено обобщить и донести до Федеральной палаты адвокатов РФ эксперту ФПА, члену Совета АПМО А.А. Орлову.

Минюст определил сроки

Минюст России представил в начале года проект поправок в госпрограмму «Юстиция», которыми корректируются ее финансовые и количественные показатели и определяются сроки подготовки законопроектов об адвокатской монополии и нотариате. Документ размещен на едином портале проектов правовых актов.

Как отмечается в пояснительной записке к проекту постановления Правительства РФ, бюджетные ассигнования, предусмотренные на реализацию госпрограммы, будут снижены в соответствии с Законом о федеральном бюджете. В 2016 году они составят 265 млрд руб. (предполагалось выделить 300 млрд руб.), в 2017 году – 233 млрд руб. (изначально было заявлено 290 млрд руб.) и в 2018 году – 234 млрд руб. (ранее планировалось – 304 млрд руб.).

В связи с сокращением средств, в частности, произведена корректировка показателей подпрограммы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007 – 2016 годы)».

Кроме того, поправками определены сроки подготовки ряда законопроектов. Проект закона о профессиональной юридической помощи в РФ, направленный на

оптимизацию процедуры допуска к профессии адвоката и стандартизацию рынка, планируется внести в Правительство РФ к 31 декабря 2017 года (ранее документ был убран из плана реализации госпрограммы на 2014–2016 годы). Минюст России в ответ на запрос «Право.ru» пояснил, что работу над соответствующими поправками в процессуальное законодательство РФ планируется начать после утверждения Концепции регулирования рынка профессиональной юрпомощи.

Требования излишни

Предлагается освободить адвокатов от обязанности предъявлять документ о высшем образовании для участия в административном процессе.

Поправки в КАС РФ, которыми предлагается дать право адвокатам не предоставлять для участия в административном судопроизводстве документ о высшем юридическом образовании, разработаны группой членов Совета Федерации ФС РФ совместно с ФПА РФ.

В настоящее время в соответствии с ч. 1 ст. 55 КАС РФ обязательным условием для допуска гражданина в качестве представителя в суд по административным делам является наличие у него высшего юридического образования.

Несмотря на то что обязательным условием для приобретения статуса адвоката является наличие высшего юридического образования, суды нередко требуют у адвокатов предъявить диплом о высшем юридическом образовании для участия в административном процессе. «На практике суды, осуществляющие административное судопроизводство, часто не допускают к участию в судебных заседаниях адвокатов без представления документов о наличии высшего юридического образования. Подобные случаи имеют место в Москве, Астраханской, Кемеровской, Мурманской областях, а также в иных регионах. Количество таких случаев продолжает расти», – сообщил статс-секретарь ФПА РФ – заместитель президента ФПА РФ по взаимодействию с государственными органами К.Э. Добрынин.

По мнению К.Э. Добрынина, данная ситуация ведет к препятствованию профессиональной деятельности адвоката и, соответственно, к нарушению права граждан на получение квалифицированной юридической помощи.

Внесенный в Госдуму законопроект предусматривает включение в ст. 55 КАС РФ указания на то, что адвокат представляет суду, осуществляющему административное судопроизводство, документы, которые удостоверяют статус адвоката и его полномочия, а представитель, не являющийся адвокатом, – документ о своем образовании и документ, удостоверяющий его полномочия. При этом полномочия адвоката на ведение административного дела в суде должны удостоверяться ордером, выданным соответствующим адвокатским образованием, и доверенностью.

*(по материалам нашего спецкора
и адвокатских СМИ)*

О.Д. Ярошик – заведующий филиалом №30 МОКА, почётный адвокат МОКА и АПМО

Что же происходит с российским правосудием? (Обращение к председателю Верховного Суда РФ В.М. Лебедеву)

Уважаемый Председатель Верховного Суда!

В то время как председатель Конституционного суда России В.Зорькин говорит о том, что судебная реформа не решила в государстве проблему снижения доверия граждан к правосудию; утверждает, что если в результате реформ не выстраивается разделение властей, не получится и самостоятельной судебной власти, независимой от власти исполнительной, и предлагает «развивать общественную экспертизу судебных постановлений», может быть Вы, как председатель Верховного Суда на протяжении многих и многих лет, разъяснит практикующим адвокатам, а главное, – недоумевающим гражданам, у которых уже утрачена вера в справедливое применение закона, что же на самом деле происходит с российским правосудием.

Вы говорите, что основные преобразования современной России связаны с утверждением в Российском государстве судебной власти, обеспечивающей условия построения и развития правового государства, в котором человек, его права и свободы провозглашены высшей ценностью.

Вы утверждаете, что в стране функционирует современная судебная система, позволяющая гражданам иметь свободный доступ к правосудию, судебную защиту нарушенных прав и законных интересов без каких-либо ограничений. Каждому гражданину Российской Федерации гарантировано право на справедливое судебное разбирательство независимым и беспристрастным судом, на основе демократических принципов правосудия, состязательности и равенства сторон, в условиях широкой гласности и открытости судебной деятельности.

Вас поддерживает министр юстиции Российской Федерации А.Коновалов, который говорит, что «необходима стабильная понятная практика применения законов, и чтобы была максимально оперативная и жесткая реакция на уход от «генеральной» линии. Чтобы судья, который вынес заведомо неправосудный приговор, идущий вразрез с законом, с руководящими рекомендациями Верховного Суда, немедленно получил бы... Лишился должности, получил служебное несоответствие, остался без юридической практики, и чтоб об этом узнал все. Если это будет общей политикой, ситуация будет меняться к лучшему».

Министру юстиции вторит известный публицист М.Делягин, который пишет, что «формальная независимость (судебной системы) в ряде случаев обернулась независимостью от здравого смысла, а административный контроль скорее усугубился, перейдя на более высокий уровень», и «нарушения с их стороны (включая **игнорирование существенных материалов дела**) должны вести к увольнению и пожизненному запрету на любую юридическую деятельность, занятие любой государственной, руководящей или выборной должности».

Очевидно, что нарушения прав человека остаются достаточно многочисленными. Среди причин этих нарушений – недостаточная квалификация, низкий профессиональный уровень и недобросовестное отношение к делу немалого количества должностных лиц, отсутствие эффективного контроля и надзора за их деятельностью; невысокая правовая культура людей, незнание своих прав и свобод, форм и методов их защиты (см.: Уполномоченный по правам человека в Московской области А.Е.Жаров, «Вестник АП МО», выпуск 2, 2014 г.).

Может быть, поэтому серьезно задумывается член Научно-методического совета Адвокатской палаты Московской области профессор Е.А.Цуков: «Уже несколько раз участвовал в апелляционных судах, но так и не понял, для чего их придумали».

Ответ тоже уже давно имеется, точнее проблема, которая серьезно обозначена еще в октябре 2011 года, но не решена и до сих пор существует: «*В последние годы Европейский суд часто обращается к позициям Конституционного Суда для разрешения главной загадки российского правосудия*, как уголовного, так и гражданского, – надзора во всех его вариациях» (А.Ковлер, судья ЕСПЧ, избранный от РФ, «Судья», октябрь, 2011 г.).

А ведь ответ и тут уже давно дан, и заключается он в следующем: «*Право на судебную защиту... предполагает... наличие конкретных гарантий, которые позволяли бы обеспечить эффективное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости... Одной из таких гарантий является право обжалования в суд решений и действий (бездействия) органов государственной власти, в том числе судов, чем предопределяется предоставление заинтересованным лицам возможности добиваться исправления допущенных судами ошибок и создание в этих целях процедур проверки вышестоящими судами законности и обоснованности решений, вынесенных нижестоящими судебными инстанциями*» (Определение КС РФ от 8 июля 2004 г. №237-О).

Н.Ведищев, рассказывая о сегодняшнем обжаловании обвинительного приговора, пишет о том, что должно учитываться, но в большинстве своем не принимается и почему-то не учитывается при написании кассационных и надзорных жалоб. С учетом нового законодательства, в кассационных и надзорных жалобах не обжалуются фактические обстоятельства дела, а только существенные нарушения уголовного и уголовно-процессуального закона (см.: Н.Ведищев, «О спорных моментах методики жалобы адвоката при обжаловании приговора», «Адвокат», №10, 2014 г.). Вот только что понимать сейчас под этими «существенными нарушениями»?

В постановлении судьи Брянского областного суда по уголовному делу Лабзиной об отказе в передаче касса-

ционной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции было написано:

«В соответствии со ст. 401.1 УПК при рассмотрении кассационной жалобы судья кассационной инстанции проверяет только законность судебных решений, т.е. правильность применения норм уголовного и норм уголовно-процессуального права (вопросы права).

В связи с чем доводы кассационной жалобы в части оспаривания правильности установления судом фактических обстоятельств дела (вопросы факта) проверке не подлежат...

Несогласие заявителя жалобы с результатами рассмотрения судом заявленных ходатайств не может свидетельствовать о нарушении прав осужденной».

Возникает в связи с этим резонный вопрос, справедливый ответ на который вызывает искреннее недоумение. Кто и какой целью придумал именно такое «законное» рассмотрение уголовных дел? Кто и зачем ввел в УПК такие изменения и поправки? Где же речь о защите уже набивших оскомину прав и законных интересов граждан? В чем же тогда заключается суть современного уголовного процесса? Обосновать вот просто так осуждение всех и всего абы как?

Итак, судья кассационной инстанции «проверяет только законность судебных решений, т.е. правильность применения норм уголовного и норм уголовно-процессуального права (вопросы права)». Очевидно, судья Брянского областного суда дала законную и обоснованную оценку бумаге доктора юридических наук профессора А.Г.Халиулина, весомое мнение которого в качестве специалиста в свое время было представлено было представлено защитой?

Заведующий кафедрой прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и **участия прокурора в уголовном судопроизводстве** Института повышения квалификации руководящих кадров Академии Генеральной прокуратуры РФ, директор Научно-исследовательского института Академии Генеральной прокуратуры РФ, профессор, доктор юридических наук А.Г.Халиулин нашел время, очевидно, прежде всего в силу неординарности ситуации, написал это свое мнение, изложил его на двух листах текста, привел весомые примеры из судебной российской практики в доказательство своей правоты.

Однако об этом в судебном документе нет ни слова. Ни одного! Абсолютно никакой оценки. Ни правовой, ни технической, ни человеческой, ни справедливой и по существу доводов защиты. Набор общих фраз. Это значит, что настоящее **дело апелляционной и кассационной инстанциями по существу не рассмотрено, а мотивированные доводы защиты оставлены без должного внимания, законной оценки и справедливого разрешения**. А ведь в случае отказа в удовлетворении жалобы защита просила привести исчерпывающие мотивы признания доводов жалобы несостоятельными либо не заслуживающими внимания (п.7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. №1 «О применении судами норм главы 48 УПК РФ, регламентирующих производство в надзорной инстанции» и требования Конституционного Суда РФ (определения

от 8 июля 2004 г. №237-О и от 25 января 2005 г. №42-О).

Однако в описательной части, там, где изложено перечисление доводов заявителя, указано: «По мнению осужденной обвинительный приговор не мог быть вынесен на нарушение п.1.5 Правил дорожного движения, который вообще не предусматривает какой-либо ответственности». И далее, на другой странице текста: «В частности, утверждения осужденной в кассационной жалобе о том, что следствием и судом дана неправильная правовая оценка ее действиям, являлись предметом тщательной проверки в ходе судебного разбирательства в судах первой и апелляционной инстанций и обоснованно признаны несостоятельными, чему в приговоре и апелляционном определении дана надлежащая оценка» и «в судебном заседании выяснены обстоятельства содеянного с указанием конкретных нарушений, допущенных осужденной при управлении транспортным средством». Очевидно, так суд кассационной инстанции после «тщательной проверки» дал свою исчерпывающую оценку доводам защиты и представленному защитой письменному мнению специалиста?

Указано также: «необоснован и довод жалобы о том, что осужденная была лишена квалифицированной юридической помощи в ходе предварительного следствия, в связи с чем данные ею признательные показания должны быть исключены из обвинения», после чего изложено следующее, буквально: «Апелляционным постановлением признано недопустимым доказательством и исключена из приговора ссылка на показания осужденной, данные ею при допросе в качестве обвиняемой...».

Так значит, довод жалобы о том, что «осужденная была лишена квалифицированной юридической помощи в ходе предварительного следствия, в связи с чем данные ею признательные показания должны быть исключены из обвинения», является обоснованным? Это все называется простым словом – логика!

Однако в постановлении суда кассационной инстанции голословно указано, что **«вопреки доводам осужденной ее вина установлена показаниями самой осужденной»**. А как это понимать? Какими показаниями да еще и вопреки?

И венчает сей шедевр Брянской кассационной судебной мысли следующее: «Квалификация действий осужденной по п.п. «а, б» ч.2 ст.158 УК РФ, является верной». Так что же все-таки в действительности совершила осужденная – кражу группой лиц или все-таки ДТП? И запятых в этом судебном документе, простите, понатыкано столько, чтобы, наверное, показать не только свою юридическое знание, но и орфографическое вместе с пунктуационным. А ведь первый приговор по этому многострадальному делу был уже отменен в связи с лишь одним протоколом судебного заседания, который вызывал не только смех, но и слезы...

А между тем, доводы защиты по настоящему делу заключались в следующем:

Обвинительный приговор водителю за нарушение пункта Правил дорожного движения, который вообще не предусматривает какой-либо ответственности по предъявленному обвинению в изложенной следствием редакции (пункт 1.5, абзац 1 Правил) не может быть

вынесен в принципе, так как противоречит требованиям уголовно-процессуального закона, Верховного Суда и российской судебной практики.

Мотивировочная часть обвинительного приговора не соответствует описательной, а потому вынесенный приговор в отношении осужденной является незаконным.

Объективная и квалифицированная оценка дорожно-транспортной ситуации по настоящему делу не проводилась вообще. Именно поэтому защита обоснованно утверждала, что правовая оценка действий подсудимой, изложенная в обвинительном приговоре, является серьезной судебной ошибкой.

В основу обвинительного приговора положены доводы обвинения и односторонняя, исключительно в интересах обвинения, оценка судом имеющихся доказательств.

Подобная ситуация является недопустимой, она свидетельствует, что приговор вынесен отнюдь не беспристрастным судом, а потому такой приговор не является справедливым.

Вероятные, предположительные, противоречивые, а потому сомнительные выводы эксперта-автотехника о месте столкновения ТС, опровергаемые заключением эксперта защиты, привлеченного к участию в деле в качестве специалиста, без повторной комплексной экспертизы не могут быть положены в основу обвинительного приговора при наличии лишь субъективного мнения сотрудников ДПС, не обладающими специальными познаниями и не являющимися специалистами в области судебных автотехники и трасологии, а также с учетом недостоверных показаний единственного свидетеля обвинения как очевидца столкновения опять же по месту столкновения ТС, опровергнутых в судебном заседании как двумя сотрудниками ДПС, так и подсудимой, и одной из потерпевших по уголовному делу.

С учетом допущенных в досудебном производстве грубых нарушений уголовно-процессуального закона, являющихся существенными, и права на защиту осужденной обвинительный приговор не может являться законным и обоснованным.

В обвинительном приговоре содержались взаимоисключающие выводы суда по поводу признательных показаний осужденной:

«Подсудимая в ходе судебного заседания давала показания, согласно которым она свою вину... признала и в этом раскаялась» (Прим. авт.: Этого совсем не было).

«Между тем, подсудимая в судебном заседании вину в предъявленном ей обвинении не признала. Просила суд вернуть дело прокурору для производства дальнейшего расследования, так как ей непонятно, в чем ее обвиняют».

При этом суд пришел к выводу о **«неправильной ссылке в обвинительном заключении на пункт Правил дорожного движения РФ, нарушение которого вменяется подсудимому»**, и указал, что эта «неправильная ссылка» **«должна оцениваться судом в рамках наличия у подсудимого состава преступления»**.

Что это такое умное на самом деле, не знает никто. *Это какая-то очень новая юридическая мысль в современном правоприменении, которая требует разумного осмысления.*

«Доводы, аналогичные изложенным в кассационной жалобе, были предметом тщательного рассмотрения судами первой и апелляционной инстанциями, обоснованно признаны несостоятельными и опровергаются установленными по делу обстоятельствами, о чем имеется суждения в состоявшихся по делу судебных решениях. Нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих отмену или изменение принятых по делу судебных решений, не установлено»....

Или другая мотивировка, кем-то придуманная и успешно применяемая в судах апелляционной инстанции: «При отсутствии процессуальных оснований», «При отсутствии новых доводов», «Не имеет отношения к сути рассматриваемого заявления», «Доводы защиты направлены на иную оценку исследованных судом доказательств», «Совокупность имеющихся доказательств дает основания для вывода о виновности осужденного».

Кто же и почему дает такие указания так рассматривать дела, если все руководители правоохранительной системы России и ее органов ратуют только за закон, его точное исполнение и тем более безукоризненное соблюдение всех прав и свобод граждан... Посмотреть бы на такого особо замаскированного законодателя? Или тем более на руководителя, который дает такие вдруг руководящие указания, которые исполнители на местах все как один отрицают. Где же они все прячутся? Поэтому и вновь вспоминается легендарный профессор Цуков, который пишет, что «уже несколько раз участвовал в апелляционных судах, но так и не понял, для чего их придумали».

Хотя ответ частично находится в совсем недавних Ваших словах, уважаемый Вячеслав Михайлович. Этот диалог стоит того, чтобы привести его дословно:

«— Что Вы скажите по этому поводу?»

— Лучше вас, журналистов, по этому поводу никто не скажет. Верховный суд ведь принял даже не одно постановление пленума, где все разъяснил — как должны поступать судьи, в каких случаях можно, а в каких нельзя брать под стражу. Все уточнили. Все есть. И есть частные постановления Верховного суда по многим делам, где прописано, почему ВС считает избрание меры пресечения в виде заключения под стражу необоснованным в отношении конкретного человека. А что происходит? Человек продолжает оставаться под стражей.

— Но почему?! Почему не исполняются решения Верховного суда?

— Сейчас можно говорить — человеческий фактор. Плюс недопонимание законов некоторыми судьями.

— И какой выход вы видите?

— Если будет установлено, что служитель Фемиды грубо нарушил закон, проигнорировал его (не думаю, что он это сделал умышленно, но тем не менее), будем ставить вопрос о привлечении к дисциплинарной ответственности. Я другого выхода не вижу... (см. «... Развод по переписке», «МК», 3 декабря 2014 г.).

Значит, речь идет все-таки об ошибочных процессуальных решениях? Грубом нарушении закона и его игнорировании, в связи с чем Вы будете ставить вопросы о

привлечении таких судей к дисциплинарной ответственности?

Очевидно, Вы утверждали о том, что в соответствии со ст.3 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» судья обязан неукоснительно соблюдать Конституцию РФ и другие законы. При исполнении своих полномочий судья должен избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти, достоинство судьи или вызвать сомнение в его объективности, справедливости и беспристрастности. Специфика судебной деятельности и статуса судьи предполагает наличие у судьи не только высокого уровня профессионализма, но и морально-этических качеств.

Допущенные судьей нарушения требования закона умаляют авторитет судебной власти, подрывают доверие граждан к правосудию, вызывают сомнение в объективности, справедливости и беспристрастности судьи, что является нарушением п.п.1 и 2 статьи 3 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации».

Нарушения прав граждан на эффективное правосудие; не обеспечение правильного, в соответствии с законом, разрешения дела; низкое качество рассмотрения дела, обстоятельства совершенного, его тяжесть, ущерб, причиненный авторитету судебной власти и званию судьи, повлекший ущемление прав и интересов граждан, — имеет ли все это значение в современном уголовном процессе?

Тогда почему же 6 апреля 2015 года Судебная коллегия по уголовным делам Мосгорсуда (апелляционная инстанция), рассматривая заявление об отводе всего состава суда и отказывая в отводе, указала, что «принятые процессуальные решения не могут являться основанием для отвода».

Что же произошло? В основу обвинительного приговора в отношении Андросова, осужденного по части 4 статьи 264 УК РФ, были положены признание осужденного, от которого он после приговора отказался, при этом объяснил мотивы и причины отказа; оглашенные судом первой инстанции с согласия сторон показания свидетелей Нохрина и Колесника, допрошенных «под копирку» (показания свидетелей совпадали дословно), заключение неполной и противоречивой судебно-медицинской экспертизы, никак не объясняющей механизм наезда на пешехода; третий пассажир автомобиля Муханев следствием был не установлен и не допрошен.

В судебном заседании суда апелляционной инстанции были заявлены следующие ходатайства:

1. О допросе свидетеля защиты Андросова В.Ф. (по личности осужденного, обстоятельств досудебного производства, нарушения права на защиту осужденного и отсутствия квалифицированной юридической помощи и помощи вообще в ходе предварительного расследования и в суде первой инстанции);

2.О приобщении к делу заявления Андросова В.Ф. и его жалобы в отношении адвоката, участвующего в суде первой инстанции, всего на 10-ти листах;

3.О допросе в судебном заседании в качестве свидетеля Муханева, явившегося в суд, проведении судом второй инстанции проверки показаний Муханева на месте происшествия, назначении по уголовному делу су-

дебной автотехнической экспертизы. При этом на разрешение САТЭ защитой было предложено 14 вопросов, к письменному ходатайству был приложен протокол опроса Муханева на 5-ти листах и фото на 6-ти листах, а всего на 13-ти листах текста;

4.О допросе явившихся в судебное заседание свидетелей Нохрина и Колесника, показания которых были лишь оглашены судом первой инстанции, на 1-м листе;

5.О допросе в судебном заседании судебно-медицинского эксперта в порядке ст.282 УПК РФ, на 2-х листах текста;

6.О назначении судебно-медицинской экспертизы в порядке ст.283 УПК РФ, на 2-х листах, при этом на разрешение СМЭ защитой было предложено 20 вопросов;

7.О признании доказательств недопустимыми и исключении их из совокупности имеющихся, на 2-х листах;

Были также представлены Предложения защиты суду апелляционной инстанции по вопросам, разрешаемым судом при постановлении приговора и принятии решения, в порядке ст. ст. 299 и 367 УПК РФ, на 3-х листах текста, в которых было указано:

В соответствии с требованиями статьи 365 УПК РФ производство по уголовному делу в суде апелляционной инстанции осуществляется в порядке, установленном главами 35-39 настоящего Кодекса, с изъятиями, предусмотренными настоящей главой.

Это значит, что защита вправе подать суду второй инстанции предложения по вопросам, разрешаемым судом при постановлении приговора, в порядке ст.299 УПК РФ

Защита также вправе подать суду предложения по вопросам, разрешаемым судом апелляционной инстанции при принятии решения, в порядке ст.367 УПК РФ.

Обвинительный приговор суда первой инстанции не может являться законным и обоснованным потому, что доводы обвинения о превышении скорости движения автомобиля и совершении наезда на пешехода на разделительной полосе основаны только на показаниях осужденного, от которых он мотивированно отказался.

Довод же обвинения о том, что водитель Андросов не учел видимость в направлении движения, **при возникновении опасности для движения, которую он был в состоянии обнаружить**, своевременно не принял возможных мер к снижению скорости вплоть до остановки ТС, является голословным и никакими доказательствами не подтвержден.

Доводы осужденного о нарушении его права на защиту, отсутствии квалифицированной юридической помощи в досудебном производстве и суде первой инстанции, и отсутствии этой помощи вообще, при обстоятельствах, имеющих в уголовном деле, подтверждаются даже отсутствием каких-либо ходатайств защиты обвиняемого и подсудимого по существу дела и предъявленному Андросову обвинению при наличии к тому оснований.

Доказательства того, что наезд произошел именно на разделительной полосе в месте согласно данным протокола осмотра места происшествия и схемы к нему, именно автомобилей под управлением водителя Андросова, также отсутствуют.

Тот факт, что пешеход после наезда на него автомобилем Андросова (повреждены бампер и лобовое стекло) оказался в проеме полностью разбитого заднего стекла автомобиля осужденного, и в состоянии, зафиксированном в ходе осмотра автомобиля, проехал значительное расстояние, очевидно, более 600-т метров, свидетельствует о возможном совершении наезда на пешехода другим автомобилем под управлением другого водителя.

Однако с целью выяснения этих вопросов, имеющих существенное и решающее значение для дела и доказывания вины осужденного, ни следствием, ни судом первой инстанции комплексная комиссионная автотехническая трасологическая судебно-медицинская экспертиза не назначалась и не проводилась.

Таким образом, доводы обвинения, положенные в основу судебного приговора, не являются обоснованными разумными, так как основаны на недостоверных доказательствах.

Иная оценка этих доводов обвинения представлена суду в письменном виде в заявленных ходатайствах.

Доводы защиты осужденного заключались в следующем:

В тексте обвинения, предъявленного осужденному в следующей редакции, а впоследствии – в обвинительном приговоре суда первой инстанции было указано, что:

– в нарушение п.10.2 Правил движения водитель Андросов превысил разрешенную скорость движения в населенном пункте (тормозной след на проезжей части отсутствовал, а скорость 65 км\час была указана только со слов водителя);

– в нарушение п.10.1 Правил движения не учел дорожные условия, в частности, видимость в направлении движения, **при возникновении опасности для движения, которую он был в состоянии обнаружить**, своевременно не принял возможных мер к снижению скорости вплоть до остановки ТС, избрал скорость движения, при которой не смог обеспечить себе возможность постоянного контроля за движением ТС для выполнения требований Правил;

– в нарушение требований п.9.9 Правил движения двигался по разделительной полосе, движение по которой ТС запрещено (место наезда и тем более на разделительной полосе было не установлено, в тексте обвинительного приговора указано со слов водителя следующим образом: «во время движения сместился влево на разделительную полосу, увидел мелькнувший силуэт пешехода, после чего произошел удар, затормозить не успел»).

Таким образом, предъявленное водителю Андросову обвинение не подтверждалось материалами дела, Андросов же пояснил, то вину он признал по требованию следователя, обещавшему ему снисхождение, с молчаливого согласия его первого адвоката. То же самое произошло и в суде, когда второй адвокат при полном признании вины гарантированно обещал ему два года колонии-поселения.

В соответствии с частью 1 статьи 171 УПК (порядок привлечения в качестве обвиняемого) следователь выносит постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого **при наличии достаточных доказательств,**

дающих основания для обвинения данного лица в совершении преступления.

По мнению защиты, с точки зрения изложенных требований процессуального закона по настоящему уголовному делу отсутствовали и достаточные доказательства для вынесения в отношении подсудимого обвинительного приговора.

Более того, если принять во внимание даже доводы обвинения, изложенные в тексте предъявленного обвинения, противоречащие как материалам уголовного дела, так и имеющимся объективным доказательствам (прежде всего по времени, месту и другим обстоятельствам, подлежащим доказыванию), следовало прийти к выводу о невинности подсудимого.

В соответствии с требованиями части 2 статьи 77 УПК (показания обвиняемого) признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь **при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств.**

Объективный анализ досудебного производства и судебного следствия, проведенного судом первой инстанции, обвинительного приговора как итогового документа, завершающего обвинение, свидетельствуют о том, что в уголовном судопроизводстве осужденный Андросов был лишен права не только на оказание квалифицированной юридической помощи, но и права на защиту вообще.

В нарушение требований статьи 119 УПК РФ (лица, имеющие право заявить ходатайство) стороной защиты не были заявлены ходатайства о производстве процессуальных действий или принятии процессуальных решений для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, обеспечения прав и законных интересов лица, заявившего ходатайство, или представляемого им лица соответственно.

В условиях состязательности процесса и равноправия сторон подобная ситуация при расследовании и рассмотрении этого уголовного дела, а именно – фактическое соглашательство (именно преступное соглашательство) защиты с обвинением и попустительство такой защиты недобросовестному обвинению, является недопустимой и свидетельствует о грубом нарушении законных прав и интересов осужденного, более того, она подрывает веру в правосудие и справедливое применение закона.

При таких обстоятельствах признательные показания Андросова в качестве обвиняемого, данные им в досудебном производстве, и его показания, данные в ходе судебного заседания в суде первой инстанции, которые никакими доказательствами не подтверждены, при молчаливом одобрении его адвокатов, то есть при отсутствии квалифицированной юридической помощи осужденному, и при наличии всех оснований для адвокатского реагирования при недоказанности участия осужденного в совершении преступления, должны быть признаны недопустимыми доказательствами и исключены из совокупности имеющихся.

Защита просила вынести частное постановление в адрес следствия в связи с грубыми нарушениями уголов-

но-процессуального закона при сборе доказательств, решении вопроса о виновности Андросова и направлении уголовного дела в суд для его рассмотрения по существу.

Защита просила суд апелляционной инстанции в силу пунктов 1 и 2 ст. 389-15, пунктов 1 и 4 ст. 389-16 и части первой ст. 389-17 УПК РФ обжалуемый обвинительный приговор отменить и в соответствии с пунктом 3 части второй ст. 302 и частью первой ст. 389-13 УПК РФ постановить оправдательный апелляционный приговор (по основаниям отсутствия в деянии осужденного состава преступления (пункт 3 часть 2 статьи 302 УПК РФ)).

Как же поступил суд апелляционной инстанции?

В удовлетворении заявленных 12-ти ходатайств, обращений к материалам дела: заявления Андросова В.Ф., копии его жалобы, протокола опроса свидетеля Муханева и 6-ти фото с места совершения ДТП, а всего на 33-ти листах текста было отказано.

Мотивировка отказа была следующей: «При отсутствии процессуальных оснований» и «при отсутствии новых доводов», а также «совокупность имеющихся доказательств дает основания для вывода о виновности осужденного».

Но разве необходимость допроса Муханева, не допрошенного ни следствием, ни судом – это разве «не процессуальное основание» и «не новый довод»?

В соответствии с требованиями статьи 365 УПК РФ производство по уголовному делу в суде апелляционной инстанции осуществляется в порядке, установленном главами 35-39 настоящего Кодекса, с изъятиями, предусмотренными настоящей главой.

В соответствии с требованиями части 4 статьи 271 УПК РФ суд не вправе отказать в удовлетворении ходатайства о допросе лица в качестве свидетеля или специалиста, явившегося в суд по инициативе сторон.

Далее. Разве вправе апелляционный суд, рассматривая заявленное ходатайство и отказывая в его удовлетворении, предпринимая вывод о виновности подсудимого, утверждать, что «совокупность имеющихся доказательств дает основания для вывода о виновности осужденного», в то время как ни один из доводов защиты проверке и оценке не подвергался, а разумные и обоснованные сомнения в виновности были безмотивно отвергнуты судом.

Приобщая к делу письменное ходатайство о допросе Муханева, проверке его показаний и назначении АТЭ, суд вернул защите протокол опроса Муханева и 6 фотографий, которые были указаны в ходатайстве как приложение к нему. Где логика в решениях суда второй инстанции? Где равенство прав сторон и право на защиту осужденного? Суду и так все ясно?

Ни один довод защиты, таким образом, судом апелляционной инстанции проверен не был. Обвинительный приговор суда первой инстанции был принят за основу. Доводы защиты судом второй инстанции были просто отброшены. При этом все то, что здесь написано, суду апелляционной инстанции говорилось.

Рассматривая заявление об отводе всего состава суда и отказывая в заявленном отводе, Судебная коллегия указала, что «принятые процессуальные решения не могут являться основанием для отвода».

Таким образом, Судебная коллегия проигнорировала доводы защиты и в этой части.

Заявление об отводе по основанию, предусмотренному частью 2 статьи 61 УПК РФ было мотивировано защитой и подтверждалось следующими руководящими указаниями Конституционного и Верховного Судов Российской Федерации:

– Определением КС РФ от 25 января 2005 года за №46-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Андреевского Василия Константиновича на нарушение его конституционных прав положениями статей 61, 64, 65 и 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»;

– Определением КС РФ от 21 октября 2008 года за №947-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Курбанова Сергея Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 29, 61-65, 125, 256, 294, 299, 355, 379, 409 и 413 УПК РФ», согласно которому:

– «...тем самым допускает возможность заявления судьбе отвода в связи с выявлением в ходе судебного разбирательства фактов, свидетельствующих **о предвзятости и необъективности, проявившихся в тех или иных его действиях и решениях по делу**»;

– «Ни указанные законоположения, ни положения статей 64 и 65 УПК Российской Федерации ... не освобождают суд от обязанности принять решение по существу заявленного судьбе отвода и **обосновать его ссылками на конкретные обстоятельства дела**».

– Постановления Пленума ВС РФ от 31 мая 2007 года за №27 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений квалификационных коллегий судей о привлечении судей судов общей юрисдикции к дисциплинарной ответственности», требований пункта 11, в котором внимание судей обращается на необходимость соблюдения установленных законом гарантий равенства прав участников судебного процесса, необходимости проявления объективности и беспристрастности.

Кодекс судейской этики, требования части 2 статьи 4 Кодекса, предусматривают обязанность судьи быть беспристрастным, не допускать влияния на свою профессиональную деятельность со стороны кого бы то ни было.

«– Но почему?! Почему не исполняются решения Верховного суда?»

– Сейчас можно говорить – человеческий фактор. Плюс недопонимание законов некоторыми судьями.

– И какой выход вы видите?

– Если будет установлено, что служитель Фемиды грубо нарушил закон, проигнорировал его (не думаю, что он это сделал умышленно, но тем не менее), будем ставить вопрос о привлечении к дисциплинарной ответственности. Я другого выхода не вижу.... (см. В.М.Лебедев, «... Развод по переписке», «МК», 3 декабря 2014 г.).

Значит, речь идет все-таки об ошибочных процессуальных решениях? Грубом нарушении закона и его игнорировании, в связи с чем Председатель ВС РФ будет ставить вопросы о привлечении таких судей к дисциплинарной ответственности?

Очевидно, Председатель ВС РФ Лебедев В.М. говорил о том, что в соответствии со ст.3 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» судья обязан неукоснительно соблюдать Конституцию РФ и другие законы. При исполнении своих полномочий судья должен избегать всего, что могло бы **умалить авторитет судебной власти, достоинство судьи или вызвать сомнение в его объективности, справедливости и беспристрастности**. Специфика судебной деятельности и статуса судьи предполагает наличие у судьи не только высокого уровня профессионализма, но и морально-этических качеств.

Допущенные судьей нарушения требования закона умаляют авторитет судебной власти, подрывают доверие граждан к правосудию, вызывают сомнения в объективности, справедливости и беспристрастности судьи, что является нарушением п.п.1 и 2 статьи 3 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации».

Нарушения прав граждан на эффективное правосудие; не обеспечение правильного, в соответствии с законом, разрешения дела; низкое качество рассмотрения дела, обстоятельства совершенного, его тяжесть, ущерб, причиненный авторитету судебной власти и званию судьи, повлекший ущемление прав и интересов граждан, — имеет ли все это значение в современном уголовном процессе?

Тогда почему же 6 апреля 2015 года Судебная коллегия по уголовным делам Мосгорсуда (апелляционная инстанция), рассматривая заявление об отводе всего состава суда и отказывая в отводе, указала, что «принятые процессуальные решения не могут являться основанием для отвода»?

Является ли эта ситуация, более чем нарушающая жалкие права и интересы граждан в современной уголовном процессе, серьезным аргументом в споре с теми юристами, которые выступают сегодня сторонниками такой вот состязательности сторон? Или они, продолжая вопиющую американизацию нашего правосудия, совсем не знают, что происходит на практике? Или они уже совсем не наши юристы?

Какому правосудию они служат?

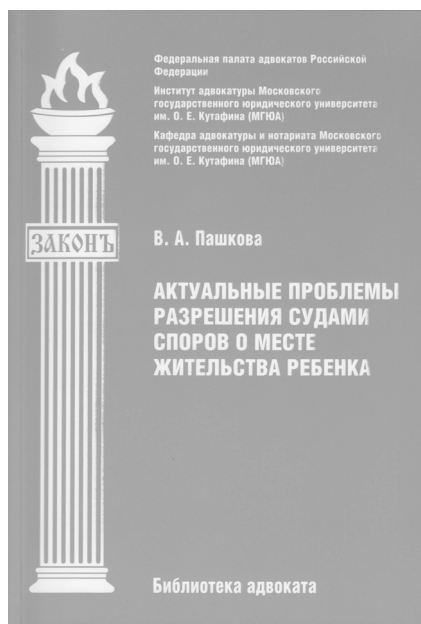
В связи с изложенными проблемами современного правоприменения и руководствуясь ст.6 **Федерального Закона от 31 мая 2002 года** «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» прошу Вас рассмотреть настоящее Обращение и дать обоснованное официальное разъяснение по вопросам, изложенным в обращении.

С уважением,
адвокат Ярошик О.Д.

Пашкова В.А.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗРЕШЕНИЯ СУДАМИ СПОРОВ О МЕСТЕ ЖИТЕЛЬСТВА РЕБЁНКА

М.: Федеральная палата адвокатов, 2015. — 200 с. — (библиотека адвоката).

Рецензенты:

Пилипенко Ю.С., д-р юрид. наук, президент ФПА РФ;
Володина С.И., канд. юрид. наук, вице-президент ФПА РФ, директор Института адвокатуры Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Монография посвящена теоретическим и практическим проблемам разрешения судами споров, связанных с определением места жительства ребёнка при раздельном проживании его родителей. В ней приведён анализ норм семейного и гражданского процессуального законодательства, регулирующих порядок рассмотрения указанной категории дел, даны рекомендации по совершенствованию действующего законодательства Российской Федерации. Материал основан на адвокатской деятельности автора, обзорах судебной практики и может быть использован в качестве методической помощи в организации юридического сопровождения судебных споров, касающихся места жительства детей. В монографии содержатся перечни документов с описанием их содержания, которые могут потребоваться для ведения в суде дела рассматриваемой категории. Издание призвано помочь участникам судебного процесса по определению места жительства ребёнка детально разобраться в его правовых особенностях, с целью предоставления наилучшей защиты правам и законным интересам несовершеннолетнего.

Книга адресована адвокатам, практикующим юристам, судьям, работникам органов опеки и попечительства, депутатам ГД ФС РФ, преподавателям, аспирантам, студентам юридических факультетов и вузов, научным работникам, родителям, а также всем, кто интересуется исследуемой темой.

И.Б. Бушманов – адвокат АПМО, управляющий партнер АБ «АВЕКС ЮСТ»

Мнение защитника из-за колючей проволоки. Или – УДО не для всех

Мой друг и подзащитный Всеволод Назаров, в прошлом адвокат МОКА, незаконно и необоснованно осужденный в 2013 году Хамовническим районным судом г.Москвы, в настоящее время отбывает назначенное ему трехлетнее наказание в ИК-1 города Ярославля.

Он счел своим долгом высказать публично свое мнение на страницах АГ по насущной для него и многих других осужденных проблеме необоснованных отказов судами в условно досрочном освобождении заключенных, которое приведено ниже.

Все мы помним, как беспрепятственно досрочно «выпорхнула» из заключения госпожа Васильева. И в этом случае, решение суда вызвало бурную реакцию не только у граждан, но и у профессионального сообщества. Решение суда было исполнено в день его вынесения, до вступления в законную силу, что само по себе является нонсенсом и вопиющим случаем произвольного, избирательного использования закона.

На эту проблему не так давно даже было обращено внимание на ежегодном заседании Совета при Президенте РФ по правам человека, где омбудсмен Элла Памфилова, подняла перед Президентом РФ Владимиром Путиным проблематику избирательности правосудия, неадекватности приговоров и низкого уровня доверия к судам.

Уполномоченный по правам человека констатировала, что сейчас судебная система работает избирательно: кого-то щадит, а кого-то карает. *«Смею утверждать, что наш обычный гражданин уязвим не только перед лицом преступного мира, но нередко, к сожалению, перед самой правоохранительной системой, включая судопроизводство. Особенно эта избирательность бросается в глаза при определении условно-досрочного освобождения. Например, рязанский суд никак не может принять решение в отношении фигуранта «болотного дела» Полиховича, ему отказано в УДО, хотя есть все основания. Уже три года с половиной отсидел, никак не отпускают. Хотя мы знаем, у нас примеры на слуху, как быстро некоторых освобождают по УДО совершенно необоснованно».* «Васильевой, осужденной за многомиллионные хищения, было разрешено присутствовать на похоронах бабушки в Санкт-Петербурге, а Удальцову, осужденному по «болотному делу», не разрешили даже выехать на похороны матери», – тогда заявила омбудсмен.

Надо отдать должное, но как только вопрос по Полиховичу был поднят на таком высоком уровне, территориальный суд скоренько соизволил принять решение об условно-досрочном освобождении этого заключенного.

Упомянутому омбудсменом другому заключенному – Сергею Удальцову, повезло меньше. Как только его адвокаты завели разговоры об УДО, Удальцов был помещен в штрафной изолятор, на него были наложены многочисленные взыскания. Такая же участь постигла

и отбывающего наказание брата адвоката Алексея Навального – Олега. Видимо назначенные «враги государства» могут не мечтать об УДО.

Схема, отработанная на бывших заключенных «юкосовцах», прекрасно функционирует и в настоящее сложное социально-политическое время, не только на т.н. «оппозиционерах» и других неугодных государству граждан, но и под «раздачу» попадают простые заключенные. Как говорят: «Лес рубят – щепки летят».

Видимо суды не хотят создавать единообразную практику по УДО, а действуют повсеместно строго избирательно.

Вспоминаю в своей практике случай, когда посчитал необходимым обжаловать отказ в УДО подзащитного в Ивановский областной суд. Это был пожилой, абсолютно больной человек, имеющий многочисленные заслуги перед государством. Надо отдать должное суду, который удовлетворил мою жалобу. Удивлению же моему не было предела, когда после выхода из совещательной комнаты, председательствующий мне предложил присесть и выслушать решение суда сидя. После окончания заседания я поинтересовался причиной такого «почти-тального» отношения к адвокату. Мне было сообщено, что это первое решение суда в этом регионе (с многочисленными зонами – *прим. И.Б.*), в текущем году. А дело было в конце ноября (!!!??).

Знаю многих осужденных, в основном из числа весьма состоятельных граждан, которым также чинят препятствия для УДО уже сами сотрудники ФСИН. Видимо используют в качестве т.н. «дойной коровы». Зарплаты в этой системе не велики.

Интересен, в этой связи, иностранный опыт. Как общается на своих страницах 21 октября с.г. газета МК паралимпиец Оскар Писториус, осужденный на 5 лет за убийство своей подруги, модели Ривы Стенкамп, наконец выпущен по УДО. Решение об освобождении известного спортсмена было принято судом после отбытия им 1/6 срока, в соответствии с законами ЮАР. Писториус провел в заключении год, оставшиеся от срока четыре года он будет находиться в особняке дяди под исправительным надзором.

Да уж, до такой гуманности, нашему законодательству и правосудию еще далеко. Можно позавидовать «по белому» судопроизводству «черного континента».

Пока российский суд все еще фактически является репрессивным органом, порождающим переполненность следственных изоляторов, многочисленных российских колоний и неуважительное к судебной системе отношение в обществе.

А жалоба Назарова на нарушение прав на справедливое судебное разбирательство в настоящее время уже рассматривается Европейским Судом по правам человека, после соответствующих коммуникационных процедур. Осталось немного времени, когда судебной системе

Российской Федерации, возможно, будет стыдно, как за неправосудный приговор в отношении нашего коллеги, так и за последующие решения суда об отказе в условно-досрочном освобождении заключенного с безупречными характеристиками.

Надо отметить, что Всеволод не отчаивается и даже в таких условиях продолжает оставаться защитником прав граждан, совместно с ним отбывающими наказание.

Благодаря его квалифицированной помощи, дела многих осужденных уже были пересмотрены в положительную сторону, а некоторые и досрочно освобождены.

Итак, предлагаю вниманию читателя присланную мне Всеволодом Назаровым из мест заключения заметку, написанную им уже после трех отказов в его условно-досрочном освобождении.

*Всеволод Назаров
бывший адвокат МОКА, в настоящее время
отбывает наказание в ИК-1 г.Ярославля.*

Диалог суда с народом, или – «Ты кто такой? Давай, до свиданья!»

С первых же дней после распада СССР и образования Российской Федерации первоочередной задачей стало обретение Российским судом подлинной независимости.

Лучшие умы Российской юриспруденции немало потрудились над новой Конституцией и законодательством. И вот свершилось! Суд на законодательном уровне стал независим от вмешательства любых лиц в его деятельность.

При этом законодатели зашли так далеко в этом вопросе, что суд в своей деятельности стал независим и от народа, ради блага которого он, собственно, и осуществляет правосудие.

Теперь суды абсолютно надёжно защищены от любой критики и жалоб в свой адрес, а граждане фактически лишились возможности жаловаться на неисполнение закона самими судами.

В связи с этим у многих граждан страны возник старый вопрос, заданный в литературе ещё два столетия назад: «Что делать?». Если свои обязанности не исполняет отдельно взятый судья, в принципе – всё понятно. Закон милостиво позволяет Вам написать на него жалобу председателю суда, в котором он работает. Маловероятно, что из этого выйдет что-то хорошее, но у Вас есть, хотя бы, установленная законом возможность.

А что делать, если районный суд в целом, с молчаливого согласия своего председателя, сознательно игнорирует закон? Кому и куда жаловаться в этом случае?

Вот Вам конкретный пример. На территории подсудности Заволжского районного суда г. Ярославля расположены две колонии общего режима. На протяжении трёх последних лет указанным судом не было удовлет-

ворено ни одного ходатайства в порядке ст. 80 УК РФ о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания.

При этом ходатайства на протяжении этих же трёх лет регулярно направляются в суд. В основном все ходатайства поддержаны администрацией колоний. И так же регулярно, на протяжении трёх лет, суд их отклоняет без каких-либо оснований.

То есть право у осуждённых на замену наказания есть, но суд это право игнорирует. А всё дело в том, что для лиц, осуждённых по ст. 228 УК РФ, срок для УДО в порядке ст. 79 УК РФ наступает после отбытия осуждённым – срока наказания, а в порядке ст. 80 УК РФ после отбытия – срока наказания. И суд, чтобы пресечь поток ходатайств в порядке ст. 80 УК РФ от лиц, осуждённых по ст. 228 УК РФ, просто всем отказывает в удовлетворении ходатайств. То есть суд применяет закон исходя из целесообразности, чтобы не увеличивать себе объём работы.

На сегодняшний день сложилась уникальная ситуация, при которой Уголовный Кодекс, в части применения ст. 80 УК РФ, не работает на отдельной части территории России, что прямо противоречит Конституции страны.

И что прикажете делать осуждённым и их защитникам? Ведь никакого механизма для обжалования действий суда в целом законом не предусмотрено. Можно конечно обжаловать отдельные постановления об отказе в порядке глав 45.1, 47.1, 48.1 УПК РФ, но в таких жалобах Вы не в праве, в силу норм УПК РФ, сослаться на ситуацию в целом.

Обобщать эту порочную практику и ставить вопрос о трёхлетнем воздержании суда на применение ст. 80 УК РФ Вы тоже не в праве в силу тех же норм УПК РФ. Вот и получается, что множество людей, права которых нарушаются судом, не имеют законодательной возможности не только их защитить, но и поставить вопрос об этом нарушении перед судом вышестоящей инстанции.

А теперь, представим себе на секунду, что тот же Заволжский районный суд г. Ярославля самостоятельно решил вершить правосудие по Русской Правде (XI в.). Это когда ещё вышестоящий суд заметит эту «маленькую несостыковочку» (если вообще заметит и вмешается!)... Сколько голов успеет слететь? А мы, граждане своей страны, даже жаловаться законного права не имеем.

Вот такая она, обратная сторона медали независимости судов. А если серьёзно, похожих ситуаций в стране немало, а выход всем давно известен. Необходимо законодательно закрепить право граждан направлять жалобы на несоблюдение закона судами в вышестоящие судебные органы, с обязательным их рассмотрением.

Иначе однажды какой-нибудь районный суд города Н. начнёт вершить правосудие по законам царя Хаммурапи, и пожаловаться будет уже некуда...

21.10.2015 г.

А.В. Чуркин – адвокат АПМО, к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного процесса

Военного университета Министерства обороны России

Адвокат как объект оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ)

Обратиться к Вам, уважаемые коллеги, с настоящей публикацией на страницах адвокатского печатного органа меня побудил следующий факт, когда я летом-осенью 2015 г. сам стал объектом ОРМ по следующему довольно банальному делу, фабула которого была такова: 02 декабря 2014 г. около 19 часов вечера в г. Рошаль Московской обл. 30-летний гр-н Т. вместе со своим приятелем зашёл в небольшой продуктовый магазинчик (более похожий на палатку) и попросил продавщицу подать ему со стеллажа бутылку водки, закупочная цена которой составляла 717 руб. (продажная цена – 1 005 руб.). Когда же продавщица выполнила эту просьбу покупателя гр-на Т., поставив бутылку на прилавок возле кассового аппарата, надеясь получить оплату за подготовленный к продаже товар, то посетитель (впоследствии мой подзащитный) начал просить отдать ему эту бутылку в долг, аргументируя следующим: “он местный житель, живёт здесь с момента своего рождения уже тридцать лет, его все знают и у него хорошая кредитная история, т.к. он всегда возвращает долги”. Из подсобного помещения этой же торговой точки, услышав слова гр-на Т., к торговому прилавку подошла вторая продавщица¹, которой гр-н Т. начал говорить аналогичное. Далее версии четырёх непосредственных очевидцев случившегося расходились:

– по версии названных выше двух продавщиц покупатель гр-н Т. самовольно без оплаты взял данную бутылку водки и покинул магазин, в связи с чем через десять дней – 12 декабря 2014 г. дознавателем отделения дознания МО МВД России “Шатурский” Московской обл. было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 161 УК РФ, т.е. грабёж;

– по версии гр-на Т. и его приятеля они поняли, что продавцы дали бутылку водки в долг, поэтому, признавая описанные выше фактические обстоятельства, сам факт совершения преступления “грабёж” мой подзащитный категорически отрицал, просил рассматривать его действия как административно наказуемое мошенничество и на основании положений ст. 7. 27. Кодекса РФ об административных правонарушениях прекратить настоящее уголовное преследование за отсутствием состава преступления.

В данном магазинчике имелась видеокамера, но работавшая без звука, которая молчаливо зафиксировала описанные выше обстоятельства, в связи с чем личность покупателя гр-на Т. в тот же вечер оперативно-розыскным путём прибывшими на место данного происшествия сотрудниками полиции была сразу же установлена. Уже через три дня после событий 02.12.2014 по телефонному звонку, поступившему в его адрес², гр-н Т. пришёл в эту

¹ В данной торговой точке работает лишь один продавец, но в тот момент времени имела место сдача рабочей производственной смены между указанными выше продавцами (“пересменка”) – *Прим. авт.*

² Звонил зам. начальника Рошальского отдела полиции – муж директрши и собственницы данного магазинчика, впоследствии признанной потерпевшей по уголовному делу – *Прим. авт.*

же торговую точку и оплатил стоимость названной выше бутылки водки, купив аналогичный товар и оставив его на кассе сотруднице магазина с “процентами” в виде презента – коробки конфет.

Я из г. Железнодорожного фактически прибыл в г. Рошаль для участия в данном деле в интересах подозреваемого Т. спустя 5 месяцев после описанных выше событий – в середине мая 2015 г., когда по уголовному делу уже был практически выполнен комплекс следственных действий и дознаватель в самое ближайшее время планировала выполнять требования ст. 217 УПК РФ. До этого момента времени подозреваемого Т. защищал другой адвокат, от юридической помощи которого он отказался. В середине июня 2015 г., по истечении шестимесячного срока, настоящее уголовное дело дознаватель передала для дальнейшего расследования следователю того же отдела полиции, а требования ст. 217 УПК РФ в конечном итоге (четвёртый по счёту раз) были выполнены лишь в середине сентября 2015 г., т.к. я все эти 4 месяца активно заявлял различные ходатайства и жалобы, наряду с этим также участвуя в дополнительных следственных и процессуальных действиях по данному делу. С подзащитным мы, находясь в разных городах Московской области, общались при помощи электронной почты³ и мобильных телефонов. О том, что всё это время я был “под колпаком” оперативных служб я узнал от своего подзащитного в конце сентября 2015 г., когда он пришёл к заместителю Шатурского городского прокурора получать копию обвинительного заключения и последний начал цитировать ему (обвиняемому) нашу электронную переписку, “sms”-сообщения и телефонные разговоры. Обстоятельства этого разговора с заместителем прокурора подзащитный передал мне.

Поскольку я и подзащитный, находясь “под колпаком” оперативных служб, действовали в рамках закона, не допуская никаких “вольностей” и излишеств, то мы решили не обжаловать данные действия спец. служб, хотя основания для такого обжалования имелись.

В 2015 г. Федеральная палата адвокатов РФ тиражом 10 000 экз. издала брошюру “Памятка адвокату при проведении у него обыска, вызове его на допрос, проведении в отношении него оперативно-розыскных мероприятий”⁴, в которой адвокатам рекомендуется в местах встречи с доверителем обращать внимание на подключенные “жучков”, в том числе в залах судебных заседаний и помещений, в которых содержится доверитель, под скамейкой, стульями, столами⁵. От себя хочу добавить, что

³ Я, находясь в г. Железнодорожном, готовил проекты жалоб и ходатайств, пересылая их эл. почтой, а мой подзащитный, находясь в г. Рошаль, от своего имени их немедленно подавал в соответствующие правоохранительные органы Шатурского района – *Прим. авт.*

⁴ Памятка адвокату при проведении у него обыска, вызове его на допрос, проведении в отношении него оперативно-розыскных мероприятий / Федеральная палата адвокатов РФ. М.: Граница, 2015. – 26 с.

⁵ Там же. С. 17.

подслушивающие устройства могут находиться среди других всевозможных предметов интерьера (например, комнатных растений) или быть “вмонтированы” в портреты, вешалки, стены, дымоходы, шпингалеты оконных рам, дверных ручек и т.п.

В рамках своей настоящей статьи я хочу обратить внимание коллег на следующие обстоятельства, вытекающие из вышеизложенного:

I. Согласно ч. 3 ст. 5 Федерального закона “Об оперативно-розыскной деятельности” (далее для краткости – ФЗ “ОбОРД”) **адвокат вправе обжаловать данные действия по своему усмотрению:**

- либо в вышестоящий орган, осуществляющий ОРД;
- или прокурору;
- либо в суд.

При этом согласно данной нормы закона основанием для подачи такой жалобы является такой факт, что адвокат всего лишь только полагал, что такие действия органов, осуществляющих ОРД, привели к нарушению его прав и свобод. Таким образом, от заявителя жалобы⁶ – адвоката – закон к подаваемой жалобе не требует представления каких-либо обосновывающих её доказательств, как например, это имеет место в гражданском или арбитражном судопроизводстве при подаче исковых заявлений в суд, а равно порой и при подаче жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ.

При обращении с жалобой непосредственно в суд целесообразно определить с процессуальной формой судопроизводства: либо по правилам ст. 125 УПК РФ либо по правилам ныне действующего Кодекса об административном судопроизводстве (КАС РФ). Вопрос это довольно непростой, поскольку по данному вопросу имеет место взаимно противоречивая судебная практика Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, порой по одним и тем же вопросам эти высшие суды страны принимают диаметрально противоположные взаимоисключающие судебные акты, одни собственные судебные решения этих судов противоречат другим, ранее либо позже принятым⁷. На местах (районного и областного звеньев судебной системы) в этих правоотношениях судебная практика порой вообще доходит до абсурда: когда обращаешься в суд с жалобой, оформленной по правилам ст. 125 УПК РФ, то суд, отказывая в удовлетворении поданной жалобы, рекомендует обратиться по правилам главы 25 ГПК РФ (ныне КАС РФ). Если же повторно по этим же фактическим обстоятельствам обра-

⁶ Административного искового заявления в случае обращения в суд (ст. 4 КАС РФ) по правилам данного Кодекса. Далее по тексту настоящей работы под словом жалоба будет пониматься и административное исковое заявление, если иное не будет специально оговорено – *Прим. авт.*

⁷ Более подробно см.: *Чуркин А.В.* Обжалование в сфере оперативно-розыскной деятельности: имеются вопросы, нерешённые законодателем и судебной практикой // *Оперативник (сыщик)*. 2014. № 4 (41). С. 15 – 18. 2015. № 2 (43). С. 32 – 38. Прошу обратить внимание и на такой аспект, что сам законодатель, Правительство России, а равно министерства и ведомства РФ, наделённые правом проводить ОРД, в своих подзаконных нормативно-правовых актах даже по-разному пишут в термине ОРД слово “розыскной” – в одних случаях через букву “о”, в других случаях – уже через букву “а”. У каждого из этих двух вариантов правописания имеется своё научное обоснование лингвистов. К слову, редакция того же журнала “Оперативник (сыщик)” принимает к опубликованию статьи авторов лишь в том случае, если данное слово пишется исключительно через букву “а”, т.е. “розыскной” деятельности – *Прим. авт.*

щаешься в этот же суд с жалобой, оформленной по правилам главы 25 ГПК РФ (ныне КАС РФ), то результат по своей сути аналогичный – тот же суд в лице того же судьи рекомендует заявителю обратиться уже с жалобой по правилам ст. 125 УПК РФ?! Суды субъектов РФ по апелляционным и кассационным жалобам адвокатов поддерживают решения нижестоящих судов районного и городского звена. Получается просто замкнутый порочный круг, разорвать который очень и очень трудно⁸.

Хочу обратить внимание коллег, что:

1. обращение в суд по правилам КАС РФ (по сравнению с жалобой в суд, подаваемой в порядке положений ст. 125 УПК РФ) для адвоката более предпочтительно, поскольку согласно ч. 2 ст. 62 этого Кодекса (КАС РФ) бремя доказывания возлагается на соответствующий оперативный орган и его должностных лиц;

2. согласно п. 1 ст. 20 КАС РФ административное исковое заявление подлежит рассмотрению по первой инстанции непосредственно в суде субъекта Российской Федерации либо равном ему военном суде окружного (флотского) звена, поскольку материалы ОРД связаны с государственной тайной (в ст. 125 УПК РФ таких положений нет, поэтому жалобу в порядке уголовно-процессуальных правоотношений можно подавать в районный или равный ему городской суд либо в гарнизонный военный суд, если имеются такие основания);

3. суды общей юрисдикции, в отличие от военных судов, не проявляют особого энтузиазма в рассмотрении дел данной категории. Так, к примеру, судья Центрального районного суда г. Волгограда, рассматривавшая жалобу журналистки И.Г. Черновой по данным правоотношениям, заявила самоотвод, ссылаясь на угрозы представителя УВД следующего содержания: “у судьи имеется личная жизнь и оперативно-розыскные мероприятия по закону проводятся против любого гражданина”⁹.

II. Согласно п. 3 ст. 8 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации” (далее для краткости – ФЗ “Об адвокатуре”) **проведение в отношении адвоката любых ОРМ (например, того же опроса) допускается только лишь на основании судебного решения**¹⁰. В то же время ст. 8 ФЗ “Об ОРД” допускает проведение ОРМ и без судебного санкционирования на основании мотивированного постановления одного из руководителей органа, осуществляющего ОРД, в случаях, которые не терпят отлагательства и могут привести к совершению

⁸ Об этом же также см.: Скобликов П.А. Обжалование в суд решений и действий (бездействия) правоохранительных органов и их должностных лиц. М.: Инфра-М., Норма, 2011.

⁹ По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона “Об оперативно-розыскной деятельности” по жалобе гражданки И.Г. Черновой: определение Конституционного Суда РФ от 14 июля 1998 г. № 86-О. Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации А.Л. Кононова // СПС “Гарант” (дата обращения: 10.01.2016).

¹⁰ Хочу поделиться своим скромным опытом: в другом случае совсем по иному уголовному делу, также имевшему место летом 2015 г., сотрудники другого оперативного органа пытались получить от меня письменные объяснения. Когда я же сослался на данную норму закона, потребовал предоставить мне судебное решение, в котором суд разрешает проводить опрос меня, как адвоката, то их (оперативных сотрудников) интерес ко мне абсолютно пропал и больше меня они пока не беспокоят.

тяжкого или особо тяжкого преступления, а также при наличии данных о событиях и действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации. В этом случае в течение 24 часов уведомляется суд (судья), который в течение 24 часов должен рассмотреть поступившее к нему по этим обстоятельствам уведомление оперативного органа и принять процессуальное решение. Таким образом, оперативный орган без судебного санкционирования может осуществлять оперативно-розыскные мероприятия в течение 48 часов с момента начала их проведения и без санкции суда.

Адвокату в этих ситуациях, порой, может быть, будет целесообразно обратиться с жалобой не в суд, а в вышестоящий орган, осуществляющий ОРД, или же прокурору, особенно когда имеют место быть длительные выходные и праздничные дни.

В ранее упомянутой мною «Памятке адвокату...» 2015 г. Федеральная палата адвокатов РФ рекомендует следующее: «если адвокату удалось выяснить, какой суд выносил решение о проведении оперативно-розыскных мероприятий, следует немедленно обратиться в вышестоящую судебную инстанцию и обжаловать это судебное решение»¹¹.

Однако хочу обратить внимание, что российское законодательство не предусматривает обжалование решений именно суда, который санкционировал проведение ОРМ, а Конституционный Суд РФ в ряде своих определений подчёркивал: «заинтересованные лица вправе обратиться в суд за защитой нарушенного или оспариваемого права либо охраняемого законом интереса лишь в установленном порядке, что не может рассматриваться как нарушение конституционного права на судебную защиту, а закреплённые законодателем требования – при обеспечении каждой возможности обратиться в суд – обязательны для заявителя» (определения от 19 ноября 2002 г. № 298-О, от 20 февраля 2003 г. № 56-О, от 17 апреля 2003 г. № 123-О, от 15 июля 2003 г. № 296-О, от 16 октября 2003 г. № 360-О, от 5 декабря 2003 г. № 419-О). Таким образом, на основании российского законодательства и правовых позиций Конституционного Суда РФ вышестоящим судом адвокату может быть отказано в удовлетворении его жалобы, а само производство по такой жалобе может быть прекращено.

В этом случае адвокату целесообразно ссылаться на правовую позицию Европейского Суда следующего содержания: «признать нарушением статей 8 и 13 ЕКПЧ невозможность обжалования постановления судьи, санкционировавшего проведение оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих право на неприкосновенность жилища гражданина (заявителя жалобы в ЕСПЧ – примечание автора настоящей статьи, А.Ч.), даже после того, как такое мероприятие было проведено и, соответственно, о нём стало известно заявителю. Российское законодательство вопреки названным нормам Европейской Конвенции предусматривает возможность

обжалования (оспаривания) только действий органов, осуществляющих ОРД, но не постановление суда, санкционировавшего проведение оперативно-розыскных мероприятий»¹².

III. В подаваемой адвокатом жалобе необходимо обосновать и аргументировать свои подозрения о проведении в отношении него, адвоката, ОРМ. Отметить, что имеет место нарушение законных прав адвоката и данное нарушение (по крайней мере) несоразмерно поставленным целям и самим принципам демократического общества.

В жалобе, ссылаясь на нормы ФЗ «Об ОРД», целесообразно отметить следующие нормы данного федерального закона:

– что проведение ОРМ в отношении адвоката грубо нарушает положения ст. 2 ФЗ «Об ОРД», в которой сформулированы задачи данной деятельности;

– обратить внимание и на нарушение ст. 3 этого же закона, где закреплены такие принципы ОРД, как законность, а равно уважение и соблюдение прав и свобод человека и гражданина;

– «не допускается осуществление ОРД для достижения целей и решения задач, не предусмотренных настоящим Федеральным законом» (ст. 5).

Определённую помощь в этом адвокатам ко всему прочему также может оказать и следующая судебная практика:

– «целью визитов адвоката к подзащитному либо его общения, в том числе дистанционного, при помощи современных технических средств, являлось обсуждение защиты его клиента, а попытки разглашения конфиденциальной информации о встречах адвоката с его клиентом властями Российской Федерации являются вопиющим нарушением права на адвокатскую тайну»¹³;

– «постоянное ознакомление с документами, которыми обменивались заявитель и его защитник, давало обвинению то преимущество, что оно могло заблаговременно узнавать о стратегии защиты и ставило заявителя в невыгодное положение. Это очевидное нарушение конфиденциальности отношений адвоката с клиентом не могло не оказывать отрицательного влияния на право заявителя на защиту. Такая неизбирательная мера нарушила права защиты избыточным и произвольным образом, в связи с чем имеет место нарушение требований пункта 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.»^{14,15};

– «обязанность обосновать необходимость проведения ОРМ лежит на лицах, обратившихся в суд за разрешением на проведение соответствующих ОРМ»¹⁶;

¹³ Постановление Европейского Суда по правам человека (далее по тексту ЕСПЧ либо Европейского Суда) от 29 апреля 2010 г. по делу «Христофоров (Khristoforiv) против Российской Федерации» (жалоба № 11336/06, § 17) // СПС «Гарант» (дата обращения: 10.01.2016).

¹⁴ Далее по тексту ЕКПЧ либо Европейской Конвенции – *Прим. авт.*

¹⁵ Постановление ЕСПЧ по делу «Моисеев против России» от 9 октября 2008 г. (жалоба № 62926/00; пункт «b» резолютивной части текста постановления) // Бюллетень ЕСПЧ. 2009. № 2. С. 19.

¹⁶ По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И.Г.Черновой: определение Конституционного Суда РФ от 14 июля 1998 г. № 86-О // СПС «Гарант» (дата обращения: 10.01.2016).

¹¹ Там же. С. 18.

¹² Постановление ЕСПЧ по делу «Аванесян против России» от 18 сентября 2014 г. (жалоба № 41152/06) // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.echr.coe.int> (дата обращения: 10.01.2016).

– “по смыслу части третьей статьи 5 ФЗ “Об ОРД” во взаимосвязи со статьями 2 и 10 настоящего федерального закона, при неподтверждении данных, предусмотренных подпунктом 1 пункта 2 части первой статьи 7 ФЗ “Об ОРД”, и, следовательно, отсутствии оснований для возбуждения уголовного дела оперативно-розыскные мероприятия подлежат прекращению”¹⁷;

– “если в ходе проведения оперативно-розыскного мероприятия обнаруживается, что речь идет не о преступлении, а об иных видах правонарушений, то в силу статей 2 и 10 (часть четвертая) дело оперативного учета подлежит прекращению”¹⁸;

– “если отсутствие в деянии признаков преступления выявляется до начала указанной деятельности (ОРД) или это следует из сведений, поступивших в осуществляющие оперативно-розыскную деятельность органы, то проведение на основании таких сведений каких-либо оперативно-розыскных мероприятий в соответствии с подпунктом 1 пункта 2 части первой статьи 7ФЗ “Об ОРД” не может быть начато”¹⁹;

– “прослушивание частных телефонных разговоров с помощью скрытых подслушивающих устройств подпадает под определение вмешательства в личную жизнь, которая гарантирована ст. 8 Европейской Конвенции. Это вмешательство имеет место вне зависимости от содержания телефонных переговоров”²⁰;

– “телефонные переговоры, как деловые, так и частные, подпадают под понятие “личная жизнь”, даже когда они проводились со служебного телефона, установленного в полиции”²¹;

– “электронные сообщения, отправленные с работы со служебного компьютера, должны быть защищены аналогичным образом, как и информация, полученная в результате мониторинга Интернета на рабочем месте при пользовании работником данным служебным компьютером. Имеет место нарушение ст. 8 ЕКПЧ”²²;

– “отсутствие ясности и адекватных гарантий в национальном законодательстве о перехвате коммуникаций (сообщений и телефонных переговоров) адвокатов ставит последних в статус потенциальных жертв, в связи

с чем нарушены требования ст. 8 Европейской Конвенции”²³;

– “для доказательства того, что имело место вмешательство в личную жизнь (в аспекте ст. 8 Европейской Конвенции), не существует принципа *de minimis*: достаточно открыть письмо другого человека один раз”²⁴;

– “понятие “личная жизнь” является широким, не поддающимся исчерпывающему определению”²⁵

– “личная жизнь является личной независимостью каждого человека и отражает один из важных принципов, лежащих в основе толкования гарантий, предоставляемых ст. 8 ЕКПЧ”²⁶;

– “каждый имеет право на личную жизнь без какого-либо нежелательного внимания других”²⁷;

– “по смыслу ст. 5 ФЗ “Об ОРД” при отсутствии оснований для возбуждения уголовного дела оперативно-розыскные мероприятия подлежат прекращению, что позволяет проверяемому лицу истребовать сведения о полученной о нём информации, а в случае отказа – обжаловать его в суд.”²⁸

Думается, что, ссылаясь на судебную практику Европейского Суда, адвокату в своей жалобе не помешает обратить внимание, что в силу положений ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, ст. 1 Федерального закона РФ от 30 марта 1998 года № 54-ФЗ “О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней”, постановления Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П, абз. 3 п. 10 и абз. 1 п. 11 постановления № 5 Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. “О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации”, пп 1 – 3, 13 постановления Пленума от 27 июня 2013 г. № 21 “О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколов к ней” данная судебная практика является составной частью правовой системы России и имеет приоритет над федеральными законами Российской Федерации.

Более того, в постановлении от 4 июля 2013 г. по жалобам № 11157/04 и № 15162/05 “Анчугов и Глад-

¹⁷ По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона “Об оперативно-розыскной деятельности” по жалобе гражданки И.Г.Черновой: определение Конституционного Суда РФ от 14 июля 1998 г. № 86-О // СПС “Гарант” (дата обращения: 10.01.2016).

¹⁸ По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона “Об оперативно-розыскной деятельности” по жалобе гражданки И.Г.Черновой: определение Конституционного Суда РФ от 14 июля 1998 г. № 86-О // СПС “Гарант” (дата обращения: 10.01.2016).

¹⁹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Верещагина Андрея Аркадьевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 7 Федерального закона “Об оперативно-розыскной деятельности”: определение Конституционного Суда РФ от 22 апреля 2005 г. № 198-О // СПС “Гарант” (дата обращения: 10.01.2016).

²⁰ Постановление ЕСПЧ по делу “А. против Франции” от 23 ноября 1993 г. (§ 35 и § 37) // Серия “А”. Том № 277-В. С. 49.

²¹ Постановление ЕСПЧ по делу “Хэлфорд (Halford) против Соединённого Королевства” от 25 июня 1997 г. (жалоба № 21353/93, § 44 – 46) // Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека. 1997-III. Вып. 36. С. 1016.

²² Постановление ЕСПЧ по делу “Копланд (Copland) против Соединённого Королевства” от 3 апреля 2007 г. (жалоба № 62617/00) // Бюллетень ЕСПЧ. 2007. № 10.

²³ Постановление ЕСПЧ по делу “Иордаки и другие (IordachiandOthers) против Молдавии” от 10 февраля 2009 г. (жалоба № 25198/02) // Бюллетень ЕСПЧ. 2009. № 6. С. 29 – 30.

²⁴ Постановление ЕСПЧ по делу “Наринен (Narinen) против Финляндии” от 1 июня 2004 г. (жалоба № 45027/98, § 32) // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.echr.coe.int> (дата обращения: 10.01.2016).

²⁵ Постановление ЕСПЧ по делу “Сидабрас и Дзяутас (Sidabras andDziautas) против Литвы” от 27 июля 2004 г. (жалобы № 55480/00 и 59330/00, § 43) // ECHR 2004-VIII.

²⁶ Постановление ЕСПЧ по делу “Претти (Pretty) против Соединённого Королевства” от 29 апреля 2002 г. (жалоба № 2346/02, § 61) // ECHR 2002-III.

²⁷ Постановление ЕСПЧ по делу “Смирновы (Smirnovy) против России” от 24 июля 2003 г. (жалобы № 46133/99 и № 48183/99, § 95) // ECHR 2003-IX либо Путеводитель по прецедентной практике Европейского Суда по правам человека. 2003.

²⁸ По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона “Об оперативно-розыскной деятельности” по жалобе гражданки И.Г. Черновой: определение Конституционного Суда РФ от 14 июля 1998 г. № 86-О. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чудова Сергея Васильевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 5 Федерального закона “Об оперативно-розыскной деятельности”: Определение Конституционного Суда РФ от 22 ноября 2012 г. № 2046-О // СПС “Гарант” (дата обращения: 10.01.2016).

ков против России” ЕСПЧ особо отметил: “ЕКПЧ имеет приоритет перед Конституцией Российской Федерации и согласно Венской Конвенции о праве международных договоров Российская Федерация не может ссылаться на собственную Конституцию, чтобы уклониться от выполнения обязательств, возложенных на неё согласно международному праву или действующим международным договорам”.

Федеральным конституционным законом от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ²⁹ Конституционному Суду России по запросам федерального органа исполнительной власти предоставлено право разрешать вопрос о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека, если такое решение принято против Российской Федерации. На момент написания данной статьи (январь 2016 г.) решения Европейского Суда против России, которые цитируются в настоящей работе, пока ещё в этот список-реестр не попали и Конституционным Судом РФ пока ещё не рассмотрены. Однако коллеги должны учитывать как нормы данного закона, так равно и практику его применения Конституционным Судом РФ.

IV. Во время конфиденциальных свиданий адвоката со своим подзащитным в условиях мест содержания под стражей

Фабула данного дела была такова: адвокат пришёл на свидание в следственный изолятор (СИЗО) к своей подзащитной, обвиняемой в совершении особо тяжкого преступления. Ранее уже было вынесено постановление о проведении в отношении адвоката и его подзащитной оперативного эксперимента, как ОРМ, в условиях следственного изолятора с применением негласной аудио- и видеозаписи. Суд санкционировал это постановление, вынесенное начальником подразделения, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность (ОРД). В кабинете следственного изолятора, где проводилось свидание, была установлена соответствующая техническая аппаратура для производства этой негласной аудио- и видеозаписи. Основанием для проведения такого оперативного эксперимента была цель выявления лица, совершившего тяжкое преступление (ч. 8 ст. 8 ФЗ “Об ОРД”). В ходе проведения оперативного эксперимента в отношении адвоката и его подзащитной были получены данные о том:

– что находящая под стражей обвиняемая знает место нахождения своего сожителя, который также вместе с ней по данному делу подозревался в совершении особо тяжкого преступления и находился в розыске (после проведения оперативного эксперимента разыскиваемый сожитель был задержан и арестован);

– что адвокат в ходе состоявшейся беседы рекомендовал своей подзащитной отказаться от предшествующих показаний, в которых она полностью признавала себя виновной, и дать новые показания, которые будут существенно смягчать её ответственность в плане квалификации деяния и возможной меры наказания.

²⁹ Федеральный конституционный закон от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ “О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации” // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.01.2016).

На основании представленных материалов ОРД, а также последующих показаний данной обвиняемой по обстоятельствам этой беседы с адвокатом (эти свои показания она давала с участием уже другого, нового адвоката, который после состоявшегося свидания в СИЗО принял её защиту, а от услуг первого адвоката, который ранее при описанных выше обстоятельствах приходил к ней на свидание в следственный изолятор, она уже отказалась) прокуратура внесла представление на имя руководства адвокатской палаты. В представлении прокурора перечислялись изложенные выше обстоятельства, отмечалось нарушение адвокатом в этой ситуации требований ст. ст. 49 и 53 УПК РФ, предлагалось возбудить в отношении адвоката дисциплинарное производство и прекратить его правовой статус адвоката.

Рассмотрев представление прокурора, адвокатская палата объявила адвокату выговор. В соответствующем приказе о наказании акцент был сделан на срыв адвокатом следственных действий (это также отмечалось в представлении прокурора) и предоставлении подзащитной необоснованных гарантий³⁰.

В связи с изложенным примером, думается следующее:

Во-первых, бесспорным нарушением закона было бы использование признания обвиняемого своей вины в совершении инкриминируемого ему деяния в ходе личной беседы с адвокатом, пусть даже в условиях следственного изолятора. Эти материалы ОРД являются недопустимым уголовно-процессуальным доказательством вины арестованной обвиняемой и не могут быть положены в основу обвинительного приговора (с этим тезисом согласен и сам автор учебника Ю.П. Гармаев).

Во-вторых, по данным вопросам имеется следующая практика Европейского Суда, которую необходимо учитывать в правоприменительной деятельности:

2.1. *Дело Голдер*: гражданин Великобритании Голдер, имея статус арестованного, писал письма своему солиситору (адвокату) и в Европейскую Комиссию по правам человека с целью возбудить гражданский иск о клевете в отношении тюремного надзирателя, необоснованно обвинившего его, Голдер, в тайной связи с тюремной администрацией. Данные письма перлюстрировались тюремной администрацией и не направлялись после их прочтения адресатам. По данному делу ЕСПЧ определил нарушение права гр-на Голдер на переписку в соответствии со ст. 8 ЕКПЧ, а также нарушение права гр-на Голдер на доступ в суд в соответствии ч. 1 ст. 6 данной Конвенции.³¹

2.2. *Дело гр-на А.Б. против Нидерландов (A.B. – Netherlands)*, рассмотренное ЕСПЧ 29 января 2002 г., дело № 37328/97, которое по своим фактическим обстоятельствам во многом идентично делу Голдер. Более того, по делу № 37328/97 гражданин, незаконно представлявшийся адвокатом осуждённого гр-на А.Б., в прошлом сам отбывал срок уголовного наказания в этом же пенитенциарном учреждении, где в момент переписки

³⁰ Гармаев Ю.П. Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве: Учебник. М.: Изд-во “Экзамен”, 2005. С. 49 – 51.

³¹ Постановление ЕСПЧ по делу “Голдер против Соединенного Королевства” от 21 февраля 1975 г., Series A., № 18.

находился заключенный гр-н А.Б. (заявитель жалобы в ЕСПЧ). Второй участник переписки официально не представлял интересы гр-на А.Б. в качестве защитника по его уголовному делу, но имел правовой статус адвоката. Он лишь ставил на своих почтовых конвертах, адресованных заключенному гр-ну А.Б. в места лишения свободы, такую пометку “письмо адвоката клиенту”. Даже и в этом случае ЕСПЧ усмотрел нарушение права гр-на А.Б. на переписку в соответствии со ст. 8 Европейской Конвенции³².

2.3. *Дело Кэмбелл и Фел*: граждане Великобритании Кэмбелл и Фел были заключены под стражу и обвинялись в дисциплинарных правонарушениях в связи с участием в сидячей забастовке. Им было отказано в просьбе проконсультироваться с солиситором. В конечном итоге они получили доступ к солиситору, но им было разрешено проконсультироваться с ним только в присутствии и в пределах слышимости сотрудника тюремной администрации. ЕСПЧ, выявив нарушение в данном случае положений ч. 1 ст. 6 Европейской Конвенции, постановил, что отсутствие конфиденциальных контактов между адвокатом и клиентом равносильно нарушению права на доступ к правосудию³³.

2.4. *Дело № 46221/99 “Оджалан против Турции” (Öcalan – Turkey), рассмотренное ЕСПЧ 12 марта 2003 г.*, которое аналогично делу Кэмбелл и Фел. У обвиняемого Оджалана также не было возможности беседовать с адвокатом наедине, в таких условиях, чтобы их беседы не были слышны тюремной охране. ЕСПЧ расценил это нарушением подпункта “с” пункта 3 Ст. 6 Европейской Конвенции, которая гарантирует каждому обвиняемому защищать себя посредством выбранного защитника³⁴.

2.5. *Дело № 39339/98 “М.М. против Королевства Нидерландов” (M.M. – Netherlands), рассмотренное ЕСПЧ 8 апреля 2003 г.*, фабула которого была такова: гр-н М.М., будучи адвокатом своего клиента, находящегося в предварительном заключении, познакомился с его супругой – очаровательной гр-кой С. и решил вступить с ней в сексуальную связь. Гр-ка С. сообщила своему арестованному мужу о том, что адвокат домогался её сексуально. Муж сообщил об этом в полицию, которая, в свою очередь, поставила в известность прокурора. Гр-ке С. было предложено подсоединить к её домашнему стационарному телефону записывающее устройство для фиксирования всех входящих звонков, поступающих от адвоката. Сотрудники полиции прибыли к гр-ке С. домой с тем, чтобы подключить записывающее устройство к её домашнему стационарному телефону и показать, как оно работает. Они посоветовали гр-ке С. переводить все свои разговоры с адвокатом в ракурс сексуальных домогательств. Впоследствии сотрудники полиции забрали с собой записи нескольких телефонных переговоров. Адвокат был осуждён за сексуальное домогательство. Апелляционный суд также признал адвоката виновным за сексуальное домогательство. В своем решении суды вообще не основывались на записях вышеуказанных телефонных переговоров, как доказательствах по делу. После вступления приговора

в законную силу осуждённый адвокат М.М. обратился с жалобой в ЕСПЧ, оспаривая законность вышеописанных действий полиции, связанных с прослушиванием его телефонных переговоров с женой своего подзащитного клиента. ЕСПЧ по данному делу пришёл к выводу, что властями Нидерландов были допущены нарушения положений Ст. 8 Европейской Конвенции. Аргументацией явилось следующее: “тот факт, что сотрудники полиции предложили гр-ке С. записывать телефонные переговоры с адвокатом её арестованного мужа по данному делу никем не оспаривался. Сотрудники полиции с санкции прокурора подсоединили записывающее устройство к телефону гр-ки С., дали ей указание, как им пользоваться, предложили гр-ке С. перевести разговор на тему сексуальных приставаний и забрали записи из её дома. Таким образом, полиция внесла решающий вклад в претворение задуманной схемы в жизнь, была ответственна за её начало. При этом как сотрудники полиции, так и прокурор находились при исполнении своих служебных обязанностей. Следовательно, государство было ответственно за эти действия. В этой связи имело место вмешательство “публичных властей” в право заявителя на уважение его корреспонденции”. В то же время ЕСПЧ не присудил заявителю М.М. компенсацию морального вреда, но вынес решение о возмещении ему судебных издержек и иных расходов, понесённых в связи с судебным разбирательством³⁵.

2.6. По делу “С. против Швейцарии”, рассмотренному в 1991 г., ЕСПЧ отметил: “Право обвиняемого сноситься со своим адвокатом вне пределов слышимости третьего лица представляет собой одно из основных требований справедливого судебного процесса в демократическом обществе и вытекает из положений пункта 3 “с” статьи 6 Европейской Конвенции. Если адвокат не имеет возможности связаться со своим клиентом и получить от него конфиденциальные инструкции, не подвергаясь такому надзору, то его помощь в значительной степени утрачивает свою полезность, в то время как Конвенция призвана гарантировать право, которое носит практический и действительный характер”³⁶.

2.7. По делу “Дзагария против Италии” Европейский Суд констатировал нарушение подпункта “с” пункта 3 ст. 6 и пункта 1 ст. 6 ЕКПЧ: был перехвачен телефонный разговор, имевший место по специальной телефонной линии, гарантирующей конфиденциальность таких переговоров, между подсудимым, участвующим в судебном заседании с помощью видеосвязи, и его адвокатом. Государство-ответчик не представило убедительного обоснования действиям тюремного надзирателя, который осуществлял прослушивание и говорил, что такое прослушивание носило “случайный” характер³⁷.

³² Бюллетень ЕСПЧ. 2002. № 1. С. 24 – 25.

³³ Постановление ЕСПЧ по делу “Кэмбелл и Фел против Соединенного Королевства” от 28 июня 1984 г., Series A., № 80.

³⁴ Бюллетень ЕСПЧ. 2003. № 8. С. 25.

³⁵ Бюллетень ЕСПЧ. 2003. № 9. С. 33 – 34.

³⁶ Цит. по: Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. М., 1998. С. 250.

³⁷ Постановление ЕСПЧ по делу “Дзагария (Zagaría) против Италии” от 27 ноября 2007 г. (жалоба № 58295/00) // Бюллетень ЕСПЧ. 2008. № 5. С. 34 – 35.

³² Бюллетень ЕСПЧ. 2002. № 1. С. 24 – 25.

³³ Постановление ЕСПЧ по делу “Кэмбелл и Фел против Соединенного Королевства” от 28 июня 1984 г., Series A., № 80.

³⁴ Бюллетень ЕСПЧ. 2003. № 8. С. 25.

2.8. 30 января 2007 г. по делу “Экинджи и Акалин (EkinciandAkalin) против Турции” Европейский Суд констатировал, что “переписка заключённого с адвокатом, независимо от её цели, гарантируется ст. 8 Европейской Конвенции, особенно когда она является предварительным шагом для использования средств правовой защиты, а перехват писем заключённых, адресованных адвокату, является нарушением требований ст. 8 данной Конвенции”³⁸.

2.9. ЕСПЧ констатирует нарушение ст. 8 Европейской Конвенции даже в тех случаях, когда тюремные власти контролируют переписку заключённого со своим врачом³⁹. Думается, что адвокатская тайна должна быть защищена не менее, чем врачебная. Поэт, прозаик и литературный критик Стефан Цвейг как-то заметил: “Человек проигрывает дважды: недоговаривая врачу и адвокату”.

В-третьих, согласно абзацу второму ч. 3 ст. 8 ФЗ “Об адвокатуре” полученные в ходе проведения ОРМ сведения могут быть использованы в качестве доказательств обвинения только в тех случаях, когда они не входят в производство адвоката по делам его доверителей.

В-четвертых, допустим, что если бы на основании представленных данных, полученных в ходе этого ОРМ, адвокатская палата в отношении первого защитника обвиняемой вынесла решение о прекращении его статуса адвоката, а последний бы обжаловал это решение в суд, то тогда бы получился “двойной” стандарт правовой оценки одних и тех же фактических обстоятельств, как доказательств. С одной стороны, эти материалы ОРД являлись недопустимым уголовно-процессуальным доказательством вины арестованной обвиняемой и не могли быть положены в основу обвинительного приговора в отношении нее. С другой стороны, по версии прокуратуры, эти материалы должны служить надлежащим доказательством в другой сфере правоотношений, которые регламентируются ФЗ “Об адвокатуре” и ст. 55 ГПК РФ, когда в представлении прокурора был поставлен вопрос о прекращении адвокатского статуса первого защитника обвиняемой женщины. Представляется, что такой “двойной” подход недопустим, поскольку он не способствует укреплению единого принципа законности в уголовном и гражданском процессах, в сфере ОРД и законодательства об адвокатуре. Не случайно многие суды (судьи) порой отказывают органам, осуществляющим ОРД, санкционировать такие ОРМ, которые прямо не предусмотрены ФЗ “Об ОРД”, но в то же время предусмотрены ст. 8 и 18 ФЗ “Об адвокатуре”. Видя взаимную несогласованность этих двух федеральных законов, судьи по своему усмотрению отдают предпочтение положениям то одного, то другого федерального закона. Целесообразно, чтобы сам законодатель обратил внимание на эту проблему, внес соответствующие коррективы в каждый из этих двух законов, учитывая изло-

женную выше практику ЕСПЧ, а равным образом дав на законодательном уровне понятие конфиденциальности встреч адвоката со своим доверителем в аспекте положений п. 5 ч. 3 ст. 6 ФЗ “Об адвокатуре”; п. 3 ч. 4 ст. 46 и п. 9 ч. 4 ст. 47 УПК РФ.

В-пятых, допрос арестованной обвиняемой с участием нового адвоката по обстоятельствам её конфиденциальной беседы с первым защитником не входил в предмет доказывания по её обвинению. В связи с этим в ходе данного допроса нарушались положения ст. 73 УПК РФ, определяющей предмет доказывания по уголовным делам.

В-шестых, в отношении первого адвоката уголовное дело по обстоятельствам его конфиденциальной встречи со своей подзащитной согласно положений ст. ст. 146, 447 и 448 УПК РФ не возбуждалось. При таких обстоятельствах допрос бывшей подзащитной даже с участием нового адвоката по обстоятельствам конфиденциальной встречи с первым адвокатом в силу положений ст. 73 УПК РФ является юридически ничтожным и незаконным следственным действием.

В-седьмых, при проведении данного ОРМ можно усмотреть нарушение положений ст. 2 ФЗ “Об ОРД”, где сформулированы задачи ОРД. Сама ОРД не предназначена для решения тех задач, которые преследовал проведенный в следственном изоляторе оперативной эксперимент в ракурсе выявления взаимоотношений адвоката со своей подзащитной и тайного прослушивания обсуждения ими в ходе конфиденциального свидания тактики защиты от обвинения.

В-восьмых, согласно положений ст. 3 ФЗ “Об ОРД”, ч. 4 ст. 7 УПК РФ, ч. 2 ст. 1 Закона РФ “О прокуратуре Российской Федерации” все решения, в том числе представления, прокурора должны быть законными, обоснованными и мотивированными, что нельзя сказать применительно к рассматриваемому случаю.

В-девятых, ст. 93 Стандартных минимальных правил обращения с заключёнными (приложение к Резолюции (73) 5 Комитета Министров Совета Европы; известны также под названием “Европейские тюремные правила”) устанавливает: “подследственный заключённый имеет право ... встречаться со своим адвокатом ... вручать ему и получать от него конфиденциальные инструкции ... Беседы заключённого с его адвокатом могут проходить на глазах, но вне пределов слышимости, прямой или косвенной, сотрудника полиции”⁴⁰. Пункт 10 данных “Европейских тюремных правил” под “заключённым” понимает, как лиц, взятых под стражу в рамках предварительного расследования, так и осуждённых по приговору суда к лишению свободы. Новая редакция “Европейских тюремных правил” (приложение к Резолюции (2006) 2 Комитета Министров Совета Европы) наряду с общим правилом о том, что общение между заключёнными и их юристами, включая переписку по правовым вопросам, носит конфиденциальный характер (подпункт 4 п. 23), предусматривает отход от этого правила: “в исключительных обстоятельствах судебный орган может установить ограничения в отношении такой конфиденциальности с целью предотвра-

³⁸ Постановление ЕСПЧ по делу Экинджи и Акалин (EkinciandAkalin) против Турции” от 30 января 2007 г. // Бюллетень ЕСПЧ. 2007. № 7. С. 44.

³⁹ Постановление ЕСПЧ по делу “Сулук (Szuluk) против Соединённого Королевства” от 2 июня 2009 г. (жалоба № 36936/05) // Бюллетень ЕСПЧ. 2009. № 11. С. 41 – 42.

⁴⁰ Цит. по: Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л. Указ.соч. С. 249.

шения тяжких преступлений или серьезной угрозы безопасности в пенитенциарном учреждении” (подпункт 5 п. 23).⁴¹

Представляется, что вышеназванные нормы “Европейских тюремных правил” российские правоприменители могут применять уже сегодня.

V. Проведение оперативно-розыскных мероприятий в отношении адвокатов в их офисах

5.1. Новеллы правовой позиции Конституционного Суда РФ, когда адвокат совершает преступление

Общеизвестно, что ЕСПЧ распространяет понятие “жилища” на помещения, используемые для профессиональной или служебной деятельности, в том числе и адвокатской, поскольку эта деятельность не может исключаться из содержания личной (частной) жизни граждан,⁴² а, как отмечалось выше, согласно п. 3 ст. 8 ФЗ “Об адвокатуре” ОРМ в отношении адвоката (в том числе в жилых и служебных помещениях, используемых ими для осуществления адвокатской деятельности) допускается только на основании судебного решения. Многим также известны определения Конституционного Суда РФ от 8 ноября 2005 г. № 439-О и от 21 октября 2008 г. № 673-О-О⁴⁴, которые связаны с применением названной выше правовой нормы ФЗ “Об адвокатуре”, но в рамках следственных действий, когда они проводились в служебных помещениях адвокатов: в первом случае – в помещении юридической фирмы “Юстина” г. Москвы проводился обыск по возбужденному уголовному делу в отношении граждан (коммерсантов), которых защищали адвокаты этой фирмы, и противоправные действия названных коммерсантов не были связаны с адвокатской деятельностью фирмы “Юстина”; во втором случае – до возбуждения уголовного дела на основании оперативной информации Управления ФСБ России по Курской области следователем проводился осмотр места происшествия в служебном помещении коллегии адвокатов “Защитник” Курской коллегии адвокатов. В этих двух случаях при производстве названных следственных действий изымались предметы и документы, составляющие адвокатскую тайну.

⁴¹ “Европейские тюремные правила” (приложение к Резолюции (2006) 2 Комитета Министров Совета Европы / URL: <http://prison.org/index.shtml> (дата обращения: 10.01.2016).

⁴² Постановление ЕСПЧ по делу “Нимитц (Niemietz) против Германии” от 16 декабря 1992 г. // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. В 2 т. Т. 1. – М., 2000. С. 768 – 773. Следует отметить, что заявитель настоящей жалобы гражданин Нимитц (Niemietz) являлся адвокатом. Постановление ЕСПЧ по делу “Компания “Кола Эст” и другие против Франции” (StesColasEstandotheres – France) от 16 апреля 2002 г. // Бюллетень ЕСПЧ. 2002. № 4. С. 21 – 22. Постановление ЕСПЧ по делу “Пантелеенко против Украины” (Panteleyenko – Ukraine) от 29 июня 2006 г. // Бюллетень ЕСПЧ. 2007. № 1. С. 31 – 32.

⁴³ По жалобе граждан С.В. Бородина, В.Н. Буробина, А.В. Быковского и других на нарушение их конституционных прав статьями 7, 29, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 8 ноября 2005 г. № 439 – О // СПС “Гарант” (дата обращения: 10.01.2016).

⁴⁴ Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб граждан Крюкова В.Ф. и Забелина Н.Г. на нарушение их конституционных прав статьями 7, 29, 176, 177 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 21 октября 2008 г. № 673 – О – О // СПС “Гарант” (дата обращения: 10.01.2016).

В то же время в своих определениях от 22 марта 2012 г. № 629-О-О⁴⁵ и от 17 июля 2012 г. № 1472-О⁴⁶ Конституционный Суд России разъяснил, что:

– при проведении таких ОРМ, в ходе которых может быть ограничена адвокатская тайна, следует руководствоваться положениями п. 3 ст. 8 ФЗ “Об адвокатуре” о необходимости получения судебного решения;

– для проведения ОРМ, которые не предполагают ограничения адвокатской тайны, судебного решения не требуется (например, когда адвокат в помещении адвокатского образования передает взятку следователю, т.к. сведения о преступном деянии самого адвоката не составляют адвокатской тайны, если они не стали предметом оказания юридической помощи самому адвокату в связи с совершенным им преступлением).

Думается, что адвокаты должны принять к сведению эти новеллы правовой позиции Конституционного Суда России.

5.2. проведение ОРМ “Обследование помещений и зданий” без судебного решения адвокату в своей практике исключать нельзя, поскольку ст. 8 ФЗ “Об ОРД” допускает проведение ОРМ и без судебного санкционирования на основании мотивированного постановления одного из руководителей органа, осуществляющего ОРД, в случаях, которые не терпят отлагательства и могут привести к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления, а также при наличии данных о событиях и действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации, о чём также говорилось чуть ранее. Именно этой нормой оперативные работники могут аргументировать свою позицию, предъявив адвокату постановление о проведении рассматриваемого ОРМ, явившись в офис адвокатского образования. О правовом нигилизме следователей и оперативных работников практики знают не понаслышке. Так, один из следователей в присутствии адвокатов в заседании суда прямо заявил о том, что вместо того, чтобы заниматься поиском и изъятием доказательств по многочисленным местам, ему проще изъять их у адвоката, который их уже собрал для защиты своего доверителя. И, несмотря на это своё циничное заявление, высказанное в судебном процессе, следователь получил согласие суда на обыск у адвоката⁴⁷.

Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Абдулхамидова Ахмедшапи Гамзатовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 8 и 9 Федерального закона “Об оперативно-розыскной деятельности”, а также статей 7, 29 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 22 марта 2012 г. № 629 – О – О // СПС “Гарант” (дата обращения: 10.01.2016).

⁴⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Абдулхамидова Ахмедшапи Гамзатовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 8 и 9 Федерального закона “Об оперативно-розыскной деятельности”, а также статей 7, 29 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 22 марта 2012 г. № 629 – О – О // СПС “Гарант” (дата обращения: 10.01.2016).

⁴⁶ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лукаша Владимира Ивановича на нарушение его конституционных прав статьями 86, 166, частью второй статьи 176, статьями 180 и 186 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, пунктом 3 статьи 8 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации” и положениями Федерального закона “Об оперативно-розыскной деятельности: определение Конституционного Суда РФ от 17 июля 2012 г. № 1472 – О // СПС “Гарант” (дата обращения: 10.01.2016).

⁴⁷ Лапинский В.В., Хапалюк Ю.Н. Поведение адвоката при производстве в отношении него следственных действий / В.В. Лапинский, Ю.Н. Хапалюк // Защита прав адвокатов при проведении в отношении них следственных и оперативно-розыскных действий (статьи, схемы и судебные решения). М.: Граница, 2015. С. 26 – 27.

Думается, что в этой ситуации, обжалуя такие действия оперативных работников, адвокат должен учитывать, что:

– п. 3 ст. 8 ФЗ “Об адвокатуре” ни при каких обстоятельствах не допускает проведение ОРМ в отношении адвокатов без судебного решения;

– правовую позицию Конституционного Суда РФ, высказанную им в определении № 439-О от 8 ноября 2005 г., следующего содержания: “в случае коллизии между различными законами равной юридической силы приоритетными признаются:

- последующий закон;
- закон, который специально предназначен для регулирования соответствующих отношений;
- закон, который предоставляет гражданам бóльший объем прав и свобод и в силу ст. 18 Конституции РФ устанавливает более широкие их гарантии”.

Даже если по жалобе адвоката суд, несмотря на указанную выше аргументацию, на основании ст. 8 – 9 ФЗ “Об ОРД” “postfactum” всё-таки признает правовую позицию оперативного органа законной и обоснованной, то при рассмотрении по существу уголовного дела в отношении доверителя адвоката, где в качестве доказательств будут фигурировать результаты (фактические данные), полученные при проведении настоящего ОРМ, адвокат может использовать следующую правовую Конституционного Суда РФ: “Постановление суда о законности проведённого обыска, вынесенное в соответствии с ч. 5 ст. 165 УПК РФ, не имеет преюдициальной силы, а поэтому обстоятельства, установленные таким решением, не могут признаваться судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки и препятствовать проверке их допустимости”⁴⁸. То есть, в заседании суда при рассмотрении уголовного дела по существу (в отношении доверителя по предъявленному ему обвинению) адвокат может ещё раз вернуться к законности и обоснованности такого ОРМ, ранее проведённого в помещении адвокатского образования.

Думается, что ссылка адвоката на это постановление Конституционного Суда РФ будет уместной и обоснованной, поскольку:

– в силу ст. 89 УПК РФ результаты ОРД должны соответствовать требованиям, предъявляемым к доказательствам;

– судебная практика высших судов России допускает применение уголовно-процессуального закона по аналогии. Источники: постановления Конституционного Суда РФ от 02 февраля 1996 г. № 4-П; от 28 ноября 1996 г. № 19-П; от 02 июля 1998 г. № 20-П; от 29 июня 2004 г. № 4-П; определения Конституционного Суда РФ от 15 декабря 2000 г. № 239-О; от 24 апреля 2002 г. № 114-О; Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 2. С. 9 – 11; определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 ноября 2012 г. № 48-О12-107.

⁴⁸ По жалобам граждан Арбузовой Елены Николаевны, Баланчуковой Александры Васильевны и других на нарушение их конституционных прав частями третьей и пятой статьи 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2008 г. № 1076-О-П // СПС “Гарант” (дата обращения: 10.01.2016).

5.3. процедура проведения ОРМ “Обследование помещений и зданий” в помещении адвокатского образования

Данная процедура ФЗ “Об ОРД” непосредственно в его нормах также не урегулирована, в связи с чем возникают такие вопросы:

– “А допустимо ли при проведении настоящего ОРМ вскрывать любые помещения, если владелец отказывается добровольно их открыть?” (т.е. по аналогии с обыском, как следственным действием, что предусмотрено ч. 6 ст. 182 УПК РФ).

– “Наделён ли оперативный работник правом (полномочием) по аналогии ч. 8 ст. 182 УПК РФ запретить лицам, присутствующим в месте, где проводится рассматриваемое ОРМ, покидать его, а также общаться друг с другом или иными лицами до окончания ОРМ?”

Рассматриваемые вопросы имеют правовое обоснование в ст. 4 ФЗ “Об ОРД”, согласно которой правовую основу ОРД также, ко всему прочему, составляют ещё и другие федеральные законы, перечень которых законодателем вообще не указан, а равно принятые в соответствии с ними иные нормативные правовые акты федеральных органов государственной власти.

Так, преподаватель Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России кандидат юридических наук Л.А. Бакланов, ссылаясь на нормы ФЗ “О полиции”, применительно к рассматриваемому ОРМ, пишет:

– ст. 15 данного федерального закона “О полиции” наделяет сотрудников полиции правом вхождения (проникновения) помимо воли проживающих в них граждан в жилые и иные помещения, на земельные участки и территории в случаях, предусмотренных законодательством России;

– часть 1 указанной статьи предоставляет право сотрудникам полиции при проникновении производить взлом (разрушение) запирающих устройств, элементов и конструкций, препятствующих проникновению;

– пункт 3 ч. 3 ст. 22 этого же федерального закона предусматривает даже возможность применения огнестрельного оружия в этих целях.

16,8% опрошенных им сотрудников оперативных подразделений полагают, что данное ОРМ проводится в форме, максимально приближённой к обыску, а 62% респондентов в своих анкетах сообщили, что способ проведения обследования определяется лицом, осуществляющим мероприятие, в зависимости от складывающейся ситуации, и лишь 21,1% считают, что гласное обследование проводится в форме, максимально приближённой к следственному осмотру⁴⁹.

Далее в этой же своей работе (статье) Л.А. Бакланов приводит пример из современной судебной практики, где постановлением Федерального арбитражного суда

⁴⁹ Бакланов Л.А. Вскрытие запечатых помещений и разрушение конструкций при проведении гласного обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств // Деятельность правоохранительных органов по обеспечению законности и правопорядка в Азиатско-Тихоокеанском регионе: проблемы и перспективы: сборник материалов международной научно-практической конференции (14 мая 2015 г.).; Дальневосточный юридический институт МВД России. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России. 2015. С. 233

Уральского округа от 8 июля 2013 г. было отказано в удовлетворении иска к УМВД России по Челябинской области, сотрудники которого в ходе осуществления гласного обследования помещения, при поддержке МЧС России, существенно нарушили целостность имущества: разрушили стену, повредили несколько дверей, деформировали потолок, вырвали люстры и камеры видеонаблюдения, нарушили электропроводку⁵⁰.

Однако, читая в первоисточнике данный судебный акт, видно, что основанием для отказа в удовлетворении исковых требований истца⁵¹ к названным выше ответчикам⁵² являлись следующие аргументы:

– вопреки положениям ч. 3 ст. 5 ФЗ “Об ОРД” и ст. 53 ФЗ “О полиции” истец не обжаловал действия сотрудников полиции, связанные с проведением настоящего ОРМ, в установленном порядке;

– действующим законодательством предусмотрен специальный порядок проверки законности решений и действий должностных лиц и органов, осуществляющих ОРД, который к подведомственности арбитражного суда не относится⁵³.

Думается, что по данным правоотношениям, если всё-таки рассматриваемое ОРМ будет проведено по аналогии с обыском и именно в таком режиме, как это описывает автор Л.А. Бакланов на примере указанного выше арбитражного дела, то адвокату, приняв решение об обжаловании незаконных действий сотрудников полиции и иных органов, уполномоченных осуществлять ОРД, целесообразно аргументировать свою позицию следующим:

Во-первых, согласно ч. 3 ст. 55 Конституции РФ все права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом, а ФЗ “Об ОРД” таких ограничений при проведении рассматриваемого ОРМ не предусматривает.

Во-вторых, вполне уместно сослаться на кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 9 января 2013 г. № 45-О12-77⁵⁴, согласно которому проведение рассматриваемого ОРМ по правилам обыска (ст. 182 УПК РФ) признано незаконным, а полученные в результате такого ОРМ фактические данные признаны недопустимыми доказательствами.

В жалобе целесообразно отметить, что судебная практика Верховного Суда РФ имеет право на непосредственное правоприменение по конкретным уголовным делам, а Верховный Суд РФ наделён правом обеспечения единства судебной практики в форме дачи разъяснений нижестоящим судам по вопросам применения законодательства в силу положений:

– ст. 126 Конституции РФ;

– ч. 5 ст. 19 Федерального конституционного закона РФ от 31 декабря 1996 г. № 1 – ФКЗ “О судебной системе в Российской Федерации”;

– п. 1 ч. 4 ст. 9 Федерального конституционного закона РФ от 7 февраля 2011 г. № 1 – ФКЗ “О судах общей юрисдикции в Российской Федерации”;

– п. 1 ч. 7 ст. 2 Федерального конституционного закона РФ от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации”.

В-третьих, если рассматриваемое ОРМ проводили оперативные сотрудники органов внутренних дел, то также можно сослаться и на нормы Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел гласного оперативно-розыскного мероприятия обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и перечня должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного оперативно-розыскного мероприятия обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, утверждённой приказом Министерства внутренних дел РФ от 1 апреля 2014 г. № 199 и зарегистрированной в Министерстве юстиции РФ 21 мая 2014 г., регистрационный № 32369⁵⁵. В названной Инструкции оперативные работники не наделены полномочиями, которые указаны в ч. 6 и ч. 8 ст. 182 УПК РФ, и настоящее ОРМ не может проводиться по уголовно-процессуальным правилам проведения обыска.

Если при проведении рассматриваемого ОРМ в офисе адвоката была изъята информация, которая содержалась на электронном носителе, то адвокату в своей жалобе, сверх того, также можно использовать и судебную практику Европейского Суда по делу “Визер и компания “БикосбетейлигунгенГмбХ” против Австрии⁵⁶.

Поводя итоги настоящей работе, в заключении хочу отметить:

1. Федеральным законом от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ внесены изменения в ст. 11 ФЗ “Об ОРД”, в связи с чем результаты ОРД также могут представляться в налоговые органы при реализации полномочий по контролю и надзору за соблюдением законодательства о налогах и сборах, по обеспечению интересов государства в делах о банкротстве, также при реализации полномочий в сфере государственной регистрации юридических лиц. То есть, расширена сфера применения правоотношений в сфере ОРД, в связи с чем настоящая моя работа будет интересна и полезна также адвокатам, которые занимаются юридическим сопровождением бизнеса, работая в сфере гражданского и арбитражного судопроизводства.

Так, например, вопросы использования результатов ОРД в налоговом законодательстве рассматриваются в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда от 30 июля 2013 г. № 57 “О некоторых вопросах, возникающих при применении Арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации”,

⁵⁰ СПС “Гарант” (дата обращения: 10.01.2016).

⁵⁰ Там же. С. 234.

⁵¹ Собственника помещения, где проводилось настоящее ОРМ, – Прим. авт.

⁵² Предметом иска были требования истца о возмещении ему стоимости описанных выше повреждений, причинённых в результате проведения названного ОРМ, – Прим. авт.

⁵³ Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 8 июля 2013 г. № Ф09-6140/13 по делу № А76-11049/2012// [Электронный ресурс]. URL: <http://fasu.arbitr.ru> (дата обращения: 10.01.2016).

⁵⁴ URL: <http://www.supcourt.ru> (дата обращения: 10.01.2016).

⁵⁶ Постановление ЕСПЧ по делу “Визер и компания “БикосбетейлигунгенГмбХ” (WieserandBicosBeteiligungenGmbH) против Австрии” от 16 октября 2007 г. (жалоба № 73336/01) // Бюллетень ЕСПЧ. 2008. № 4. С. 26 – 27.

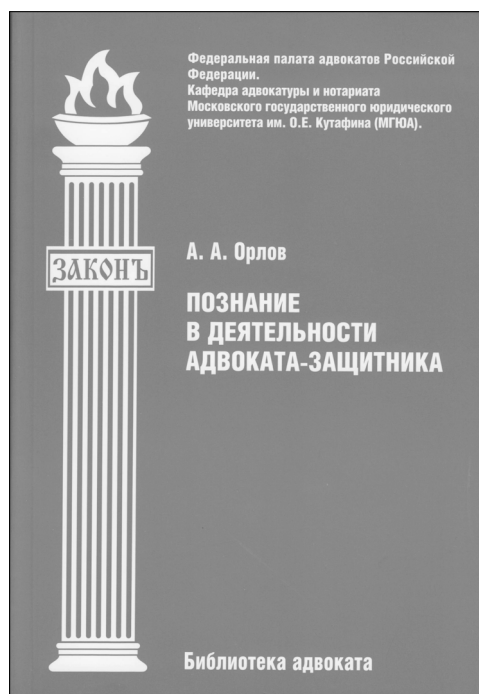
письме Федеральной налоговой службы РФ от 17 июля 2013 г. № 4-2/12837 “О рекомендациях, связанных с налоговыми проверками”.

Бизнес-адвокаты сами аналогичным образом могут быть объектом ОРМ, от этого никто не застрахован.

2. Отдельные нормы ФЗ “Об ОРД” несовершенно (например, в сфере судебного обжалования и выбора формы процесса), в связи с чем нет единства судебной правоприменительной практики, поэтому в этих правоотношениях нельзя дать однозначных чётких конкретных рекомендаций.

3. В 2015 г. при содействии Федеральной палаты адвокатов РФ (ФПА РФ) вышла книга “Защита прав ад-

вокатов при проведении в отношении них следственных и оперативно-розыскных действий” (статьи, схемы и судебные решения) / сост. В.В. Лапинский, Н.Н. Соколов, Ю.Н. Хапалюк. М.: Издательство “Граница”, 2015. 167с. Тираж книги всего лишь 1000 экз., в свободную продажу книга не поступала, на сайте ФПА РФ в электронном виде дана презентация этой книги и содержатся отдельные выдержки из неё. В рамках своей настоящей статьи я старался осветить и раскрыть те вопросы, которые не были изложены в названной книге. Думаю, что это принесёт определённую пользу читателям, которые также дополнительно прочитают ещё и саму книгу трёх перечисленных выше авторов, практикующих адвокатов.

Орлов А.А.

**Познание в деятельности адвоката-защитника.
М.: Федеральная палата адвокатов РФ, 2015,
2015. 208 с. (Библиотека адвоката)**

Рецензенты:

Пилипенко Ю.С., д-р юрид. наук, президент ФПА РФ;
Володина С.И., канд. юрид. наук, вице-президент ФПА РФ, директор Института адвокатуры Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Деятельность адвоката имеет множество трудностей – нехватка времени, информации, порой недостаток опыта. На что обратить внимание, чтобы самому быть уверенным в оказании качественной помощи доверителю? Как оценить приложенные усилия для защиты интересов своего подзащитного?

Адвокатская корпорация балансирует на очень тонкой грани – с одной стороны, не вторгаясь в занимаемую адвокатом по делу позицию, с другой стороны, всячески поощряя пассивность адвоката и мотивируя его к активному поиску доказательственной информации и критике обвинения. Такая неопределённость порождает только новые вопросы об обязанностях адвоката и его ответственности за некачественную защиту доверителя.

Поиск ответов на данные вопросы и анализ различных подходов к оценке занимаемой адвокатом позиции, с учётом судебной и дисциплинарной практик, формирует основу для выработки адвокатским сообществом единых стандартов профессии и дальнейших путей эволюции адвокатской корпорации.

Г.П. Поплавская – адвокат АПМО

Некоторые вопросы по протоколам судебных заседаний (материал для начинающих адвокатов)

Эти записи я делала по просьбе одной уважаемой компании, занимающейся распространением правовых знаний и информации. Полагаю, что сведения, содержащиеся в них, могут быть весьма полезными и для наших молодых адвокатов, поскольку проверены успешным опытным путём за более чем 17 лет адвокатской практики.

Важным документом, отражающим все существенные события и факты, которые происходят в судебном заседании, является протокол судебного заседания.

К сожалению, в силу различных обстоятельств, такой важнейший доказательственный документ по делу, каким является протокол судебного заседания, зачастую составляется с многочисленными ошибками и неточностями, которые могут привести к самым различным неблагоприятным последствиям, вплоть до вынесения неправильного, неправосудного решения по делу.

Важность протоколов судебных заседаний по делу невозможно переоценить, поскольку в них находят отражение (либо, напротив, не находят его) действия самого суда при рассмотрении дела. Именно протоколы судебных заседаний во многом дают суду вышестоящей инстанции возможность оценить, правильно ли действовал суд, вынося решение по делу.

В практике судов нередки случаи, когда, к примеру, показания важного свидетеля в протоколе судебного заседания записываются в значении, полностью противоположном тому, что свидетель в действительности сообщал суду. Для этого достаточно, чтобы секретарь судебного заседания в протоколе ошибочно (о случаях умысла мы здесь не говорим) пропустил или, наоборот, вставил лишь одно слово. Например, в протоколе судебного заседания записано, что свидетель сообщил суду: «до потопа эта стена была с трещиной», хотя свидетель на самом деле сообщал суду, что «до потопа эта стена не была с трещиной». Легко предположить, что ошибки такого рода, не будучи исправленными, могут привести к вынесению неправильного судебного решения (например, по гражданскому делу о взыскании страхового возмещения со страховой компании по случаю разрушения жилого дома в результате подтопления такие, неверно записанные данные важного свидетеля - единственного соседа, могут привести к тому, что собственнику дома будет отказано в выплате страховой суммы).

Во избежание неблагоприятных последствий различного рода ошибок и неточностей, влияющих на полноту и правильность протокола судебного заседания, а в конечном итоге - на правильность и справедливость судебного решения, законодательно установлена процедура их устранения. Ошибки и неточности, допущенные в протоколе судебного заседания, могут быть исправлены судом по заявлению лиц, участвующих в деле и/или их представителей в порядке, установленном статьями 231, 232 ГПК РФ.

Каковы последствия неподачи замечаний на Протокол судебного заседания?

Согласно требованиям ГПК РФ протокол судебного заседания должен отражать все существенные сведения о разбирательстве дела. Пожалуй, ключевым в данном случае является слово «существенные». Поскольку здесь мы не рассматриваем, по каким категориям дел какие именно доказательства имеют определяющее или существенное значение, то есть решающее либо оказывающие значительное влияние при принятии судом того или иного решения, в целом будем исходить из того, что в протоколе должны быть достаточно подробно (полно) указаны все те сведения, которые должны быть занесены в него в соответствии со ст. 229 ГПК РФ.

Если представителем стороны по делу или лицом, являющимся стороной, в судебном заседании представлялись документы или заявлялись какие-то ходатайства, то, очевидно, что они заинтересованы, чтобы в протоколе было указано, что именно эти доказательства и именно такие ходатайства были заявлены; чтобы было указано, как к этим доказательствам и ходатайствам отнеслись суд и процессуальный противник.

Например, Ваш доверитель потратил значительное время и денежные средства для поездки в другой регион России для того, чтобы добыть некий важный документ, подтверждающий наличие у него какого-либо права (свидетельство на право собственности, дубликат свидетельства о браке и т. д.). Вы заявили ходатайство суду о приобщении этого документа, суд Ваше ходатайство удовлетворил, Ваш документ принял. Однако впоследствии, после вынесения решения не в Вашу пользу, Вы обнаружили, что в материалах дела Вашего документа нет, как нет упоминаний о том, что он был Вами предоставлен суду и приобщён. Более того, суд при вынесении решения вовсе не учёл наличие у Вас прав, подтвержденных тем самым документом. Не будем останавливаться здесь подробно на причинах, по которым такое могло произойти. Отметим лишь, что такая ситуация возможна и встречается не так уж редко.

Очевидно, что успешно обжаловать неблагоприятное для Вашего доверителя решение суда — то есть добиться принятия решения в пользу Вашего доверителя или хотя бы отмены указанного решения - Вы сможете при том условии, что докажете, что документ Вы предоставили, а суд его принял. Таким доказательством в данном случае и будут являться своевременно поданные Вами соответствующие замечания на тот злополучный протокол судебного заседания. В случае, если замечания на протокол судебного заседания не были поданы, то считается, что в судебном заседании всё происходило именно так, как записано в протоколе судебного заседания. И можно будет считать большой удачей, если неверное и невыгодное для Вашего доверителя решение суда отменят в апелляционной инстанции, и Вы сможете

те вновь представить необходимый документ суду первой инстанции, тщательно проконтролировав, чтобы на этот раз в протоколе судебного заседания факт предоставления Вами документа нашёл своё отражение, при необходимости подав для этого замечания на протокол судебного заседания.

Думается, что приведенный выше пример достаточно наглядно показал, что не следует недооценивать необходимость и важность ознакомления с протоколом судебного заседания, а также подачи замечаний на него.

Каковы последствия несвоевременной подачи замечаний на протокол судебного заседания?

Несвоевременная подача замечаний на протокол судебного заседания, то есть подача их с нарушением установленного 5-дневного срока со дня изготовления протокола судебного заседания, влечет отказ в принятии замечаний к рассмотрению их судом.

Во избежание пропуска срока для подачи замечаний на протокол судебного заседания необходимо обращать внимание на дату подписания протокола судебного заседания судьей и секретарем судебного заседания. Протокол судебного заседания должен быть изготовлен не позднее 3-х дней после окончания судебного заседания.

Для того, чтобы избежать пропуска этого срока, следует учитывать не только порядок исчисления сроков, установленный ГПК РФ, но также и то обстоятельство, что в протоколе судебного заседания, изготовленном позже установленного законом срока, может быть указана неверная дата его подписания.

Таким образом, чтобы своевременно подать замечания на протокол судебного заседания, придётся приложить усилия к тому, чтобы добиться своевременного изготовления такого протокола (что маловероятно по причине загруженности судов) или, по крайней мере, зафиксировать факт нарушения судом срока подписания протокола судебного заседания. Усилия эти немалые, порой многодневные, неискушённым в устройстве суда людям кажущиеся изматывающими - отстоять в очереди в канцелярию, услышать, что дело не сдано, дожидаться секретаря судьи в перерыве между заседаниями и добиться от него ответа, подать ходатайство с просьбой обеспечить ознакомление с протоколом, который до настоящего времени не изготовлен, а материалы дела в канцелярию не сданы и т. д. по кругу, и не раз... Однако совершать их необходимо.

Если срок для подачи замечаний на протокол судебного заседания пропущен, то в ряде случаев его всё же можно восстановить - в тех случаях, когда суд признает причины, по которым замечания на протокол не были поданы своевременно, уважительными. Наряду с другими уважительными причинами (болезнь, нахождение в командировке), такой причиной также может быть признано несвоевременное изготовление и подписание протокола судебного заседания.

На что обращать внимание при ознакомлении с Протоколом судебного заседания?

При ознакомлении с протоколом судебного заседания обращать внимание нужно буквально на всё — начиная с

первой строчки, в которой указано наименование суда и ФИО председательствующего судьи, и вплоть до последних — даты подписания протокола и всё того же ФИО судьи.

Разумеется, важно, подписан ли протокол, подписан ли он теми лицами, которыми он должен быть подписан — председательствующим судьей и секретарём. Кроме того, важно, указаны ли в протоколе те лица, которые в действительности присутствовали в судебном заседании; указаны ли и каковы причины неявки (можно ли считать их уважительными) лиц, которые судом вызывались, но в судебное заседание не явились.

Следует обращать внимание на паспортные данные и данные доверенностей лиц, участвовавших в судебном заседании. Нередки случаи, когда лицо представило суду просроченную доверенность — и, следовательно, оно не имело полномочий не только на представление интересов стороны по делу, но на подачу искового заявления, рассмотрение которого должно быть в таком случае немедленно прекращено.

Очевидно, что каждое лицо, знакомящееся с протоколом судебного заседания, рассматривает его содержание, имея в виду преследуемые в данном конкретном деле цели.

Понятно, что при ознакомлении с протоколом судебного заседания нужно обращать внимание на то, записаны ли в нём Ваши объяснения, показания Вашего доверителя и других участников так, как они были даны (иногда решающую роль имеет и последовательность, в которой задавались вопросы, давались ответы, представлялись документы).

Безусловно, нужно обращать внимание на случаи, когда в протоколе судебного заседания вдруг неверно указано, что документы, которые в действительности были предоставлены суду Вами, будто бы предоставил Ваш процессуальный противник.

Очень важно обращать внимание на указание в протоколе ФИО Вашего доверителя, данных (если они указаны) паспорта, других документов, поскольку будучи однажды неверно указанными в Протоколе судебного заседания, впоследствии они перекоچуют в решение суда и может случиться так, что судебный пристав-исполнитель не сможет исполнить решение суда, вынесенное в пользу Вашего доверителя, поскольку в нём неверно указана какая-нибудь буква или цифра.

Ознакомление с протоколами судебного заседания может выявить целый ряд нарушений закона, к которым прибегает процессуальный противник, а иногда и суд, по каким-либо причинам утративший объективность. Пример: на протяжении нескольких месяцев истец Н., подделавший документы, на основании которых собирался через суд признать за собой право собственности на квартиру, добивался переноса судебных заседаний, отложения судебных заседаний на длительный срок по причине болезни — своей и своего представителя и другим причинам (поступая таким образом, истец Н. ждал, пока «высохнут чернила» - наступит время, когда экспертиза не сможет установить давность совершения подписи на подложных документах). В частности, истец Н. сообщил суду, что про-

живает за пределами России - на Украине. Также он представил суду листки нетрудоспособности, подтверждающие якобы его и его представителя обращения в лечебную организацию в связи с болезнью. При этом в протоколах судебных заседаний отсутствовали заявляемые в каждом судебном заседании ходатайства от представителя ответчика к суду - предложить истцу представить оригиналы документов, на которых истец Н. основывает свои требования. Представитель ответчика, изучивший протоколы и не нашедший в них ходатайств, которые он заявлял, кроме того, внимательно изучил документы, представленные истцом Н.: каково же было его возмущение, когда он увидел явные злоупотребления со стороны истца: оказалось, что истец Н. проживает вовсе не в далеком украинском селе, а на юго-востоке Москвы, в которой и родился (всё это было установлено из нотариально удостоверенной доверенности, которую истец Н. выдал своему представителю. Кроме того, было установлено, что истец Н., проживавший, как уже сказано, на юго-востоке Москвы, «заболевая», почему-то обращался не в медицинское учреждение вблизи своего места жительства, а в медицинский центр, расположенный в центре г. Москвы. При этом удивительным образом в тот же медицинский центр «по болезни» обращался и представитель истца Н., который проживал на северо-западе столицы.

Разумеется, представитель ответчика воспользовался обнаруженными сведениями, заявил суду о злоупотреблениях истца Н. и его представителя, о необходимости немедленного назначения экспертизы давности составления документа. Дело выиграл ответчик — истцу Н. было отказано в признании за ним права собственности на квартиру.

Как видно из приведенного примера, протокол судебного заседания является крайне информативным документом, важным инструментом процессуального состязания и в нём не может быть не заслуживающих внимания, неважных сведений.

Как составить Замечания на Протокол судебного заседания, чтобы они оказались действенными?

Очевидно, что вопрос составления замечаний на протокол судебного заседания возникает в том случае, когда содержание протокола судебного заседания полностью или частично не соответствует тем событиям и/или фактам, которые имели место в судебном заседании — поскольку, как мы помним, целью подачи замечаний является восстановление его (протокола судебного заседания) полноты и правильности.

В связи с этим возникает необходимость заявить замечания на протокол судебного заседания в отношении:

1) сведений, которые отражены в протоколе судебного заседания неверно по существу или не в той последовательности (что не всегда, но в ряде случаев имеет важное значение);

2) сведений, которые не были отражены в протоколе судебного заседания.

Например, в протоколе судебного заседания не указано, что ответчик Н. в ходе судебного заседания по делу о

частичном захвате земельного участка, отвечая на вопросы, задаваемые истцом Ф., ответил: «Да, забор на моём участке слева действительно выступает за границы моего участка, но всего-то на 40 сантиметров». Поскольку этот факт ответчиком Н. признан, то для истца Ф. такое признание является крайне благоприятным — не только с моральной, но также и с экономической точки зрения. В данном случае истец Ф. может существенно сэкономить, поскольку, возможно, удовлетворится признанием ответчика Н. и вычислит уменьшенный размер своего земельного участка без того, чтобы просить суд назначить дорогостоящую и длительную судебную экспертизу по определению фактического размера своего земельного участка и его границ в результате нарушения их своим соседом (ответчиком Н.).

Очевидно, что истец Ф. заинтересован в документальном закреплении указанного выше признания ответчика Н., в том числе и с той целью, чтобы впоследствии (например, в случае изменения ответчиком Н. своей позиции по данному делу) ответчик Н. не мог утверждать, что такого признания он не делал. В замечаниях на протокол судебного заседания в таком случае можно написать следующее:

«Прошу удостоверить полноту и правильность следующего замечания на протокол судебного заседания по делу №__ от (дата судебного заседания): В Протоколе судебного заседания на странице №__, в конце абзаца №__ отсутствуют следующие слова, сказанные ответчиком Н.: «Да, забор на моём участке слева действительно выступает за границы моего участка, но всего-то на 40 сантиметров».

Предположим, что судья, который будет рассматривать данное замечание на протокол судебного заседания, по разным причинам не помнит, делал ли ответчик Н. признание, которое желает удостоверить истец Ф. В этом случае, суду можно помочь, указав в замечаниях, что достоверность слов ответчика Ф., указанных в замечаниях на протокол судебного заседания, может быть подтверждена аудиозаписью, которую истец Ф. производил в ходе судебного заседания.

Способность составить эффективные замечания на протокол судебного заседания - это ценное умение, которое может в корне изменить позицию суда, заложить основу для успешного решения спора. В этом деле мелочей не бывает: в ряде случаев недостаточно совершенные по форме или по смыслу замечания на протокол судебного заседания могут ухудшить положение лица, которое их подаёт. Пытаться поправить небрежно написанный секретарем суда протокол судебного заседания путём принесения на него замечаний или оставить его в том виде, в котором он изготовлен и подписан судьей? Следует отметить, что для решения этого вопроса в ряде случаев нужно проводить очень кропотливую работу, требующую учета многих факторов, в том числе, и возможной впоследствии корректировки позиции по делу.

Т.М. Михайлова – юридический журналист, г. Тверь

Травма весом в четыре года

В Центральном районном суде Твери завершено рассмотрение дела по обвинению по ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий) бывшего воспитателя Тверского суворовского училища Константина Морозова, федеральный судья Алексей Михайлов.

Обвинение поддерживал помощник прокурора Тверского военного гарнизона Сергей Ханцевич. Он просил суд приговорить обвиняемого к четырём годам лишения свободы и настаивал на двух эпизодах: Морозов ударил головой о стену суворовца Илью Николаева (и сделал он это правой рукой) и нанёс удар (правой ногой) по руке другому воспитаннику – Максиму Дудину.

Родители не переставали удивляться – как в судебном заседании, так и вне его. «Ударенный головой» ребёнок – теперь он учится в обычной тверской школе – полгода об инциденте помалкивал и к медработникам не обращался. Травма головы у него, правда, была, только было это намного раньше, в результате ДТП и к педагогам суворовского училища отношения не имеет. А вот папа «травмированного», живущий с отроком отдельно от его матери, как раз сейчас пытается через суд требовать алименты с мамы - работника общепита. Не из предполагаемого ли «морального ущерба» в 130 тысяч рублей от Константина Морозова?

Вторая травма тоже вызывает вопросы. Допрошенный в судебном заседании штатный московский эксперт признавался, что специальными познаниями в травматологии, равно как и в рентгенологии, не обладает, а заключение о травме средней тяжести дал только по записям в медицинской карте потерпевшего. Сокурсники, допрошенные в качестве свидетелей (как того требует закон, в присутствии родителей), видели «жертву» висящей на турнике уже на следующий день после полученной травмы.

К. Морозов представил суду результаты экспертизы, из которой следует, что он левша. В Суворовском училище он проработал десять лет (по трудовой книжке, добавим мы для тех, кого тоже удивило присутствие в процессе именно военного прокурора) и считался одним из лучших воспитателей. Он пояснил, что непроизвольно выставил в сторону ногу, чтобы остановить бежавшего на него воспитанника. Считая, что это «отмазка» зарвавшегося офицера в отставке, бдительная сторона

обвинения тут же заметила: расписывается подсудимый правой рукой.

По случаю этого процесса в сети Интернет была создана группа быстрого информационного реагирования. Поддержать коллегу, оказавшегося на скамье подсудимых, приехали даже бывшие сослуживцы из столицы. Интерес к ходу дела проявил профессиональный журнал «Адвокатская палата». Печатные СМИ Твери выглядели на этом фоне куда как скромнее.

Можно ли считать такую поддержку опального воспитателя круговой порукой? Нежеланием коллектива закрытого учреждения выносить сор из избы? Мальчишки - контингент педагогически нелёгкий: дерутся, кричат, хулиганят. Некоторые пытались послать педагогов по матушке: воспитание социумом не отменишь в один момент.

Оценку «строгий, но справедливый» варьировали на все лады и недавние подопечные К. Морозова. И даже подписи собирали под просьбой вернуть им любимого педагога. И хотя к делу эти подписи не были приобщены, этот поступок будущих офицеров способен вызвать уважение. «Мне незачем было бить ребят, – пояснял обвиняемый. – Они правильно реагировали даже на мой взгляд».

Приговор по делу вынесен. В эпизоде с И. Николаевым отказать по причине отсутствия события преступления. Эпизод с М. Дудиным переквалифицировать по статье 112 УК (умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью). Назначить обвиняемому наказание в виде одного года лишения свободы (условно). Освободить от наказания на основании амнистии по случаю 70-летия Победы.

Каков же итог? Бывший воспитатель Морозов готов защищать себя и дальше. Пубертатные фантазии Ильи Николаева теперь пусть волнуют его новых учителей. В своё время один из лучших учеников училища, он, например, выкладывал в Сеть нацистскую символику. Только потому, что, как сам же и объяснил, поссорился с приятелем с неславянской фамилией. Суворовское училище надолго попало под пристальное внимание военной прокуратуры Тверского гарнизона. Заместитель военного прокурора Сергей Рышляков пытался даже передать суду приговор «по аналогичному делу»!

В.И. Сергеев – адвокат АП Г. Москвы, доктор юридических наук, профессор Московского гуманитарно-экономического института

Взгляд на элиту как на заговор

Ныне у многих людей старшего поколения очень часто просыпаются ностальгические чувства, и они с горечью в душе и щемящей тоской вспоминают советские времена, сожалея об их безвозвратной потере. Одновременно на страницах современных изданий появляется множество различных аналитических трудов, пытающихся дать объяснение причинам крушения Советского Союза и социалистической идеи. Я тоже не лишён подобных чувств и мыслей и в настоящей статье попытаюсь присоединиться к тем, кто считает, что описанное вселенское крушение произошло не в силу объективных причин, а явилось исключительно рукотворным явлением. Более того, вся моя, предшествующая проявлению этого явления работа в правоохранительных органах, дала мне полное основание утверждать о том, что явление это было не просто рукотворным, а заранее теоретически продуманным, хорошо подготовленным и прекрасно исполненным.

Будучи военным прокурором, мне ещё тридцать и более лет назад бросилась в глаза такая особенность: советская высшая элита страны оказалась абсолютно неприкасаемой со стороны советского же закона, на неё не распространялись ни требования морали, ни нравственность господствующего в стране социально-экономического строя, она была неподконтрольна со стороны общества, неподнадзорна со стороны прокуратуры и неподсудна со стороны суда. Правда, чтобы резко не выделяться на общем фоне своей нескромностью в потребностях, она эти свои потребности из соображений собственной безопасности придерживала, старалась прятать их за рамками ведомственных подзаконных актов и более скрытой частной жизни, хотя очень многое из этой жизни, конечно же, высывалось наружу и становилось предметом всеобщего обсуждения в народе.

Такое положение в обществе элиту не устраивало. Она хотела воли и свободы, чтобы и нравы, и мораль общества соответствовали её внутренним представлениям и концепциям, чтобы можно было, не таясь, жить в своё удовольствие и так, как им позволяет собственное материальное благополучие, происхождение которого никого не должно касаться, частное, дескать, это дело. Размеры настоящей публикации не позволяют мне описать все прокурорские проверки и возбуждённые только лично мною уголовные дела в отношении высокопоставленных лиц, чтобы у читателя из их содержания сложилось впечатление о масштабах беззакония, вытворяемого только в одних вооружённых силах страны. Что же тогда могли делать в правительстве, в окружении президента СССР? Если следовать правилу «тенденция--закономерность--система», то можно было бы и не ездить по стране, чтобы знать, что же там происходило. Достаточно было проверить только генералитет и их вышестоящее руководство. И этого хватило бы для нужного вывода. И сделанный вывод был бы на 100% правильным.

Да, читая все эти строки в наше нынешнее преступное время, многие читатели, очевидно, укоряют меня. Дескать, по сравнению с современными «генералами» и «маршалами Табуреткиными», нынешними нарушениями в вооружённых силах, совершённых, например, в эпоху Васильевой и «наложниц в юбках», то, что совершалось в те, советские годы, это - ничто, «мелочь пузатая», на которую не следовало бы и внимание обращать, а не то что так реагировать, как реагировали мы. Вынужден в корне не согласиться с такой сентенцией и постановкой вопроса. Потому что для любого научного или даже бытового сравнения необходимо брать сравнимые величины. Сравнить же времена социально-экономической формации советского периода с временем капиталистического строя – это значит применять величины несопоставимые. А это с методологической точки зрения совершенно недопустимо.

Какой бы ни была искривлённой и деформированной политической экономия социализма в СССР, как бы она ни была извращена опытом жизни и деятельности конкретных партийных хозяйственников, при которых допускались эти самые извращения, в своём общем, концептуальном плане социалистический строй – это строй, ориентированный на народное благо, на благополучие социума. Потому и социалистический, что «социум» во главе, в интересах его развития строятся базис и надстройки, идеология и экономика. Основная стратегическая задача социализма – благо народа - предопределяла и содержание советской конституции, советских законов. В конечном итоге, с помощью советских законов государственные органы, исполнительная власть, прокуроры, суды, милиция строили свою деятельность именно в этом стратегическом направлении – обеспечение интересов народа, социума. Это был ориентир и ориентир правильный. Также, как медики исполняли клятву древнегреческого врача Гиппократу, так и юристы советской эпохи в своей практической деятельности честно и добросовестно пытались исполнять завет римского правоведа Домиция Ульпиана, который считал право искусством добра и справедливости.

То есть в этой норме давалось прямое указание на то, что право должно быть согласовано со своим этическим масштабом, соответствовать нравственным принципам своего времени и не отставать от него. Но если в праве гуманистические очертания границ можно определить достаточно точно и чётко, то в вопросах экономики таких границ или вообще не существовало или они были неразличимы из-за диалектического свойства хозяйственной деятельности человека, общества, государства и разности интересов этих лиц. Вот политэкономия социализма и запуталась в своих ориентирах, целях, задачах, направлениях движения. На фоне таких размытых ориентиров и программ замечалась и надуманность многих политэкономических концепций, и безжизненные, непроверен-

ные практикой социалистического строительства догмы, например, о несовместимости социализма и рыночных отношений. Вместе с порочной политикой советских властей, считавших, что нас окружают сплошные враги, а значит направлявших наше движение для защиты от них, поддерживавших необходимость жутчайшей обороны; вместе с другими ошибочными теориями о необходимости силового, военного, а не экономического превосходства над миром капитала, в том числе и вместе со скрытой криминальной теневой деятельностью; в конечном итоге всё это привело к тому, что практическое претворение социалистической идеи и стратегии подорвало веру людей в правильность социализма как такового, как социально-экономической формации.

К этому следует добавить также и активную деятельность антисоветских институтов Запада и США, а также разветвлённую культурно-пропагандистскую агитацию так называемой «пятой колонны» внутри страны, которая активно эксплуатировала тему недостатков социалистического строительства в своей стране с целью не совершенствования, а именно разрушения социализма и поворота к капитализму. Среди тех, кто стал эксплуатировать тему недостатков, наиболее выделились не те активные граждане страны, которых впоследствии назовут диссидентами, которых старался всячески притеснять и гнобить Андропов и всесильный КГБ, эти-то зачастую обращали как раз правильное внимание властей на те самые недостатки, на произвол чиновников, на беззакония и коррупцию. Нетронутыми оставались другие: явные и открытые враги советской системы в лице таких деятелей как Горбачёв, вся его административная и правительственная камарилья, а также вскормленная андроповским временем новая поросль: Ельцин, Чубайс, Гайдар, Яковлев, Шеварнадзе, Собчак, Кох и многие-многие другие, которые даже не скрывали свою патологическую ненависть к советскому народу и советской стране. Ну каких, спросим сами себя, позитивных результатов можно было ждать, например, от человека, произносящего такие слова: *«Я ненавижу советскую власть. Более того, я мало что в жизни ненавижу так, как советскую власть. И особенно её позднюю стадию. В моей жизни ничего омерзительнее, чем поздняя советская власть, не случилось».*

Это подлинная тирада главного разрушителя советского наследия Чубайса. Происшедшая под его руководством так называемая приватизация государственного имущества у русского народа ничего, кроме приступа праведного гнева, не вызывает. Ведь это было самое откровенное, наглое и циничное разграбление общественного достояния. А такие его же слова о великом русском писателе-страдальце за русский народ, совести России: *«Я перечитал Достоевского, и я испытываю почти физическую ненависть к этому человеку. Он, безусловно, гений, но его представление о русских, как об избранном, святом народе, его культ страдания, и тот ложный выбор, который он предлагает, вызывает желание разорвать его на куски».*

Или ещё более откровенное высказывание, адресованное своему преемнику на посту председателя Комитета по управлению государственным имуществом Владимиру

Полеванову, которого он собственными же руками через два месяца работы буквально вышвырнул со своего поста: *«Что вы волнуетесь за этих людей? Ну, вымрет тридцать миллионов. Они не вписались в рынок. Не думайте об этом – новые вырастут».* Полеванов - это тот министр, который пытался пройти ещё по неостывшим следам деструктивной, преступной деятельности своего предшественника, чтобы исправить положение. Но ему, как видим, не дали даже как следует изучить всё то, что натворил Чубайс и его проамерикански настроенная команда. Эти люди, уже не таясь и не страшась праведного гнева народа, в 90-х годах уходящего XX столетия растащили страну по кусочкам, раздербанили всю промышленность, экономику, разворовали финансы и другие ценности, которые в большей части оказались вывезены за пределы нашей страны. Об этом сегодня можно прочитать массу литературы, научных и публицистических исследований, хороших и достойных уважения и доверия монографий. В этих мемуарах я адресую читателей хотя бы к таким работам: Борис Миронов. Итоги приватизации (<http://www.dazzle.ru/antifaschism/pur-12.shtml>); Михаил Вилькобрисский. Как делили Россию. История приватизации. СПб. «Питер». 2012. 190 с.; Валерий Стрелецкий. Мракобесие. М. «Детектив-Пресс». 1998. 304 с.; Виктор Илюхин. Война за Россию. Быть хорошим президентом. М. «Алгоритм». 2013. 238 с.; Алексей Кунгуров. Будет ли в России революция. М. «Алгоритм». 2012. 496 с. Страшные вещи описываются в этих книгах, невиданные в истории человечества предательство, авантюры, заговоры против своей страны.

Вот что рассказывал упомянутый выше Владимир Полеванов о результатах чубайсовской приватизации: *«Подняв документы, я с ужасом обнаружил, что целый ряд крупнейших предприятий военно-промышленного комплекса был скуплен иностранцами за бесценок. То есть заводы и КБ, выпускавшие совершенно новую продукцию, вышли из-под нашего контроля. Тот же Джонатан Хэй с помощью Чубайса купил 30% акций Московского электронного завода и действовавшего с ним в кооперации НИИ «Графит» - единственного в стране разработчика графитового покрытия для самолётов-невидимок типа «Стелз». После этого Хэй заблокировал заказ военно-космических сил на производство высоких технологий...»* (См. http://ru.wikipedia.org/wiki/Полеванов,_Владимир_Павлович).

А вот – мнение известного российского экономиста, директора Института проблем глобализации Михаила Делягина: «Последствия либеральных реформ, этой квинтэссенции длящегося вот уже более четверти века национального предательства, делают их тяжчайшим преступлением против нашей страны и народа со времён гитлеровского нашествия. Их стержень – кровавая приватизация: массовый захват общественной собственности и её концентрация у «нужных» людей разрушили правовое сознание общества, превратили закон в издевательство и породили бандитский беспредел. На каждом российском кладбище – поля могил, в которых лежит молодёжь, выкошенная мечтой о вседозволенности и сладкой жизни. Россия не забыла приватизационной вакхана-

лии и не смирится с её последствиями; недаром перед выборами 2012 года Путин, встав перед необходимостью получить реальную поддержку народа, признал несправедливость приватизации и необходимость исправления её итогов. Приватизация принесла состояния своим организаторам, но главное – обеспечила их мощной социальной базой: фарцовщики пошли спекулировать заводами и, поднявшись на разрушении их львиной части, стали «оффшорной аристократией». Социальная цена этого была чудовищной: дезорганизованная страна окунулась в ад безысходности и нищеты. Ставшая символом либерального ханжества фраза «у вас ничего не отняли – у вас ничего не было» была наглой ложью тройне: реформаторы отняли у страны уровень и качество жизни (в целом не достигнутые и сейчас), отняли принадлежащую всему народу собственность, отняли прочно забытые ныне «общественные фонды потребления». Через последние прибыль успешных госпредприятий направлялась на финансирование мощного социального сектора, производившего главную производительную силу страны – культурного и компетентного человека...» (См. Михаил Делягин. Украденная Россия. Её придётся либо вернуть, либо окончательно потерять. «Московский комсомолец», 9 июля 2014 г. с. 3)

В проведённой приватизации можно усмотреть самый главный результат реализации той теории заговора, который существовал в реальности и который начинался из хрущёвской либеральной оттепели и дальше продолжил своё разрушительное течение во все последующие времена. А в андроповский период вышел на финишную прямую, где эстафету приняла молодая поросль буржуазных реформаторов и не скрываемых агентов американского капитала. К сожалению, «колонна» идеологов и реализаторов идеологических планов Ельцина-Гайдара-Чубайса состояла не только из «пятой колонны». Она состояла из множества советских граждан, отравленных ложными установками и ориентирами, взоры которых усиленно направлялись в сторону западной и американской цивилизации, либеральной цинично-дублёночной праздной жизни и сверхпотребительской морали и нравственности. Этим идеологическим и мировоззренческим, если хотите, наркотиком было одурманено почти всё население страны, безоговорочно принявшее идеологию приватизаторов – разрушение российского государства, которое русский народ создавал веками.

Одурманенный народ всё-таки свою дозу получил. Этой дозой во всеобщем разграблении страны стал ваучер. Цинизм Чубайса по отношению к русскому народу проявился даже в этом названии. Ведь словом «ваучер» в США обозначается талон на еду для малоимущих граждан, для нищих. Нате, дескать, получите своё, пьяное русское отребье. Ничего другого вы не заслужили. Вот и всё, чем закончился этот беспримерный государственный переворот, в котором приняло участие почти всё население России. Кучка олигархов и богатейших американских компаний, которые за счёт России стали ещё богаче - с одной стороны, и нищий обманутый народ – с другой. Недаром, Альфред Кох - один из самых циничных и самых бли-

жайших сподвижников Чубайса на вопрос журналистов, «Чем вы сейчас занимаетесь?», не мигая глазом, ответил: «Родину продаём!!!». Вот тут он не соврал ни на йоту. Но никому до его правды уже не было никакого дела.

Как считает Михаил Делягин, «Приватизация (по Коху – распродажа Родины) направлялась в неправовое русло сознательно: реформаторы делали новых хозяев заложниками, так как любая другая власть отменила бы итоги приватизации как незаконные. Сетуня теперь на «правовой нигилизм», либералы тактично умалчивают, что породили они его сами. Приватизация разорвала живой общественный организм на ограбленных и ограбивших, если и не сознающих, то ощущающих себя таковыми. И сейчас даже для большинства студентов вузов первая ассоциация со словом «предприниматель» - слово «вор»; это генетическая память, переданная через поколения». (Источник тот же).

Говоря о таком вселенском шабаше и невероятной в цивилизованном обществе политической авантюре, следует отметить не просто негативную, а исключительно деструктивную роль советской экономической, политологической и юридической наук, хвалёной советской политической школы, не давшей людям правильных оценок, рекомендаций нашего движения вперёд, не сформировавшей чёткой мировоззренческой линии, а отупляюще воздействующей на общественное сознание догматикой, пустотой, начётничеством, демагогическими призывами и безжизненными идеями. Сюда же надо добавить незримую, но систематически ведущуюся идеологическую, морально-нравственную, этическую и культурную обработку практически всех граждан СССР. Особенно питательной средой для этих самых идеологов и «пятой колонны» стала разложившаяся часть правящей верхушки, чиновничество, советская элита, которая не имела никаких национальных корней, которая признавала лишь власть и всяческие привилегии, что с ней, властью, были связаны.

Между тем, в тех странах, где не следовали дурацким догмам, подобным тем, которые придумывали советские партийные вожди-экономисты и политологи, там социализм, как стратегическая линия достижения блага народа, как высшая цель государственного и общественного устройства, давным-давно построен. И люди в этих странах спокойно живут, работают, отдыхают, мирно сосуществуют с рыночной экономикой, собственниками, даже с капиталистами. Ныне всем известны такие термины, как «скандинавский социализм», «шведский социализм», «датский социализм» и т.д. В этих словах заключена не только формальная терминологическая суть, а истинное содержание социалистической идеи. В этих социалистических странах с рыночной экономикой правящий класс -- наиболее массовый по численному составу и по совокупному богатству в виде частной собственности.

Этим классом является средний класс. Этот класс не позволяет небольшой группе сверхбогачей, криминалу, коррупционерам и даже обычным чиновникам определять направление экономического развития, влиять на политику, на законодательную власть, на правоохрани-

тельные органы, на судебную систему. А вот в Советском Союзе концептуальными ошибками социалистического строительства воспользовался его наиболее передовой и образованный класс: партийные и советские чиновники, генералитет и маршалитет Вооруженных Сил, лица, имеющие отношение к распределению благ, торговые и складские работники, финансисты, интенданты, плановики, «красные директора». Я уже писал в ряде своих статей, что между ними произошел тайный сговор в форме так называемых конклюдентных действий на использование в своих шкурных интересах пороков политической экономии социализма. Для этого сговора не обязательно было собираться на нелегальных квартирах, как это делали белогвардейские офицеры в большевистском лагере. Или троцкисты. Или иные заговорщики, шпионы, вредители времён строительства социализма в СССР.

Это они сами придумали определение заговора, которое отобразили в уголовном праве. И за такой заговор стали сажать в тюрьму всякую мелочь. То есть нарисовали врага и стали бороться с нарисованным ими противником. Получилась борьба с призраками. На самом же деле форм заговоров множество. Есть открытые формы, есть скрытые, есть молчаливые, есть с применением площадного «ора», есть вялотекущие, а есть революционно пламенные и т.д., и т.п. Заговор, который осуществился в России, был совершенно иным, нежели нарисованным умниками уголовно-правовой школы или советского государственного права.

Обратимся к определению. Согласно электронной энциклопедии «Википедия», *«Теория заговора – подразделение конспирологии, наиболее широко отражённое в произведениях искусства и в СМИ. Сущность явления – вера в то, что существует один или несколько тщательно скрываемых заговоров «сильных мира сего»: президентов, высокопоставленных сотрудников спецслужб, богачей, глав международных организаций, религиозных иерархов, членов тайных обществ, и так далее. Обычно целью этого заговора указывается оболванивание и порабощение человечества (или, по меньшей мере, стремление участников заговора к неограниченной власти). Конспирология (от англ. conspiracy – секретность, заговор) – система взглядов, течение в истории и политологии, объясняющее те или иные события как следствие заговоров тайных сил (например, тайных обществ, спецслужб, инопланетян, оккультных явлений и пр.). Начальной аксиомой конспирологии является идея о существовании тайного общества, члены которого стремятся подчинить себе весь мир и создать совершенно новый порядок, в котором они будут занимать ключевые позиции и безраздельно властвовать...».*

А теперь перейдём от теории к её практическому воплощению в СССР.

В заговоре советской элиты против русского народа использовалось множество форм, множество вариаций, множество приёмов с множественностью лиц. И такой заговор, согласно советскому законодательству, не считался ни государственным, ни уголовным, ни воинским преступлением. Он даже не подлежал моральному осу-

ждению. Вот как продумали, сволочи! И это случилось не в 1991 году, и даже не в 80-х годах брежневского застоя. Начало антисоветского заговора идёт ещё от времён Хрущёва. Культивирование низменных страстей, накопительство, стяжательство, взяточничество, казнокрадство, подкуп в иных формах государственных или местных чиновников, опора на криминал, мафию, теневую экономику и власть, всяческое поощрение этих пороков, оставление безнаказанными засветившихся должностных лиц, взаимоподдержка чиновничества, круговая порука, поощрение на государственном уровне незаконных привилегий (закрытых магазинных секций, госдач, персонального авто - и авиатранспорта, распространение блата среди «своих», протекционизм и прочее, и прочее, и прочее) - всё это скрытые формы заговора, впоследствии явившиеся нравственной основой коррупции, разложившей до основания государственные устои и социальный фундамент страны.

В этот заговор постепенно втягивалось всё больше и больше участников из числа элитарного сообщества: министры, генералы, маршалы, политические работники, командиры и начальники различных уровней и степеней. Пока, наконец, в него не оказалась втянутой вся интеллигенция, а затем и весь народ. По мере увеличения численности участников и по мере усиления их экономической мощи за счет прирастания теневых капиталов постепенно силы советской империи всё больше и больше таяли. А сила её заключалась в общенародной собственности, в нахождении средств производства у государства, в государственной принадлежности богатейших природных ресурсов, запасов полезных ископаемых, других овеществлённых носителей материальной базы. Сила советского государства заключалась также в обеспечивающем сохранность материальной базы законодательстве, праве, конституции. И, наконец, сила советского государства состояла в научно обоснованных перспективах жизненного устройства общества – в социалистических идеях и ориентирах на социальное благополучие народа, от которого в будущем предполагалось перейти к благополучию всех членов этого народа, то есть к созданию массового и зажиточного среднего класса. В эти реальные, а не иллюзорные идеи народ верил, и его вера тоже была силой советского государства. Но наличие такого класса обеспеченных, благополучных и довольных жизнью людей предполагало конец власти партийных, советских, торговых, тыловых и всяких прочих крыс, теневиков, расплотившегося жулья и махровых стяжателей. Вот в этой сфере человеческого общежития и происходила подлинная и настоящая, видимая и невидимая миру борьба. На стороне народа находилось право и закон, которые, конечно, требовали совершенствования, изменений, но не полного слома государственных устоев подчистую, как это произошло в 1991 году, а замены только сгнивших его опор в виде разложившегося чиновничества, коррумпированной власти и созданной ею деструктивной экономики и политических надстроек. На стороне советских людей находились также фундаментальная материально-техническая база, идеи, правоохранительные органы, заряженные этими идеями, законом.

И право как искусство добра и справедливости. На стороне народа была поддержка прогрессивной внутренней и мировой общественности. Советскому Союзу ведь рукоплескал весь прогрессивный мир, всё прогрессивное человечество. На стороне же элитарных заговорщиков были извращения социалистического строительства, которые они сами же и придумывали, им вторила разложившаяся часть низовой элиты, абсолютно тупые и нечестные правители, незаконные привилегии и всё увеличивающиеся и увеличивающиеся в размерах по этой причине теневые капиталы. По мере роста криминальных состояний и подпольных капиталов элита подкупам и коррупционными связями втягивала в свою орбиту всё большее и большее число простого народа, одновременно всё шире и шире создавая хаос в управлении государством и экономикой, дезорганизацию производства, массовые хищения, почву для приписок, очковтирательства, безнравственных и аморальных поступков. Всё это происходило в недрах советской системы, в мою бытность прокурором, а впоследствии народным контролёром и, наконец, главным инспектором Контрольной палаты СССР.

Не важно, сколько украл, например, генерал Иванов, Петров или тот же Чурбанов, не так важно, что сделал родственник какого-нибудь главкома ГСВГ или министра Щёлокова, не имеет совершенно никакого значения сумма заработанных солдатами денег и спрятанных начальником тыла и руководством, например, 8-ой армии на собственном счете в немецком банке, которыми в своё время я занимался во время службы в Германии, не важно, как эти и другие нарушения, вскрываемые нами, прокурорами Группы войск, соотносятся с теми нарушениями, которые захлестнут Россию через десять-двадцать лет. Нравственная и моральная оценка этих нарушений такова, что они подтачивали не по дням, а по часам могущество советского государства. Эти нарушения в реальности ежечасно и ежеминутно подрывали веру советских людей в светлое будущее, а вместе с ней разрушали государство изнутри, создавая всё больше и больше условий для торжества теневой экономики, преступных кланов, в конечном итоге, формируя первоначальные накопления для совершения решительного рывка и осуществления буржуазно-криминального контрреволюционного переворота в стране. А чтобы этот метод по разрушению государства действовал безотказно, надо было сделать так, чтобы тот, кто его применял в практической деятельности, оставался безнаказанным.

В этом плане немаловажное замечание имел и имеет ныне принцип единоначалия. Единоначалие – это не только метод управления массами и сильнейший политический аргумент в споре (война-это продолжение политики...- Клаузевиц), как это изложено в общепринятой трактовке данного термина. Единоначалие – это, как ни парадоксально такой вывод прозвучит, ещё и тайный сигнал одного начальника другому о том, что надо или расправить крылья и согнуть врага в три погибели или, наоборот, «сложить крылышки» и власть и силу не применять, там, где их применение обязательно и вызвано оперативной обстановкой. Такое определение, на мой взгляд, должно существенно дополнить исповедуемую мною теорию заговора и конспирологии. Как мы знаем, никто,

никогда не обвинял непосредственно И.В.Сталина в тех репрессиях, которые творились в период его правления. Эти репрессии, в том числе и беззаконие в уголовно-правовой политике мирного времени, творились то Ягодой, то Ежовым, то Берией, то их верными сподручными чекистами на местах. Но ведь сами эти «творцы» не могли замутичь воду до такой степени, что страна содрогнулась. Им был подан тайный сигнал на усиление классово-борьбы самым главным единоначальником. А теоретическое обоснование этому «тезису» было сделано уже юридической наукой во главе с профессором и академиком Вышинским А.Я. Также подаются сигналы и обратного порядка: спускать всё на тормозах.

Никто не задумывался, например, почему последний Верховный главнокомандующий Вооружёнными Силами СССР Горбачёв, он же президент огромной страны, занимавшей 1/6 части земной суши, позволил, чтобы одна из 16 республик Союза, провозгласив в 1990 году независимость, стала вдруг распоряжаться общесоюзным имуществом на своей территории, как своим собственным? Почему государственная власть огромной империи позволила не подчиняться союзным законам и директивам, приказам и распоряжениям верховной союзной власти? Почему ещё в 1990 году, то есть задолго до государственного путча, до законов о приватизации, да даже задолго до декабря 1991 года, то есть до окончательного развала СССР в России безнаказанно начали действовать мафиозные кланы, организованные преступные группировки, финансовые пирамиды, и прочая преступная шушера? А коррупцию вообще лелеяли и холили, как самое любимое дитя семьи. Никто не задумывался над этим? Почему до официального распада СССР, республиканская власть Ельцина и иже с ним уже отказалась повиноваться власти союзной, а союзная власть – единоначальник – «сложила крылышки» и замолкла, как в insultном ступоре, вместо того, чтобы применить к коллаборационистам соответствующие меры. И союзный закон и правоохранительные органы на этот счёт ещё были сильны и дееспособны и вполне могли свернуть шею не только основному закопёрщику, но и всем, кто его поддерживал. Никто не задумывался, почему так произошло? И ведь, помимо Верховного, не сработали и все другие механизмы единоначалия (те же правоохранительные органы, прокуратура, суд), хотя в рамках своих функциональных обязанностей, предписанных им советской Конституцией, законами, они были вполне самостоятельны, чтобы немедленно пресечь преступные действия «банды Ельцина», сломать её хребет.

Ответ на поверхности. Сработало единоначалие (!!!) Если вышестоящий начальник не принимает мер к правонарушителям, то не принимают таковых и нижестоящие начальники к своим подчинённым, совершающим подобные правонарушения. Если охарактеризовать такую ситуацию несколькими словами, то следует заметить, что действует не закон, а действует «сигнал». «Мы живём в мире сигналов», ссылаясь на Конфуция, сказал Андрей Девятков – один из организаторов Школы здравого смысла при КТ ВИИЯ КА. Своеобразная сигнальная система чиновничества – тайный маяк среди административно-политических рифов. Я эту «сигнальную систему» открыл

ещё на прокурорской работе в ГСВГ, когда постоянно убеждался в том, что, несмотря ни на какие серьёзнейшие нарушения законов в деятельности того или иного высокопоставленного лица, несмотря на строгие прокурорские представления и протесты в отношении этого лица, посылаемые вышестоящему начальству, виновное всё равно оставалось в своей тарелке, его повышали в должности, он получал полковничьи и генеральские погоны, продолжая нарушать закон и наплевательски относиться к советской морали и нравственности.

Из сделанной трактовки следует, что система элитарного единоначалия в нашей стране подавала нужный сигнал на места ещё задолго до Горбачёва: не трогать государственных и политических коррупционеров, крупных воров, жуликов, мошенников, спекулянтов, лиц, паразитирующих на общественном благе и терпении нашего народа, и готовить экономическую базу с общественным мнением к изменению социально-политического строя, где в качестве основной движущей силы нового строя и предполагались эти самые коррупционеры, воров, жулики, мошенники и другая паразитическая поросль. Горбачёв же, хоть и верховный главнокомандующий, но в элитарной системе глобального единоначалия он всего-навсего лишь маленькая сошка, винтик отлажено работающего разрушительного механизма. А что может сделать винтик? Ничего! Даже, если он попадёт в зубчатку механизма, его просто эта зубчатка перемелет...

Вот на такой пустополюй «винтик» и выпала историческая участь завершить этот катастрофический для нашей страны процесс, потому что, будучи бездарным политиком, безвольным и продажным человеком, он предназначенной для него международным капиталом миссии развала своей собственной страны противиться не смог. Побоялся, что его перемелют? Но ведь бывают и такие винтики, о которые ломаются зубчатки. А все остальные органы государственной власти? Они исповедовали единоначалие или демократический централизм (кому как удобнее, что одно и то же) и тупо следовали, как бараны на бойню, за трусливым (или продажным) лидером. Несмотря на свою, данную им законом, самостоятельность в решении задач пресечения преступлений против государства и общества, в силу действия «сигнальной системы» оповещения элиты мировым капиталом, они взяли «под козырёк». Свои функции и законы СССР проигнорировали и тем самым вместе с Верховным главнокомандующим позорно сдали свою страну без какого-либо сражения и даже без малейшего сопротивления. Как сдали её великие полководцы, вмиг превратившиеся из героев минувших боёв в маршалов поражения. Конечно же, сдали не без собственной выгоды, в чём я имел возможность убедиться, уже работая в народном контроле и Контрольной палате СССР. Сдали страну с потрохами! Позорники!

Вот так, исподволь готовилась передача власти самым отъявленным, самым циничным, самым кровожадным, самым прожорливым особям появившейся в недрах советского государства новой русской, а затем и международной транснациональной буржуазии. А уже ей, как говорится, и бог велел творить свои чёрные и мерзкие дела по беспощадному разграблению страны,

притом при активном благословении церкви, а точнее отдельных одиозных её представителей. Благодаря им разрушался не только материально-технический базис, разрушалась духовная структура советского общества, его мировоззренческий потенциал, полностью разрушена идеология народа. На поверхность из недр самого общества всё открытее и открытее, со временем не таясь и не прячась в закоулках подсобок и советских законов, выдвигалась новая общность — те, кто стали чуть позже именоваться современной буржуазией и феодалами-латифундистами, правительственными чиновниками и командами российских президентов.

Это были различных мастей пройдохи, приспособленцы, карьеристы, взяточники-коррупционеры, чиновники-жулики, мошенники всех сортов и оттенков, спекулянты, воров, фарцовщики, воротилы подпольного бизнеса и криминальных общаков. Одновременно с этим вытеснялись из общественного бытия люди наивные, честные, доверчивые, убеждённые, трудолюбивые и знающие своё мастерство, дело. На место мастеровых и деловых тружеников приходила спекулятивная буржуазия и коррупционное чиновничество. Нередко они были в одном лице. Об этой по своей природе абсолютно антирусской, антинародной, антигуманитарной и преступной шайке ныне можно прочесть в получивших большую читательскую поддержку многочисленных книгах политиков, писателей и журналистов постельцинской эпохи, которые использовались и мною при изучении новейшей истории нашей страны. Назову хотя бы некоторые из них.

Это: Валерий Стрелецкий «Мракобесие»; Юрий Козенков «Схватка за власть»; Александр Хинштейн «Какого цвета страх»; его же книга «Как убивают Россию»; Михаил Полторанин «Власть в тротиловом эквиваленте»; Сергей Глазьев «Геноцид»; Александр Коржаков «Борис Ельцин: от рассвета до заката»; Олег Попцов «Тревожные сны царской свиты»; его же книга «Хроника времён «царя Бориса»; Александр Максимов «Бандиты в белых воротничках. (Как разворовывали Россию)»; Николай Леонов «Крёстный путь России»; Иван Иванов «Анафема. Хроника государственного переворота»; Сергей Семанов «Россия без русских»; Джульетто Кьеза «Прощай, Россия!»; Владимир Соловьёв, Елена Клепикова «Заговорщики в Кремле»; Виктор Пранов «Закон выживания подлейших»; Андрей Раев «Проклятие России»; В.Лисичкин, Л.Шелепин «Россия под властью плутократии»; Владимир Максимов «Растление великой империи»; А.Челноков «Чёрный список олигархов. Разоблачение крупнейших состояний России»; Максим Калашников «Сломанный меч империи»; Владимир Кучеренко «Низшая раса»; Татьяна Грачёва «Когда власть не от бога»; Лев Сиринов «1991. Измена Родине. Кремль против СССР»; А.Шевякин Разгром советской державы. От «оттепели» до «перестройки»; А.Челноков «Газпрём. Как Россия «вылетает в трубу»; Сергей Кремлёв «Против Кремля. Берии на вас нет!», «Берия. Лучший менеджер XX века»; Александр Проханов, Сергей Кугушев «Технологии пятой империи»; Владимир Большаков «Сердюков и женский батальон. Куда смотрит Путин?»; Юрий Мухин «Несвобода слова» и практически любая

другая его книга, проникнутая высоким духом патриотизма, переживаний за нашу Родину, честными и прямыми оценками случившегося.

Назову и книги серьёзных теоретиков современной эпохи, в которых также отражена её трагедия, связанная с беспримерным предательством интересов страны и наших людей, совершённым советской партийной и государственной элитой. Это серия книг под общим названием «Терновый венец России» Олега Платонова; «Россия. Погружение в бездну» Игоря Фроянова; «Тайна управления человечеством» в 2-х томах Константина Петрова; «Обманутое человечество» в 2-х томах А. Дмитриева; трилогия «Полураспад СССР», «Иллюзия величия» и «Бессилие власти» Имрана Хасбулатова; а также книги современных русских философов, писателей, политологов, экономистов Александра Панарина, Игоря Шафаревича, Юрия Полякова, Вадима Кожинова, Владимира Бондаренко, Петра Ткаченко, Сергея Кара-Мурзы, Юрия Шушкевича, Михаила Веллера, Владимира Соловьёва, Татьяны Воеводиной, Михаила Делягина, Сергея Кургиняна, Максима Шевченко, Владимира Большакова, Михаила Зыгаря и ряда других авторов.

В книгах этих мыслителей, публицистов и честных летописцев современной эпохи названы все действующие лица и исполнители, сдавшие нашу страну на поругание вернувшимся в Россию капитализму и феодализму. Но и эти предатели действовали не исключительно в собственных интересах накопительства, создания для себя условий праздного буржуазного образа жизни. Конечно, и такие интересы присутствовали. Олигархи и долларовые миллионеры пошли от них. Но сверхзадачей

было все же не создание личных империй жуликоватого советского элитарно-мафиозного класса. Сверхзадачей было разрушение само по себе великой мировой империи - СССР, который неуклонно шёл к абсолютному мировому лидерству. Уничтожить советскую империю можно было только одним – мощным ударом по государственной общенародной собственности на средства производства и заменой класса собственников. И эту сверхзадачу упомянутая выше кучка циничных предателей и изменников Родины выполнила.

Она, как и утверждал Альфред Кох, распродала Родину, разрушила страну, растащила её богатейшую собственность, которая в конце концов на 70% оказалась во власти США, зарубежных компаний и офшоров. Что и требовалось доказать. Не даром же коридоры власти в то время буквально кишмя кишели американскими советниками и консультантами, а у самого Чубайса и его приближённых их было порядка двадцати человек. Да и вообще Кремль того времени представлял собой чуть ли не филиал зданий американского Белого дома и Капитолия. А помогли этой кучке совершить такую грандиозную в истории человечества авантюру и заговор элиты отрицательные персонажи из настоящего моего повествования: все те нечестные на руку чиновники, разложившиеся генералы и гражданские партийцы, коррумпированные красные директора, продавшиеся маршалы поражения и многие-многие другие падкие на дармовые и бесплатные льготы и привилегии, которыми в течение десятилетий, следуя мудрым заветам Алена Даллеса, затаившиеся троцкисты и другие враги нашей страны разлагали их моральный дух и нравственные устои.

Русские судебные процессы СУД ПРИСЯЖНЫХ. ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА И СЕКРЕТЫ УСПЕШНОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ В ПРЕНИЯХ

М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2015. – 350 с.

Рецензенты:

Мацкевич И.М. – заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, первый проректор-проректор по научной работе Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина;

Зайцев О.А. – заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе Московской академии экономики и права;

Григорьев В.Н. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой Московского психолого-социального университета

Настоящее издание посвящено исследованию уголовно-процессуальных проблем, связанных с доказыванием в суде присяжных, и подробно рассматривает правовые, психологические. Бытовые аспекты этой новой для наших соотечественников юридической институции. Исключительное значение книге придаёт то обстоятельство, что её автор – адвокат, кандидат юридических наук – рассматривает сложные вопросы судебной практики, исходя из собственного опыта участия в подобных процессах, а также на основе длительной работы в популярной программе НТВ «Суд присяжных».

Информация предназначена для научных и практических работников, адвокатов, преподавателей и студентов юридических вузов и самого широкого круга читателей

А.Б. Кавецкий – руководитель АК “Статус” АПМО, к.ю.н.

Сила Закона или Закон силы?

*И горе, горе племенам,
Где дремлет он неосторожно,
Где иль народу, иль царям
Законом властвовать возможно!”
1817 год, А.С.Пушкин*

Написал название этой статьи и задумался – а имеет ли смысл тратить время на изложение проблем – пусть даже, на наш взгляд, острых, если те, от кого зависит решение этих самых проблем, не считают нужным не только учитывать в какой-то форме высказываемые специалистами (даже самыми авторитетными учеными, экспертами, практиками) мнения, предложения, но даже вступить в дискуссию по обсуждаемым темам.

Приведу только два примера.

В 2015 году прошли выборы губернаторов, у которых либо истек срок полномочий, либо которые сами досрочно (!) сложили их с себя; в предыдущие годы проходили выборы в Государственную Думу, выборы Президента РФ. В ходе выборов кандидаты высказывали массу критики, предложений по поводу действующих законов, практики их применения. Возможно, я ошибаюсь, но у меня в памяти не сохранились дискуссии в федеральном медиапространстве с участием действующих губернаторов, Председателя Правительства, Президента РФ.

Второй пример. 13 марта 2015 года “Российская газета” напечатала письмо (“Суд идет. Сам”) именитых юристов (эксперты высочайшего класса М.Федотов, С.Паршин, М.Барщевский и др.), которые предложили десять радикальных перемен для гарантии независимости судей. Ну и что? Кто-нибудь из тех, от кого зависит принятие либо непринятие этих предложений откликнулся на эту публикацию? Более того, в опубликованной в сентябре 2015 года программной статье Председателя правительства Д.Медведева в разделе о преобразовании судебной системы она даже не упоминается.

И всё же решил – надо. Иначе зачем учился в ВУЗе, защищал диссертацию, посвятил юриспруденции, в том числе государственной службе, адвокатуре не один десяток лет своей жизни.

Итак, предметом этой статьи являются размышления юриста-практика в поисках ответа на вопрос: Какова роль права в жизни современной России?

Возьму на себя смелость заявить: право, закон не выполняют своего предназначения как костного остова политической и экономической системы, главного регулятора общественных отношений. Хотел написать слово “сегодня” и опять задумался – а можно ли указать в истории России и СССР такой период, когда право и закон играли такую роль?..

Снежный ком нарастающих перед страной проблем нарастил свою массу еще одной – **сохранение правопорядка** (в широком смысле этого термина). Из разряда включенных в повестку дня проводимых государствен-

ных реформ (МВД, прокуратуры, следствия, судопроизводства, etc.) она стремительно трансформируется в ряд экстремально значащих. Почему? Вот мои доводы.

Для начала – один абзац общих рассуждений.

Вспомните конструкцию Эйфелевой башни в Париже. Она опирается на четыре “ноги”. Так же и конструкция правопорядка в государстве. По моему мнению, эти “ноги” –

- закон (как правовая норма);
- законодательная деятельность (практика принятия законов и подзаконных актов);
- правоприменение (применение, прежде всего, “деликтных;” кодексов, судопроизводство);
- объект правоприменения (попросту говоря – наш народ – предприниматели, должностные лица, просто граждане).

Устойчивость такой системы обеспечивается, во-первых, прочностью каждого из этих столпов, и, во-вторых, их равным “развитием”. Приоритетное внимание и “забота” государства только об одной из перечисленных составляющих правопорядка и игнорирование, недооценка других – бессмысленно, ибо приведет к перекоосу и низвержению всей конструкции. Отсюда первый и самый очевидный вывод – быстрых и дешевых решений проблемы укрепления правопорядка просто нет. Нужен очень длительный период времени движения по заданному вектору. (Уместно вспомнить: “natura non facit saltus” – “природа не делает скачков”). С другой стороны – каждый из этих столпов-опор живут достаточно самостоятельной “жизнью” – нечто вроде нескольких альпинистов, находящихся в одной связке.

Теперь попытаемся оценить – с точки зрения сказанного – несколько событий (в том числе резонансных происшествий) последних 2-3-х лет в интересующей нас сфере. Возьмем на выбор:

- процесс “Оборонсервиса”;
- выборы в региональные органы государственной власти и местного самоуправления 2015 года;
- дело А.Горшколепова;
- дело работников Министерства сельского хозяйства;
- разборка двух групп боевиков по поводу корейского кафе Elements рядом с Домом правительства в Москве (декабрь 2015 года);
- включение Крыма и Севастополя в качестве субъектов федерации в состав РФ;
- дело “красногорского стрелка” Георгадзе (ноябрь 2015 г.);

Этот перечень взят на мой собственный “вкус”. Список можно легко изменить – это не более чем просто иллюстрации. События, понимаю, разномасштабные, употреблю более подходящее слово – разнокалиберные.

Что обращает на себя внимание? Первое. Юридическая элита страны (в том числе и прежде всего юри-

сты – теоретики) либо очень косвенно, завуалировано откликнулась на них, либо не заметила вовсе. (Как пел В.Высоцкий в песне о капитане Куке – “молчит наука”!)

Юридическая элита, эксперты высочайшего класса от молчалась. Хотя, я возможно, пропустил публикации (например, в специальных журналах), тогда с удовольствием извинюсь.

Подчеркну еще раз – именно специалисты, способные обосновать свои доводы теоретически осмысленно, подтверждая их социологическими исследованиями, статистической, с анализом прецедентов и разбирая доводы оппонентов, etc.. Я не беру во внимание крикливых телевизионных “экспертов”-шоуменов, которые безапелляционно высказываются по сложнейшим проблемам теории права и правоприменения, не имея ни единой публикации по предмету дискуссии. У которых фундаментальные знания заменены готовностью по свистку наброситься на любую тему, демонстрируя преданность власти, а не истине.

Исключение составляют (еще раз повторюсь – возможно, я ошибаюсь) председатель Конституционного суда В.Зорькин (например, публикации в “Российской газете”) и представитель Правительства в высших судах М.Барщевский (в частности, на радио “Эхо Москвы”). В этот мой короткий список должен быть внесен и бывший мэр Москвы Ю.Лужков. (помните, с какой энергией, аргументировано – не будучи юристом! – он публично отстаивал юридическую обоснованность своей позиции по Крыму и Севастополю с точки зрения международного права и внутреннего законодательства)

Во-вторых. Нежелание уполномоченных органов по-настоящему разобраться в корнях, причинах, истинных мотивах тех событий, которые выплескиваются в медиaproстранство, возмущая обывателей. Поиски заказчиков преступлений или выделяются в отдельное производство, или деяние (преступление) вообще не признается совершенной организованной группой.

При этом все прекрасно понимают, что если не пытаться разрушить порочные механизмы, порождающие на свет божий факты преступного, противоправного поведения, бессмысленно тратить огромные силы на то, чтобы раз за разом отсекают головы ужасной Лернейской гидры, у которой вместо одной отрубленной головы вырастают три новых! Но найдется ли современный Геракл, который рискнет поразить тело гидры, а не бороться с её головами?

Кто ни будь верит, что рядом с руководителем министерства, региона на протяжении многих лет действует матерый мошенник, расхищая миллионы и миллиарды, а его руководитель, и сам непростой человек, и на службе которого, как правило, собственная служба безопасности, региональные службы ФСБ, МВД, налоговые инспекции и т.д., этого не замечает? Посмотрите, что показывают социологические опросы – большинство не верит. А если даже руководитель “проглядел”, почему не применяется к нему специально для этого предназначенная ст. 293 Уголовного Кодекса РФ – “халатность”? Почему бы публично не разъяснить, по какой причине

тот или иной руководитель освобожден от ответственности за утрату гигантских сумм бюджетных денег во вверенном ему ведомстве, регионе, почему не применен Закон? Почему не использована его сила для предупреждения назначения таких “близоруких” людей на должности, где нужно обладать орлиным зрением? Не имеем ли мы в этом случае дело с еще большей силой, чем сила Закона? Повторяю: я не обвиняю правоприменителей за ненаказание конкретного руководителя (во-первых, я не читал материалов дела, и, во-вторых, решения суда основаны на оценочных суждениях следователя, судьи, которые формируются на основе внутреннего убеждения). Я считаю – в таких случаях сила закона кем-то искусственно ограничивается. И в то же время в СМИ мы найдем немало примеров, когда следствие докапывается до самых мелочей, расследует эпизоды, по которым даже истекли сроки давности, и добивается обвинительных приговоров, например, за “кражу” с забора картины никому не известного художника. Пришло время говорить и требовать не только неотвратимости наказания, но и его неизбирательности!

Обратите внимание на второй аспект этой проблемы – на опубликованные в СМИ биографии лиц – крупных чиновников, привлекаемых к уголовной ответственности. Из числа вышеупомянутых – А.Горшколепова, Е.Васильева, (этот список можно дополнить, например, бывшим председателем ВАКа Ф.Шамхаловым). Как замечательно быстро они продвигались по ступенькам служебной лестницы! Но кто-то их “двигал”. И не просто лоббировал, а подписывал (т.е. реализовывал свои должностные полномочия) представления, визировал приказы и даже указы о назначении! Что мы знаем о привлечении их к ответственности? Да ничего.

Например, как стало возможным, чтобы 27-летний молодой человек – Д.Плешаков, с должности заведующего канцелярией суда, ни одного дня не работавший судьей, был назначен на должность председателя Арбитражного суда Московской области? Да, говорят, что он был близок к председателю ВАСа А.Иванову. Бог ему судья. Но кто, кроме А.Иванова, давал “зеленый свет” материалам представления на должность, кто проводил необходимые в таких случаях собеседования? Д.Плешаков, по материалам СМИ, лишен статуса судьи. Но разрушен ли “силовой” механизм “продавливания” людей с сомнительными биографиями на ответственные должности (которые в России не без оснований называют еще “хлебными”) вопреки букве и (главное, духу) всевозможных законов и регламентаций? И здесь тот же вопрос – что в приоритете – Сила Закона или Закон Силы?

Я знаю только один пример, когда руководитель крупнейшего министерства поставил вопрос о прямой ответственности руководителей за рекомендованных ими кандидатов и действия непосредственных подчиненных. Это министр внутренних дел В.Колокольцев. Но что-то я не слышал, чтобы его начинание было поддержано на правительственном и президентском уровне.

Интересно, что проблема: “Сила Закона и закона Силы” достаточно остро стоит и в современном международном праве.

Возьму на себя ответственность утверждать, что с момента объединения ФРГ и ГДР роль международного права идет по наклонной.

По большому счету, международное право вообще не является полноценным законодательством с точки зрения: порядка принятия международно-правовых актов (форма договора), однозначности формулирования норм (как, например, установить приоритет в соотношении двух фундаментальных принципов – “права наций на самоопределение” и “территориальной целостности государства”?), допустимости суверенного толкования (например, правомерности экстрадиции), обязательности их исполнения (фактически добровольности), крайней политизированности, приоритета суверенности и т.д.

Распад Югославии, Советского Союза, Сербско-Косовский кризис стали предтечей и Российско – Украинского кризиса. В ряду этих событий по перекариванию карты Европы выход Крымской автономной области из состава Украины (почему-то юристы не признают, что Украина де-факто уже была федерацией) и присоединение к России не является уникальным. Важно отметить другое. Во всех перечисленных международно-правовых казусах решающую роль играл фактор силы, а не юридической нормы – международные нормы соблюдаются постольку, поскольку они либо выгодны, либо не достают военной (экономической) силы их денонсировать. Так было всегда – со времен зарождения феодальных государств (X–XI вв.) и межгосударственных отношений.

В литературе описаны странные, надуманные поводы для расторжения мирных договоров и объявления войн. Например, формальным поводом для объявления Петром Первым войны Швеции (Карлу XII) стал недостаточно учтивый прием русского посольства в принадлежащей в то время Швеции Риге во время европейской поездки царя в 1697 году. Петра не смутило даже то, что путешествовал он инкогнито, под именем урядника Петра Михайлова, и шведы не могли оказывать ему царские почести. Истинная же причина – царь создал боеспособную армию и захотел расширить территорию России. И таких примеров в истории – не счесть. А вот пример, когда бы одну из сторон конфликта остановил исключительно мирный договор, что-то не припоминается.

Взгляните на современную политическую карту: большинство государственных границ (по крайней мере в Европе и Северной Америке) были начертаны не гусиными перьями, а штыками победителей, а вместо чернил использовалась кровь побежденных.

С тех пор мало что изменилось. Если кто сомневается в том, что и наш главный оппонент – США – опирается на дубину Геракла, а не на меч Фемиды, прочитайте книгу американского политика Дж. Фулбрайта “Самонадеянность силы”.

Думаю, что действия России в 2014 году – доказательство того, что после исчезновения с политической карты мира государства СССР вновь возрожденная Россия вошла без стука в компанию “крутых” ребят.

Президент В.В.Путин использовал, выступая по этой теме, часто применяемый политиками довод: “восторжествовала историческая справедливость”. Но сделать

это может только сильная страна - победитель! Однако причем здесь международное право? Это право сильного – Jus Leo (“Право Льва”). (См.сноску в конце статьи) Что касается моего собственного мнения, сразу же скажу (как юрист): многовековая история российского Крыма, **юридическая процедура** присоединения Крыма к России в 2014 году, предшествующие этому события на территории Украины – позволяют считать это событие логичным явлением с точки зрения и истории государства, и современной политической практики, а степень его легитимности ничуть не меньше, чем легитимность объединения Германии, Беловежского акта, появления на карте Европы Косово, существования американской военной базы Гуантанамо на Кубе, etc. А с простой, человеческой точки зрения, и это **самое главное** – удалось, скорее всего, предотвратить гибель тысяч людей в огне назревавшей крымской гражданской войны. Я убежден: был реализован фундаментальный гуманитарный и юридический принцип – право человека на жизнь. Что важнее – жить в том или ином государстве – или вообще – жить?

Вернемся, однако, к нашим внутренним проблемам.

Один из “четырёх столпов правопорядка” – закон как установленное надлежащим образом разрешенное либо запрещенное правило поведения. Из теории права известно много функций, которые выполняет закон в жизни общества (регулятивная, оценочная, воспитательная и т.д.). Одна из них – задача стабилизировать общественные отношения, придать им некое временное постоянство, определенность, предсказуемость установлений, по которым живет государство и общество.

У нас, на мой взгляд, сложилась ситуация, когда подавляющее доминирование в законодательном органе одной партии (“Единой России”) снижает стабилизирующую роль Закона. Скажем прямо – Дума, Совет Федерации сегодня не могут оппонировать исполнительной власти, представленной в Думе депутатами от “Единой России”, сдерживать вполне понятное, естественное желание чиновников перекаривать законы под сиюминутные хозяйственные и даже политические нужды. Фракция “Единой России” в Думе имеет возможность силой “продавить” (приходится повторить это слово) даже конституционный закон. А как исполняется процедура прохождения законопроектов, в которых заинтересована эта фракция? Не случайно председатель комитета Думы по законодательству (гражданскому, уголовному, процессуальному) известный юрист П.Крашенинников практику прохождения законопроектов в Государственной Думе назвал в прессе “боями без правил”. Опять грубый Закон Силы?

В результате важнейшие законы (даже Конституция) с легкостью необыкновенной меняются. Конъюнктурно мы в чем-то, вполне возможно, выигрываем, но авторитет, моральный статус Закона как чего-то фундаментального, не подверженного ветрам угодничества, расплывается.

И когда сейчас правоприменительные органы, оправдывая свои, как многим кажется, необоснованные действия (например, при регулировании проведения публичных акций, взимания налогов и сборов, и др.) ссылаются на закон, говоря: “мы действуем строго на основании закона”, активистов протестного движения это мало убеждает. Потому что подгоняемый под политическую и экономическую ситуацию закон становится просто ведомственной инструкцией. А у бизнесменов законотворческая чехарда порождает недоверие. Инвестиции исчезают. Аристотель утверждал, что “легкомысленно менять существующие законы на новые – значит, ослаблять силу закона”!

На наш взгляд, недопустимо часто меняются законы о выборах и о порядке формирования Совета Федерации. По подсчетам зам. главы комитета Гос. Думы В. Соловьева за последнее время по предложению “Единой России” ГД приняла 96 поправок в избирательное законодательство! Сугубо конъюнктурным, по нашему мнению, было внесение изменений, позволяющее гражданам, имеющим ранг Чрезвычайного и Полномочного посла, становиться сенатором. Как сообщала пресса, этой поправкой сразу же едва не воспользовался бывший президент РЖД В. Якунин, якобы незамедлительно получивший дипломатический ранг. Его Величество Закон был поставлен на службу высокопоставленному чиновнику. Но что-то (как писала пресса) с назначением В. Якунина не сложилось по независящим от Закона причинам...

Словно расписание пригородных электричек меняется и законодательство о выборах в местное самоуправление. При этом поправки, отменяющие прямые выборы глав городов, автономных округов и районов опять же буквально продавливаются в соответствующих инстанциях.

Остановимся на проведении выборов губернаторов в ряде регионов в 2015 году в контексте названия статьи.

Закон о выборах глав регионов допускает проведение досрочных выборов в случае отставки (отрешения от должности либо сложение полномочий по своей инициативе и т.д.). Вполне разумная норма – в жизни всякое бывает. Кто-то проворовался, кто-то заболел. Но как эту возможность использовали некоторые губернаторы? Почти два десятка губернаторов обратились к Президенту В.В. Путину с просьбой разрешить им сложить полномочия досрочно (иногда за 6 месяцев, иногда за 2 года) и тут же баллотироваться снова на должность? Как такое можно допустить? Чем объяснить? Это ли не насмехательство над законом, демократией вообще! Какой принцип сработал? Очень простой: буква Закона позволяет; власть в своих руках; конъюктурно целесообразно. Значит надо действовать. К чему придаться юридически? Не к чему, кроме совести! Сила Закона оказалась бессильной (извините за тавтологию) против Закона Силы.

Может быть, в условиях, когда в результате выборов возникает парламентская монополия одной из партий (даже не важно, какой) ввести 2-3-х летний мораторий на внесение изменений в принятые законы?

Тут мы естественно подошли к вопросу – а может быть, вообще законодательно не допускать подавля-

ющее доминирование одной из партий в парламенте? (Технически такую конфигурацию прописать не сложно). С точки зрения уровня демократии – это высшая точка, апогей парламентаризма. Вопрос в другом – готова ли Россия исторически к такому уровню парламентаризма?

Известно, что в 1905 году В.Г. Плеханов выступил против курса большевиков на вооруженное восстание и захват власти. Он писал: “Мельница истории еще не смолотила ту муку, из которой Россия может испечь пирог социализма”. А сегодня – “пирог” демократического переустройства мы можем испечь? Но это уже другая тема.

Еще одна реплика, по-видимому, тоже из другой темы.

Судя по всему, Россия вступает в длительный период системного экономического кризиса (по крайней мере, такую точку зрения высказывают в СМИ многие экономисты, не занимающие официальных постов в органах власти). И дают свои рецепты выхода из складывающейся ситуации. Многие из предложений носят конструктивный характер и касаются банковской сферы, материального производства, демонополизации, налогообложения, инвестиционных приоритетов и т.д. И как правило, заканчиваются эти рассуждения сакральной фразой: “Но для этого нужна политическая воля высшего руководства страны”, или “без политического “импульса” предложения невыполнимы” и т.п.

Не пора ли прекратить “посылать письма без адреса”? Все прекрасно понимают, что все более или менее важные решения в стране принимает Президент В.В. Путин. За время его фактического руководства страной (читатель в зависимости от своих политических вкусов может указать разные годы) сложился хорошо известный в истории тип правления – авторитарный режим (я бы назвал его – “авторитарно-либеральный”). Не думаю, что на такой способ правления можно клеить ярлык “реакционности”. Его нельзя рассматривать и оценивать вне исторического контекста. Мировая и российская история знает и признает прогрессивную роль многих сильных, авторитарных личностей: ранний Наполеон Бонапарт, Петр Первый, Екатерина Вторая и др. Более того, именно такие личности либо начинали крупные реформы, либо пресекали распад государственности. Это в полной мере относится к современной России, учитывая что период экономической и политической турбулентности (переход от тоталитарного государства к рыночному типу) в самом разгаре (вспомните Россию 1996-2004 гг. и роль В. Путина в восстановлении правового единства государства). Вполне возможно, что авторитарный режим в этот период – наиболее подходящий, удерживающий страну от реальной гражданской войны. Но это надо признать открыто. И добавить – руководитель, который сосредотачивает в своих руках всю полноту реальной (это важно!) власти, несет личную ответственность перед народом (и историей!). Не Правительство с его Председателем, не Государственная Дума и Совет Федерации в составе более 600 государственных мужей. На Президента **лично** при таком

правлении лежит колоссальная ответственность! (Кстати, Наполеон I с ней не справился, вверх Францию (и Европу) в череду опустошительных войн, ничем кроме имперской амбициозности не объяснимых, превратился в узурпатора, а затем оказался изгоем и т.д.).

Но, повторяю, об этом надо говорить прямо, без обиняков...

Следующая опора правопорядка – наш народ.

Кто и как сегодня занимается формированием мировоззрения российских граждан в духе уважения к Закону? Министерство юстиции? Похоже, у него нет даже такой функции. Телевидение? Смешно. Оно всем своим бесценным прайм-таймом федеральных каналов насаждает культ Силы. Юридическая общественность – тоже нет. Высокопоставленные чиновники – своим личным примером? (Например, руководствуясь конституционной нормой о равенстве всех перед Законом, депутаты отказались бы от иммунитета при возбуждении уголовных дел и доверились обычному следователю, суду). О таких примерах что-то не сообщают СМИ.

В свое время на телевидении часто выступал (возможно, и сейчас выступает) замечательный юрист, правозащитник, ученый (мне доводилось с ним работать) С.А.Паршин в качестве “телевизионного” судьи, вызывая восхищение зрителей. К сожалению, выступая, он уже был судьей в отставке. А вот действующие судьи выйти к народу не решаются. Или им запрещают?

Недавно в газете “Московский комсомолец” от 23 декабря 2015 года была опубликована заметка “Хожение с князем Владимиром”. В ней сообщается, что начальник управления по взаимодействию с общественностью и СМИ (профессиональный историк) стал автором документального фильма о князе Владимире. Тема, безусловно, актуальная, но что-то не припоминаются организованные этим управлением, например, пресс-конференции с участием судей по актуальным вопросам судопроизводства или по конкретным резонансным делам.

К чему это приводит? К правовому нигилизму, недоверию к власти, её решениям, нормативным, правовым актам. А когда возникают конфликтные ситуации – к внесудебному разрешению возникающих споров. Проще говоря – к разборкам “по понятиям”, “разруливаниям” и как крайняя форма – к самосуду.

У меня создается впечатление, что в последние годы нам навязывают ментальное клеше о “лихих 90-тых”. Дескать, сейчас совсем не так. Ой-ли?

Давайте повнимательнее посмотрим на разборку двух вооруженных групп около кафе Elements в декабре 2015 года рядом с Домом Правительства в Москве. Как развивались события? По публикациям в СМИ некая состоятельная гражданка захотела сделать ремонт принадлежащего ей помещения кафе. Почему она не обратилась в ремонтную компанию (их на рынке – множество!)? Почему не заключила стандартный договор подряда на проведение ремонта с указанием существенных условий – цены, сроков, объема работы и т.д.. А затем, в случае возникновения конфликтов с подрядчиком – прямо в суд с возможным наложением обеспечительных мер и т.д.

Почему хозяйка кафе предпочла неправовой алгоритм решения обычной строительной задачи? Она же не дура, если располагала суммой в 600 000 евро! Какие такие условия сложились в стране, если предприниматели предпочитают работать вне правового поля? Очевидно, они предполагают – в случае чего обопремся на Закон Силы – Дубину Геракла (или ее современный вариант – бейсбольную битку). Почему это произошло в нашем государстве? Почему деградирует, зарастает нива правового поля, а поляны разборок вытоптаны ногами коммерсантов, представителями “крыш” и “разводящих”? Может быть и потому, что взыскать деньги с должника с помощью службы судебных приставов – это сама по себе экстремальная по сложности задача. Основываясь на своем адвокатском опыте смею утверждать – сегодня служба судебных приставов (по крайней мере, некоторые подразделения в московском регионе – слабое звено в системе восстановления нарушенных прав граждан). Приведу два примера.

Сейчас у меня в производстве находится дело о взыскании более 12 млн. руб. с должника – юридического лица в г.Москве. Так вот, материалы исполнительного производства были просто потеряны. И даже непонятно, кем. Ответы на наши запросы либо не приходят совсем, либо приходят без указания даты, исходящих номеров! Представители Управления ССП по Москве в Арбитражном суде Москвы просто констатируют, что материалов у них нет. И точка. И ведь что удивительно – суд первой инстанции полностью поддержал службу приставов! И что толку, что у моих доверителей на руках исполнительный лист!

Второй пример. Мне приходится часто бывать в отделе ССП по г.Долгопрудный Московской области – красивом, современном быстро растущим городе ближайшего Подмосковья. Отдел находится в подвале жилого дома сталинских времен. Кабинетки завалены документами. Дни приема – два раза в неделю по 3 часа. Коридоров практически нет. Духота. Попасть на прием к приставу – испытание нервов. По телефону дозвониться невозможно. На письма не отвечают. Как результат – текучка кадров, низкое качество исполнения судебных постановлений. А объем работы у службы постоянно увеличивается!

(Опять же, возможно мой личный опыт адвоката – досадное исключение, тогда я возьму свои слова назад, извинюсь.)

Может быть, поэтому граждане предпочитают взыскивать долги не с помощью Силы Закона, а уповая на Закон Силы? Не вступили ли мы в “лихие 10-ые” – в новой редакции? Как сейчас модно говорить “2.0”.

Вернемся к правоприменению.

Остро стоит проблема диалога правоприменительных органов, судебной системы и гражданского общества. Результат отсутствия такого диалога, – недоверие к результатам их работы. В 2014 году, выступая в газете “Коммерсантъ” председатель Московского городского суда О.Егорова (тоже, пожалуй, единственный судья в Москве, который общается с прессой) сказала примерно так: “Я всегда говорю судьям: принимайте только такие

решения, которые вы потом сможете объяснить людям”. Золотое правило. Только кто к ее словам прислушался? Кто из судей вышел к микрофону и попытался растолковать людям, какие доводы сторон стали основанием для его решения по делу. Адвокаты, участвующие в судебных процессах в московских судах, рассказывают в СМИ о труднообъяснимых решениях, особенно, когда идет спор со структурами исполнительной власти. Из своего опыта могу привести пример, когда судья Савеловского суда и вторая, третья инстанции отказали в возмещении вреда в результате падения глыбы льда с крыши дома на автомобиль (припаркованный по всем правилам!) с основанием, которое можно назвать радикальным покушением на фундаментальные законы природы: “причина падения льда с крыши дома судом не установлена”. На самом деле все понимают – судей попросили беречь муниципальные деньги, даже принося в жертву уважение к себе.

Здесь мы подошли к обсуждению еще одной острейшей проблемы – независимость российских судов. Предлагаю опять же подойти к проблеме с позиций историзма.

В английском языке существует такая грамматическая конструкция – Future in the past – и переводится как “Будущее в прошедшем”. Мне очень нравится эта идиома, но применительно к прогностической деятельности: “Наше будущее определяется нашим прошлым”. Почти Экклезиаст!..

Как известно, профессиональные судьи появились гораздо позже, чем появилась потребность как-то разбираться с тяжбами, карать преступников и т.д. Первыми судьями были сами феодалы (не будем углубляться в античные времена) – они сами вершили “справедливый” суд. Позже они назначали судей, задача которых была одна – стоять на страже интересов правителей, их назначивших. Был и церковный суд – печально известная инквизиция. Должность судьи можно было просто купить – как и любую другую должность. Так продолжалось сотни лет. Постепенно в Европе суды получают некую автономию, формируются судебные инстанции. Во Франции, например, Верховный Суд существовал уже в 1245 году! Промышленные революции ускорили эти процессы. Развитие политической демократии в странах Европы потребовало нового уровня защиты прав и интересов свободных граждан в судах. **Независимые суды – такой же плод демократии, как и честные выборы, свобода собраний, запрет политической цензуры, работающая Конституция и т.д.**

А что можно сказать в этом смысле о России? Когда в Российской Империи, в СССР были реальные демократические свободы, например, свободные выборы, без жесткого диктата власти? Ответ: никогда.

Некоторые историки полагают, что судебная реформа Александра II в 1860-е годы не достигла своей цели в полной мере, даже провалилась, не найдя поддержки у забитого, фактически находящегося в состоянии рабства большинства населения. Суды остались под жестким контролем царских чиновников. (В литературе описан интересный эпизод на эту тему. В 1878 году на процессе В. Засулич в Петербургском окружном суде председательствовал А.Ф.Кони. Так вот, перед началом

процесса министр юстиции граф Пален запросто пригласил его к себе – председателя суда! – и стал давать рекомендации по предстоящему громкому процессу. Известны факты, когда крестьяне после 1861 года массово отказывались получать “вольную”, усматривая какой-то подвох, очередное мошенничество властей и не надеясь на защиту в судах)

А последние элементы государственного крепостничества в отношении сельских жителей в СССР были ликвидированы только в 1970-е годы – с окончанием папортизации тружеников села.

Не развивая дальше историческую тему, можно утверждать – суды в России, СССР всегда были де-факто органом исполнительной власти. Финансирование, порядок назначения, подбор кандидатов в судьи – все говорит об этом. И это представляется в свете сказанного вполне естественным. И мы хотим изменить за 20-30 лет целое мировоззрение и практику, формировавшиеся столетиями! Впрочем, это относится не только к отправлению правосудия, но и к пониманию сущности всего гражданского общества в целом.

В 2014 году вышел в свет сборник статей “По ту сторону права: законодатели, суды и полиция в России”, подготовленный Институтом проблем правоприменения. В нем приведены результаты репрезентативных социологических исследований, статистики и т.д., относящиеся к судебной системе. Вот один из результатов исследования (стр.188 Сборника). Среди судей 33% составляют выходцы из аппарата судов, 17% – бывшие прокурорские работники, 16% – работники милиции. Т.е. 2\3 судей всю жизнь до получения статуса судьи верой и правдой служили интересам власти. Совершенно естественно, что они и в зале суда чувствуют себя скорее чиновником, нежели независимым от кого бы то ни было жрецом богини справедливости.

В уже упоминавшейся статье “Суд идет. Сам” признанные теоретики и практики юриспруденции называют первоочередные меры, которые могут обеспечить независимость судов. Я думаю, что эти очень продуманные, взвешенные, выстраданные меры являются не более чем организационно-правовыми предпосылками независимости. Главное все же – жесткая, последовательная позиция Президента РФ В.В.Путина по этому вопросу. При этом все понимают – реально независимый, имеющий высокую публичную репутацию суд – это такая же власть, как и Президент, как и как Правительство. Это обстоятельство может стать (или уже является?) ограничителем всех судебных реформ. Пока же средства массовой коммуникации время от времени сообщают о том, что например, Госдума игнорирует решения Конституционного суда (например, газета “Коммерсантъ”, от 19 ноября 2015 года), или что Генеральная Прокуратура не выполняет решение суда по экстрадиционным вопросам...

Что же делать, чтобы не допустить сползания страны в правовой хаос? Ведь в ближайшие годы вся правоохранительная система будет работать в еще более сложных, **экстремально** сложных социально-экономических условиях – в том числе возрастающего недофинансирования (более или менее открыта информация по МВД: сокращение численности всех служб на 20 процентов, сокраще-

ние финансирования инфраструктуры и т.д.). Правовой нигилизм, скорее всего, будет нарастать. Следовательно, будет нарастать и криминогенный потенциал общества.

Мне уже доводилось публично высказывать свое мнение на этот счет – нужно не жалея времени, усилий, вообще всех ресурсов – повышать **степень доверия** ко всем институтам, обеспечивающим режим правопорядка в стране. Максимум прозрачности, открытости, активный диалог с народом. Объяснять, комментировать, растолковывать принимаемые решения, не бояться говорить правду, какой бы трудной она ни была, а бояться быть заподозренным в коррупции, высокомерии, непрофессионализме... И заботу о своем народе должностные лица демонстрировать обязаны не выступлениями-проповедями в роскошных залах и телевизионных студиях, а ежедневно делая выбор, на что потратить весьма и весьма ограниченные (экономисты считают – последние) бюджетные деньги – на закупку бесплатных лекарств для стариков, индексацию пенсий, поддержание доступных цен на основные продукты питания, создание рабочих мест для спивающихся безработных русских мужиков, или на проведение очередного многомиллиардного имиджевого мероприятия планетарного масштаба, закупку элитной футбольной звезды с зарплатой, равной зарплате всего коллектива крупной больницы, приобретения дикой по стоимости мебели в свой служебный кабинет (о чем пишет ОНФ) или даже на изготовление не очень дорогого, зато самого длинного в мире флага (см. газету “Подмосковье” от 24 августа 2015 года)...

История борьбы за построение у нас правового государства особого оптимизма не вызывает. Соревнование

Силы Закона и закона Силы почти всегда оканчивалось не в пользу Права. По большому счету юристы только однажды попытались установить приоритет Закона и встать выше исполнительной Власти – помните знаменитое постановление Конституционного Суда РФ от 21 сентября 1993 года, признавшее неконституционным Указ Президента РФ №1400 о прекращении деятельности Верховного Совета? И чем это кончилось? Увы. Конституционный Суд прекратил свою работу на несколько лет. Но мужественные судьи КС во главе с В.Д. Зорькиным, приняв в критический момент такое решение, продемонстрировали верность Закону и вписали, наверное, самую замечательную страницу в историю Права Новой России.

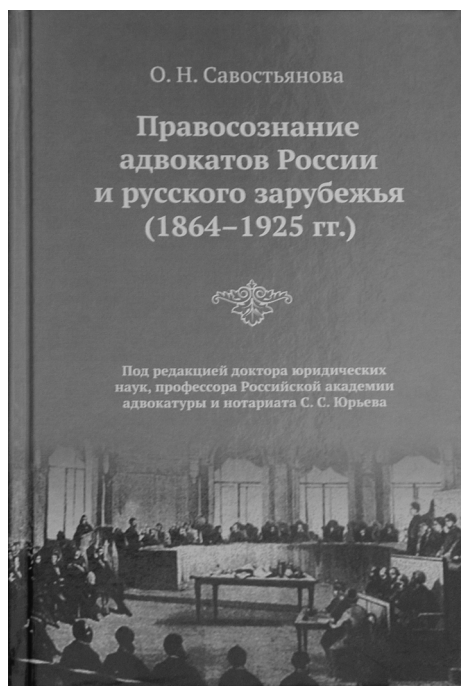
Один из ярких интеллектуалов нашего времени – редактор “Независимой газеты” К. Ремчуков, как-то выступая по радио, сказал: “Свободная земля должна быть по колено пропитана кровью”.

Хотелось бы, чтобы земля России в ходе нелегкой борьбы за подлинную демократию и утверждение правового государства пропитывалась не кровью, а потом живущих на ней трудолюбивых, ответственных людей, создающих материальные и интеллектуальные богатства нашей уникальной страны. И твердо уверенных в Силе Закона.

* “ПРАВО ЛЬВА”: Притча, рассказанная Эзопом. Лев, волк и лисица (имеются варианты) охотились на оленя. Волк и лисица загнали оленя в яму, а лев его убил в схватке и затем разделил тушу на три части. И стал их распределять. “Одну часть я забираю как один из трёх, кто участвовал в охоте. Вторую часть я забираю, потому что я внес наибольший вклад в этой охоте. А третью часть я забираю, потому что я Лев.” Точка.

О.Н. Савостьянова.

Правосознание адвокатов России и русского зарубежья (1864-1925 гг.)

Рецензенты:

И. Л. Данилевская – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института государства и права;

Н. А. Лимонова – кандидат юридических наук, доцент.

Савостьянова О. Н.

Правосознание адвокатов России и русского зарубежья (1864-1925 гг.): Монография под ред. д.ю.н. С. С. Юрьева.

М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2015. – 320 с.

В монографии рассмотрены наиболее важные аспекты профессионального правового сознания социальной группы присяжных поверенных, формируемого в условиях кризиса русской имперской государственности, а также в постреволюционные годы. Раскрывается сущность правосознания, его структура и функции. Показаны взаимосвязь политико-правовых событий указанного периода с процессами становления, развития и трансформации института адвокатуры, особенности правосознания бывших присяжных адвокатов, эмигрировавших после Октября 1917 г. или оставшихся в Советской России.

Для студентов и аспирантов юридических и исторических высших учебных заведений, слушателей курсов повышения квалификации, адвокатов, а также всех интересующихся проблемами истории права и государства.

В.М. Зубарь – член Совета адвокатов Одесской обл., управляющий партнёр Юридической фирмы «Юрлайн», к.ю.н., Украина

К 150-летию со дня рождения Е.В. Васьковского (биографический очерк)

Е.В. Васьковский является одним из самых ярких представителей одесской школы цивилистики. Большая часть жизни учёного связана с Одессой и Новороссийским университетом.

Родился он 8 февраля 1866г. в городе Аккерман (ныне город Белгород-Днестровский Одесской области) в обедневшей польской семье дворян-католиков. Его мать, Мальвина, происходила из известного польского дворянского рода Чеховских (Czechowskich). Отец — Владимир Николаевич Васьковский (Włodzimierz Waskowski) служил присяжным поверенным при Кишиневском окружном суде. В семье также была дочь Юлия и еще один сын Анатолий, который впоследствии стал присяжным поверенным.

Окончив с золотой медалью Первую одесскую казенную гимназию, правопреемницу знаменитого Ришельевского лицея, Евгений Васьковский в 1884г. поступил на юридический факультет Императорского Новороссийского университета. К сожалению, мы не располагаем воспоминаниями Е.В. Васьковского о студенческой жизни. Известно, что это был сложный период в развитии юридического факультета, о чем писали современники. На факультете уже не преподавали многие ученые, принесшие славу одесской школе цивилистики (А.В. Куницын, М.И.Малинин, П.П.Цитович, Ю.С.Гамбаров, Н.Л.Дювернуа и др.). Однако, без сомнений, лекции Д.И.Азаревича, И.Г.Табашникова (римское и гражданское право), Ф.И. Леонтовича (история русского права), М.Ю.Чижова (философия права), В. Н. Палаузова (уголовное право и уголовный процесс) оказали большое влияние на будущего ученого. В 1888г. он окончил университет и был удостоен степени кандидата. Дипломная работа Е.Васьковского была посвящена проблеме виндикации в гражданском праве.

После окончания университета Е.В.Васьковский стал помощником присяжного поверенного округа Одесской Судебной Палаты, а в 1893г. был принят в состав присяжных поверенных этого же округа. Параллельно с деятельностью в качестве присяжного поверенного и написанием научных работ Е.В.Васьковский активно занимался литературной деятельностью. Под псевдонимами Maestro и Мартын Боруля он писал музыкальные рецензии, фельетоны и различные статьи о жизни города в газетах «Одесские новости» и «Одесский вестник», переводил иностранных поэтов: «Из песен Гейне» (1885г). В 1891г. он издал книгу оригинальных и переведённых сатирико-юмористических стихов «Альбом юмористических стихов Мартына Борули». Определенный период времени исполнял обязанности редактора газеты «Одесские новости».

Интересно как сам Васьковский Е.В. характеризовал свою деятельность. Во время очередной переписи насе-

ления в Одессе на вопрос анкеты о роде деятельности он указал — «присяжный поверенный», а на вопрос о хобби ответил — «литератор». По нашему мнению литературное наследие Е.В.Васьковского неоправданно забыто и ждет своих исследователей.

В то же время Е.В.Васьковский стал заниматься наукой. Первой его научной работой была брошюра «Типичные гражданские дела», написанная в соавторстве с однокурсником А.А. Бугаевским. В этом же 1893 году была опубликована еще одна его работа — «Будущее русской адвокатуры: К вопросу о предстоящей реформе». Однако, большую известность автору принесла публикация в Санкт-Петербурге двухтомного сочинения «Организация адвокатуры». После издания этой работы в 1893г. Васьковский Е.В. обратился в Санкт-Петербургский университет с просьбой допустить его к защите на соискание ученой степени магистра гражданского права. Просьба молодого ученого не была удовлетворена в виду того, что он не имел других научных работ и не прошел стажировку в зарубежных университетах.

Конечно же, возникает вопрос почему молодой ученый не обратился в Новороссийский университет, где его защита выглядела бы более оправданной и разумной. Лишь через годы спустя стало известно, что определенная часть преподавательского состава университета с неприязнью относилась к своему выпускнику. Возможно это стало причиной его обращения в Санкт-Петербургский университет. Е.В. Васьковскому удалось заручиться поддержкой перспективного преподавателя Императорского Казанского университета Г.Ф.Шершеневича, который помог молодому одесскому ученому получить допуск к магистерскому экзамену и получить командировку в Европу. С лета 1894 до лета 1895г. Е.В. Васьковский посещал лекции по философии и праву в университетах Германии и Франции, имел возможность пользоваться библиотечными фондами этих университетов.

Период с 1894 по 1897 гг. стал одним из самых плодотворных в творчестве Е.В.Васьковского, о чем свидетельствует библиография его работ этого времени. Им было опубликовано несколько десятков статей по вопросам гражданского права и гражданского судопроизвод-

Е.В. Васьковский

ства. Особенно хотелось бы выделить его книгу “Основные вопросы адвокатской этики” и “Учебник гражданского права”.

Весной 1897 г. при поддержке Г.Ф.Шершеневича Е. В. Васьковский защитил в Казанском университете магистерскую диссертацию на тему “Организация адвокатуры”. В октябре 1897 г. Е.В.Васьковский был принят на должность приват-доцента Новороссийского университета на кафедру гражданского права. В соответствии с Университетским уставом 1884г. эта должность не была штатной и молодому приват-доценту не поручили чтение лекций. Судя по всему Евгений Владимирович продолжал заниматься адвокатской практикой из-за отсутствия учебной нагрузки в университете.

28 октября 1901 г. Е. В. Васьковский защитил в Казанском университете докторскую диссертацию на тему «Цивилистическая методология: Учение о толковании и применении гражданских законов» и получил ученую степень доктора права. В качестве оппонентов Е. В. Васьковского выступили профессор Г. Ф. Шершеневич и приват-доцент этого же университета А. В. Завадский (1873–1915). Защита диссертации со столь необычной темой вызвала большую дискуссию в цивилистической литературе. Весьма критическими были рецензии Г.Ф. Шершеневича, А.В. Завадского, В.А.Богородицкий. Особенно острой возникла дискуссия между Е.В.Васьковским и ординарным профессором Новороссийского университета по кафедре гражданского права А.И.Загоровским, который не признавал научную новизну в исследовании Е.В.Васьковского. В 1903г. А.И.Загоровский писал, что Е.В.Васьковский не получил приглашение ни от одного университета, несмотря на потребность в ученых-правоведах, а юридический факультет Новороссийского университета, в котором он учился, не дал ему ни одного поручения, не смотря на то, что Е.В.Васьковский находится в должности приват-доцента уже много лет.

В 1904 г. Евгений Владимирович опубликовал ответ профессору А. И. Загоровскому, в котором детально изложил свою аргументацию относительно предмета дискуссии.

В январе 1904г. Е.В.Васьковский был назначен Министерством народного просвещения на должность экстраординарного профессора по кафедре гражданского права и гражданского судопроизводства Новороссийского университета.

Революционные события 1905г. повлияли на систему управления университетами. В частности, была возобновлена выборность ректора и деканов факультетов. Хотя Е.В.Васьковский в 1905г. не был избран деканом юридического факультета и уступил на выборах своему оппоненту А.И.Загоровскому, который в дальнейшем отказался от должности, в этом году он получил чин коллежского советника.

В октябре 1906г. Е.В.Васьковский занял должность ординарного профессора по кафедре гражданского права и гражданского судопроизводства, а в ноябре 1906 г. его избрали проректором Новороссийского университета по работе со студентами. Во время работы в уни-

верситете Е.В.Васьковский читал лекции по следующим предметам: учение по комментированию и применению гражданских законов; гражданское право; судопроизводство.

В июне 1907 г. Указом императора Е. В. Васьковский был временно отстранен от должности проректора университета. Его обвиняли в том, что он не осуществлял наблюдение за тем, чтобы студенческие собрания имели исключительно академический характер и чтобы в стенах университета не проходили сборища с участием посторонних лиц; не применял меры по запрету студенческой организации “Общестуденческий суд”.

В феврале 1909 г. Е. В. Васьковский по решению Уголовного кассационного департамента Правительственного сената был отстранен от должности проректора университета с запретом нахождения на государственной службе в течение трех лет, а в мае этого же года он был уволен из университета. Обвинения строились на показаниях свидетелей, среди которых были его коллеги-профессора университета, а также помощники инспекторов студентов, университетский служители и прочие лица.

Оказавшись за пределами университета, Е.В.Васьковский продолжал писать и издавать свои работы. Так, в 1913г. вышел первый том “Курса гражданского процесса”, а также “Руководство к толкованию и применению законов для начинающих юристов”.

В 1914г. Е.В.Васьковский принимал участие в работе над коллективной монографией, посвященной 50-летию юбилею судебной реформы в Российской империи.

После событий Февральской революции в мае 1917г. Е.В.Васьковский был восстановлен в должности профессора кафедры гражданского права и гражданского процесса. 12 октября 1917 г. он был избран деканом юридического факультета Новороссийского университета. Эту должность Евгений Владимирович занимал до мая 1920 г. Кроме этого, непродолжительный период времени – с начала февраля до 17 марта 1920 г. – он исполнял обязанности ректора Новороссийского университета.

После закрытия в мае 1920г. Новороссийского университета на базе его гуманитарных факультетов был создан Одесский гуманитарно-общественный институт, который просуществовал два года и был преобразован в Институт народного хозяйства. В гуманитарно-общественном институте Е.В.Васьковский работал в течение года в должности профессора и проректора, а в Институте народного хозяйства его назначили на должность проректора, которую он занимал до 1924 г.

С середины 1924г. по приглашению польских ученых Васьковский Е.В. переезжает Вильнюс и занимает должность профессора кафедры гражданского права Виленского университета им. Стефана Батория, где он и проработал вплоть до выхода на пенсию в 1934г. Умер Евгений Владимирович Васьковский 29 мая 1942г. в Варшаве.

(по материалам «Вестника одесской адвокатуры», №3.2015 г.)

Н.А. Сафронов – адвокат АПМО

Очередные волны накатившего правосудия

(из сборника отчётов и рассказов о реальных криминальных делах 1990-х годов, сохранившихся в памяти и документах адвоката)

(Окончание)

В случае установления таких фактов, виновных адвокатов сразу же изгоняли из профессионального сообщества, а другим преподавали урок, как поступать нельзя.

Поскольку адвокат – это тоже человек, то, как и всякий человек, он может быть хорошим и плохим, добрым и злым, честным или подлым, хитроватым, и т.д. Не говоря уже о том, что как врач, портной или сантехник, адвокат может быть хорошим и знающим специалистом своего дела, а может оказаться профаном, с умным видом надувающим щёки и создающим только показную видимость своей работы.

А соблазн у адвоката имеется. Сам адвокат должностным лицом не является, поскольку не наделен властными или распорядительными полномочиями. Он никому никаких обязательных распоряжений дать не может.

А вот уже если нечестный адвокат скажет своему клиенту, что он может при помощи денег “утрясти” его вопрос, передать взятку судье, прокурору или следователю, то его клиент, под страхом маячащего впереди уголовного наказания, вероятнее всего, согласится на такое решение его проблемы. Как в русской пословице говорится: утопающий хватается даже за соломинку.

Для таких адвокатов, в отличие от тех, которые получили от своего клиента “микстуру”, уготованы были статьи Уголовного кодекса – ст. 17 УК РСФСР – соучастие в преступлении, и статья 174 УК РСФСР – дача взятки. Создание решимости у клиента передать взятку должностному лицу квалифицировалось следственными органами как “подстрекательство к даче взятки”.

Простая дача взятки наказывалась лишением свободы на срок от трех до восьми лет. А вот уже дача взятки неоднократно или лицом, ранее судившимся за взятничество, наказывалась лишением свободы на срок от семи до пятнадцати лет с конфискацией имущества или без таковой.

Один велеречивый адвокат, совсем недавно убеждавший суд, что его подзащитный украл церковный колокол вовсе не для того, чтобы его пропить, а боролся, таким образом, с религиозным опиумом для народа: “Лучшей антирелигиозной пропаганды я просто не знаю!”

А вот тот же самый адвокат, когда его самого судили за подстрекательство к даче взятки, со скамьи подсудимых кричал суду: “Граждане судьи, вы только посмотрите на меня! Я ведь типичный мошенник!”

Ему очень хотелось, чтобы его осудили за обман и злоупотребление доверием своего клиента, что обещало срок наказания не свыше трёх лет...

Как и пообещал уже давненько не видевший очередных волн наката правосудия на адвокатское сообщество

Сергей Сергеевич Константинов, вскоре после кампании по преследованию работников торговли началось гонение на адвокатов.

Были арестованы адвокат Владимир Боков из Московской областной коллегии и адвокатесса Елена Пилюгина из консультации №8 МГКА.

Они обвинялись в том, что брали с клиентов деньги, обещая передать их должностным лицам – в основном судьям.

Специально для расследования этого дела с одного из Уральских регионов был вызван в Прокуратуру Москвы следователь Каратаев.

Его вызвали для того, чтобы быть уверенными – московские и областные адвокаты не смогу найти к нему “подхода”.

Самому Каратаеву дали неограниченные возможности по нарушению и Законов и Конституции и вообще прав кого бы то ни было. Этот следователь лез из кожи вон, чтобы показать свою значимость, способность решить поставленную задачу любой ценой. В Москве его обеспечили жильём и обещали продвижение по службе в столице.

Поступившие от клиентов Бокова и Пилюгиной заявления он стал доказывать путём отыскания таких же их грехов в прошлом. Как говорил товарищ Сталин: одни раз – это может быть случай, а два – это уже закономерность.

В бухгалтериях юридических консультаций, где они работали, были изъяты все их карточки. То есть заключенные договоры с клиентами. По указанным в карточках адресам Каратаев вызывал клиентов и подвергал их строгим допросам. Сами допросы сопровождались запугиванием людей.

Он, как опытный провокатор сразу сообщал людям, что ему уже всё известно. Виновники во всём уже сознались, осталось только формально закрепить уже известные факты. Тем допрашиваемым людям оставалось только согласиться, что они передавали адвокатам деньги сверх установленного порядка.

Каратаев тут же знакомил не разбирающихся в праве людей с Примечаниями к статье 174 УК РСФСР, где было указано: “Лицо, давшее взятку, освобождается от уголовной ответственности, если в отношении него имело место вымогательство взятки или если это лицо после дачи взятки добровольно заявило о случившемся”.

О вымогательстве речи не шло, поэтому Каратаев напирал, что необходимо сделать добровольное заявление. При этом он подавал допрашиваемому два своих Постановления на выбор. Одно постановление было о “прекращении уголовного производства в связи с добровольным заявлением”, а второе о “возбуждении уголовного дела в отношении допрашиваемого лица за дачу взятки”.

Надо ли говорить, что все хотели стать только свидетелями, а не попасть за решётку? Им следователь предлагал написать заявление “задним числом”. Получалось, что они уже написали сначала заявление, а теперь уже происходит их допрос по этому заявлению. Некоторых, используя корыстную заинтересованность в исходе дела, следователь Каратаев подбадривал ещё и тем, что обещал им вернуть незаконно полученные от них деньги.

Вот у Каратаева и получилось “навесить” и В. Бокову и Е. Пилюгиной по восемь эпизодов преступной деятельности каждому.

Каратаев приступил к допросам адвокатов, которые каким-либо образом общались с обвиняемыми, с целью получения о них подтверждений противоправной деятельности.

О том, как происходили допросы у Каратаева, я не выдумываю, а знаю это достоверно, поскольку меня самого на такой допрос вызывали. Дело в том, что с Владимиром Боковым я длительное время находился в одном длительном уголовном процессе. В этом процессе участвовали 14 адвокатов.

Каратаеву стал известен факт, который в действительности имел место. Во время процесса в зал судебного заседания заглянул какой-то кавказец. Увидев его, Владимир с разрешения судьи вышел из зала. Через несколько минут он вернулся на своё место. А потом, вдруг, неизвестно зачем, достал пачку денег и стал её пересчитывать. Самые крупные купюры тогда были “стольники”. Сколько их было, я сказать не могу, но вообще для чего он пересчитал прямо на столе деньги, никто сказать не мог.

Каратаев об этом случае знал, но при помощи моих показаний пытался закрепить доказательства.

Я этот факт подтверждать отказался, сославшись на то, что этого не видел.

Вот тут он и начал “давиловку”:

– Адвокаты вообще ничего не видят и не слышат, кроме собственных денег. Я вот сейчас возьму и проверю всех ваших клиентов, а для этого карточки из консультации заберу...

Я заявил, что вполне мог этого не видеть, поскольку из-за длительности процесса, который продолжался свыше двух лет, судья отпускал адвокатов, когда рассматривались не имеющие к их подзащитным эпизоды...

В протоколе было указано, что я тот случай подтвердить не могу, так как не видел этого случая.

Я могу только догадываться, какие фантазии овладели Каратаевым, когда он заявился в консультацию №8 на Чистопрудном бульваре и потребовал выдачи карточек ещё на пятерых адвокатов. Именно тех, которые не дали никаких показаний против своей коллеги. Ему уже виделись шумные процессы раскрытой им лично организации вредителей-адвокатов.

Но заведующий восьмой консультацией отказал ему в такой просьбе, мотивируя тем, что в производстве следователя имеется только дело против Пилюгиной, а потому другие адвокаты им не должны проверяться. И карточки не выдал.

Следователь Каратаев, как бы сказал М.М. Зощенко, “затаил в душе некоторое хамство”. Вскоре он подготовил постановление о “выемке материалов и карточек по всем адвокатам консультации №8”.

Но ничего не случилось. Накануне, как оказалось, неизвестные злоумышленники ночью проникли в помещение консультации и вынесли все бухгалтерские документы.

Было возбуждено новое уголовное дело по факту пропажи документов. Скандал был на всю Москву. На самом вершине – МГК КПСС было принято решение о расформировании и ликвидации самой консультации №8 Московской городской коллегии адвокатов.

В нашу консультацию из расформированной восьмой были переведены трое адвокатов. Одним из них был Юрий Серёгин. Этот ещё не старый мужчина был уже отставным полковником КГБ СССР, который всю службу провёл за рубежом нашей Родины, в США.

Только перенесённый им инфаркт вынудил его оставить службу, а его руководителей трудоустроить его адвокатом.

Как адвокат, Юра Серёгин был, конечно, недостаточно искусственным специалистом по защите прав людей, а как мужик – примером для многих. Умный, компанейский, с хорошим чувством юмора, совмещаемым с тактичностью... О своей прежней работе распространялся только в общих чертах. А после выпитой второй бутылки водки его отличие от обычного состояния различалось только степенью покраснения лица.

Поскольку с того времени прошло уже более тридцати лет, сам Юра Серёгин давно умер, то я могу поделиться своим твёрдым убеждением, что к пропаже документов консультации именно он и приложил свою руку.

С таким моим мнением были тогда согласны и мои знакомые адвокаты из той консультации.

Большого дела государственного масштаба следователю Каратаеву в отношении адвокатов создать не удалось.

В таком виде в отношении В. Бокова и Е. Пилюгиной он и направил в Гагаринский районный суд г. Москвы. Тогда он находился рядом с китайским посольством. Рассматривал это дело тогдашний председатель суда Геннадий Егоров. О моём противостоянии с этим судьёй я подробно изложил в рассказе об учительнице О. Снежковой.

Владимира Бокова в суде было поручено защищать Генри Марковичу Резнику. Он только что был прият в Московскую городскую коллегию адвокатов и в юридическую консультацию №21, где я работал у И.Ф. Дервянченко.

Именно потому, что мы с Г.М. Резником работали в одной консультации, а мне не была безразлична судьба знакомого адвоката, то мне были известны и подробности ведения самого процесса.

Председательствующий судья Г.Егоров сразу начал с конфликта с адвокатами. Он запретил использовать в процессе диктофон для записи процесса.

Генри Резник ему в пику стал валять дурака:

– Мы решили использовать аудиозапись процесса, чтобы не забыть необходимых деталей, ничего не забыть и не упустить, лучше провести процесс. Ведь дело рас-

смачивается в открытом судебном заседании... Вы же нас не предупредили, что дело имеет секретный характер. Я, например, не имею допуска к секретам, а потому меня следует из процесса вывести и назначить другого адвоката.

Судья начал выбираться из того угла, в который его стал загонять Г.М.Резник, пошёл на попятную, и позволил пользоваться аудиозаписью процесса.

В то время процедура использования диктофона в процессе не была официальным образом регламентирована. У меня, например, на этой почве возник конфликт с судьёй в Ворошиловском суде (ныне Хорошевском). Тот требовал убрать диктофон, а я отказался, мотивируя, что Конституция допускает при защите любые способы, кроме запрещенных Законом, а процесс носит открытый характер. Наш конфликт пришёл разбирать председатель суда и позволил использовать звукозапись в процессе.

Уже несколько позднее Пленум Верховного Суда определил, что такая аудиозапись не нарушает требований Закона при рассмотрении дел в судах.

С самого начала процесса было понятно, что в деле адвокатов что-то не так.

Например, один из эпизодов, вмененных В.Бокову, состоял в том, что его клиент передал ему 100 (сто) рублей уже после состоявшего судебного процесса. Любому нормальному человеку было понятно, что это была простая благодарность после процесса. За сто рублей подкупить судью невозможно. Только в юмористическом рассказе один мужик, назвавшись агентом разведки, выпрашивал у своей жены деньги на подкуп Президента США в сумме, совпадающей со стоимостью бутылки водки – три рубля и шестьдесят две копейки.

Суммы в триста, пятьсот рублей, переданные со слов граждан адвокату В.Бокову, также не могли убедить нормального человека в том, что часть этих денег должна была пойти на подкуп судьи.

Но это нормального человека не могли убедить, а вот судью Геннадия Егорова они убедили. И это несмотря на то, что при умелом допросе адвокатом Г.Резником и его коллегой свидетелей, они ясно показали, что формулировки, переадресовывающие переданные ими адвокатам деньги должностным лицам – судьям и следователям, появились с подачи и прямой фальсификации их показаний Каратаевым.

Кроме В.Бокова и Е.Пилюгиной, которых Г.Егоров осудил к лишению свободы, Каратаеву удалось ещё привлечь адвоката Эдуарда Сопронского.

Его дело слушалось Верховным Судом РСФСР по первой инстанции. Это случилось из-за серьёзных доводов защиты о нарушении законности при расследовании адвокатских дел следователем Каратаевым. Защита Э. Сопронского была поручена Генриху Падве.

На процессе были вскрыты незаконные методы допросов и способы оказания давления на свидетелей. Они не могли быть придуманы разными незнакомыми между собой людьми, поскольку содержали абсолютно одинаковые и стереотипные действия и даже отдельные фразы, которые использовал один человек – следователь Каратаев.

К тому времени следователь уже, видимо, исчерпал тот лимит доверия, который ему был выделен при начале дела... Громкого скандала на всю страну и “Дела адвокатов” не получилось.

Дело Э.Сопронского Верховным Судом было отправлено на доследование с такими указаниями об устранении допущенных нарушений, что все стало ясно, что назад оно уже не вернётся....

Эдика Сопронского освободили из-под стражи.

Следователя Каратаева отправили назад, откуда и взяли. Насколько известно, он из Москвы убыл и на повышение не пошёл.

Зато вскоре был издан “Закон о борьбе с нетрудовыми доходами”. Под субъекты этого закона, которые подлежали ответственности, попадали лица, которые не обладали должностями и распорядительными функциями, но находили возможность извлекать незаконно доходы. То есть объединили в одну группу всех лиц, которые оказывают населению услуги, например, таксистов, и адвокатов.

Вставшие на свою защиту в единую шеренгу адвокаты не позволили считать себя людьми, оказывающими услуги населению.

И это правильно. То, что обязан делать адвокат в суде или на следствии, чётко регламентируется Законами.

А участие адвоката в уголовном деле, когда его клиента, например, потом расстреляли, вообще услугой называть нельзя...

После этой организованной кампании со стороны государства по борьбе с адвокатами я не припомню.

Отдельные случаи привлечения к уголовной ответственности адвокатов, даже их осуждения к лишению свободы, безусловно, имели место. Но организованных кампаний уже не было...

Десятого вала, которым бы накатили на адвокатуру, вроде бы пока не происходило.

Н.А. Сафронов – адвокат АПМО

Дело эмигранта Ю.С. Наумова

(из сборника отчётов и рассказов о реальных криминальных делах 1990-х годов, сохранившихся в памяти и документах адвоката)

Дела в отношении работников торговли в середине 80-х годов прокатились по всей стране от Калининграда до Владивостока.

С отголоском одного из таких дел уже спустя пять лет мне пришлось столкнуться на Дальнем Востоке.

В самом начале 1989 года ко мне обратились люди из города Комсомольска-на-Амуре. Люди не могли поверить, что генеральный директор Комсомольского-на-Амуре объединения “Общественное питание”, депутат городского Совета нескольких созывов, награжденный грамотами Министерства РСФСР, СССР, ЦК КПСС, ЦК ВЛКСМ, удостоенный многих медалей, а в 1981 году даже ордена “Знак Почета”, Заслуженный работник и отличник отрасли, в один момент стал преступником.

Озабоченные несправедливым судебным решением в отношении районного руководителя общественного питания Юрия Семёновича Наумова, осужденного приговором Хабаровского краевого суда в апреле 1985 года на 10 лет лишения свободы, с отбыванием срока наказания в зоне усиленного режима за неоднократное получение взяток.

Мои коллеги по консультации категорически мне не советовали принимать такое поручение, поскольку, если мне удастся “отбить” даже восемь взяток из десяти, в которых Ю.С.Наумов был признан виновным, то они всё равно образуют неоднократность совершения преступления. А за это минимальное наказание начинается от восьми лет лишения свободы, а как максимум предусмотрена и смертная казнь.

Ходатаи из Комсомольска привезли мне и аккуратно сшитые и пронумерованные ксерокопии материалов уголовного дела, состоявшего из пяти полновесных томов.

После ознакомления со следственными материалами этого дела, меня не оставляло чувство какой-то неполноценности и искусственности следствия. Всё начало вставать на свои места, когда я дошёл до изучения материалов судебного разбирательства.

Обращало на себя внимание то, что все десять эпизодов взяток были обоснованы только словами свидетелей. Ни одного случая получения Наумовым предметов взятки не было задокументировано. То есть не было меченых денег, не было заявлений о том, что готовится такое преступление. И не было проведено наблюдение за его преступным поведением или прослушивание его разговоров, иных записей. Всё было основано только на словах. Понятное дело, взятки в открытую не берут, стараются совершить это тайно. Но здесь и даже слова взяткодателей ничем не подтверждались.

Все получения взяток, якобы, имели место уже достаточно задолго до заявления о таком преступлении. Во всяком случае, с момента совершения преступления

и до появления заявления об этом в следственные органы проходило не менее нескольких месяцев.

Все преступления, вменённые Ю.С.Наумову, были не стереотипны, а совершенно различны. Как правило, взятки получаются за однотипные выполнения или умышленные неисполнения действия должностного лица, и сопровождаются однообразным поведением или даже стереотипными словами. А здесь одна взятка, якобы, была получена за содействие в получении вне очереди автомашины “Москвич”, другая за обеспечение конкретного ресторана “дефицитными” продуктами, третья за сокрытие недочётов по работе подчиненными руководителями ...

Но самое главное, что эпизоды передачи взяток были основаны исключительно на показаниях взяткодателей, которым в приговоре придали доказательственную силу, без подкрепления их конкретными, объективными данными. Показания Ю.С.Наумова, отрицавшего факты совершения им преступлений, и приводящим конкретные доводы, отрицались без всякой их проверки и анализа, только по мотивам, что они даны “с целью уйти от ответственности”.

То, чего не было отражено в материалах предварительного следствия, оказалось в протоколах судебного заседания и проясняло картину происходящего с наибольшей полнотой.

Всё вдруг начало вставать на свои места и объясняли мои возникшие недоумения.

В процессе суда над Наумовым Ю.С. было выяснено, что в отношении всех без исключения “добровольных заявителей” о даче ими взяток непосредственно перед этим были возбуждены уголовные дела именно следователями по его делу Лопатиным А.В. и Потаповым В.В., и Пилипчуком А.В.

Все эти будущие заявители до этого были арестованы или задержаны по предъявленным им обвинениям. Все заявления появлялись в стенах следственных изоляторов. После заявления о даче им взяток Наумову Ю.С., все заявители освобождались из-под стражи, а их уголовные дела прекращались.

Исключение составлял начальник отдела строительства “Общепита” кореец по происхождению Че Гван Ун, которого не просто самого арестовали, но и также поступили в отношении его матери. Его мать ездила на свою историческую Родину, в Южную Корею и провозила через границу иностранную валюту, что тогда было запрещено.

Он в судебном заседании, который проходил под председательством судьи Хабаровского краевого суда В.А. Елизарова (который был назначен впоследствии, в 1992 году, председателем Арбитражного суда по Дальнему Востоку), сообщил суду:

– Когда я был взят под стражу, со мной стал беседовать следователь Лопатин. Он сказал, что у твоей матери нашли валюту и можем ее посадить, если не скажешь что-нибудь на Наумова. Я не хотел, чтобы мать умирала в тюрьме... Сказали: скажешь, при ремонте квартиры Наумова паласы из ресторана видел, сам гвоздями прибивал. Эти паласы я в глаза не видел, но согласился – куда было деваться? Следователь Пилипчук тоже меня допрашивал, говорил: давай торг организуем – чем больше на Наумова скажешь, тем скорее на свободу выйдешь. В общем, Пилипчук и Лопатин командовали парадом по написанию моих показаний. Что они мне диктовали, то я и писал...

Из показаний на суде директора ресторана “Дзёмги” А.А. Перояна:

– Четыре месяца меня содержали в СИЗО-22/2 и говорили: “Расскажи нам про Наумова, и мы тебя отпустим”. Против Наумова говорили дать показания следователи Потапов и Лопатин. Как юбилей проводили, как рассчитывались – сдай нам Наумова! Я обращался в горком и крайком партии по поводу давления в тюрьме и на свободе. Да, я подтверждаю, что проводил банкет прокурор Костюченко и не заплатил за него. Сейчас я подробно расскажу...

Но не рассказал: судья Елизаров оборвал свидетеля, заявив, что это к делу не относится и не дал прозвучать правде.

Когда все взятодатели по делу Ю.С. Наумова были уже на свободе, и в отношении всех без исключения было прекращено уголовное преследование, то они выступали в суде, категорически отказывались от своих первоначальных показаний, объясняя это незаконными на них воздействиями со стороны следователей.

В обвинительном приговоре Ю.С. Наумова надлежащих объяснений изменением показаний свидетелей дано не было. Суд ограничился указанием, что “полностью доверяет их показаниям в ходе предварительного следствия”...

Поскольку средства для обжалования стороной защиты ещё до меня были исчерпаны, то оставалась только возможность обратиться с надзорной жалобой в Верховный Суд СССР.

По моей жалобе, где я поделился сомнениями с председателем Верховного Суда СССР В.И.Теребиловым, уголовное дело было истребовано, изучено, и внесен протест на состоявшиеся судебные решения. Пленум Верховного Суда по протесту его председателя В.И. Теребилова 2 марта 1989 г. приговор Хабаровского краевого суда от 17 апреля 1985 г. отменил, девять эпизодов взяток были признаны незаконными, а дело направлено на новое судебное разбирательство по одному эпизоду, связанному с получением взятки от Анохиной А.И.

По этому же Постановлению Пленума Верховного Суда СССР Юрий Семёнович Наумов был из-под стражи освобождён.

Именно Анохина в судебном заседании по уголовному делу по обвинению Ю.С.Наумова не отказалась от своих утверждений о передаче ему двух тысяч рублей “за выделении ей внеочередного права на покупку автомашины “Москвич””.

Для участия в новом судебном заседании, которое происходило в январе 1990 года в городе Комсомольске-на-Амуре, Юрий Семёнович пригласил меня, и мы только тогда впервые с ним встретились.

Уже при личной встрече, при подготовке к разбирательству в суде, он поведал, что он стал жертвой местных “разборок власти”.

Он был самым “юным” директором не только в Комсомольском тресте столовых, но и на весь Хабаровский край!

Его судьбу искалечили именно те, кто сначала его поднимал. Не вписался он в их круг. В то застойное время сейчас мало кто знает, что руководителям торговли часто приходилось обслуживать официальные мероприятия – банкеты, выезды на природу, рыбалки и сауны, приемы в правительственном коттедже. По протоколу присутствовали секретари горкома КПСС В.М. Крысин, Т.Д. Ставицкая и Ю.Ф. Матвеев, председатель горисполкома М.И. Тищенко, председатель краевого исполкома Н.Н. Данилюк, первый секретарь Хабаровского крайкома партии А.К. Черный и многие другие.

И никто эти спецмероприятия не оплачивал!

Ю.С.Наумов обратился к начальнику краевого управления общественного питания Г.В.Елисееву. Тот пожал плечами: “Ты генеральный директор, тебе и решать с городской властью, это же их гости”. Крысин и Тищенко тоже отмахнулись: “Подожди, решим...”. И он ждал. Время шло. Счета копились. Директора ресторанов писали ему докладные: как быть с дебиторской задолженностью? Все эти документы он сохранил по сегодняшний день.

Последней каплей стал юбилейный вечер для прокурорских работников, который заказал 26 мая 1982 г. прокурор города Николай Костюченко в ресторане “Дзёмги”. Было сто человек, в том числе руководство прокуратуры края. И опять за банкет повис долг. Несколько месяцев Ю.Наумов напоминал Костюченко про деньги. Он сперва обещал рассчитаться, а спустя год пригрозил: “Ты о будущем своем лучше подумай!”

Ю.Наумов не внял угрозе. За справедливость, по “мудрому” совету первого секретаря горкома Крысина, обратился к первому секретарю Хабаровского краевого комитета КПСС Черному: «Алексей Клементьевич, окажите содействие погасить долги “Общепиту”, а также разберитесь с дебошами, которые творят в барах города работники горпрокуратуры Пилипчук и Лопатин...».

Возбуждение уголовного дела против самого Ю.Наумова и его арест стали ответной реакцией.

А когда его арестовали, то следователи постоянно требовали показаний о противоправной и преступной деятельности первого секретаря горкома КПСС Крысина В.М. Ну точно как в 1937 году.

В процессе обжалования дела все должностные лица Хабаровского краевого суда, включая его председателя, уже успели приложить руку к рассмотрению дела Наумова Ю.С., поэтому рассмотрение его дела Верховным Судом СССР было поручено аналогичному по своей компетенции Дальневосточному краевому суду.

И для этого из Владивостока была направлена выездная сессия, которая и рассматривала дело в большом актовом зале, в городе Комсомольске-на Амуре.

(продолжение следует)